

602
**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

ФРИЦ ФОН УНРУ

ДРАМЫ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

39034

83-2

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

У 60

ФРИЦ ФОН УНРУ

ДРАМЫ

- 1) РОД
- 2) ПЛОЩАДЬ

ПЕРЕВОД С. ЗАЯЦКОГО, В. МОРИЦА
и Б. Л. ПРЕДИСЛОВИЕ В. И. ЯРХО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

856

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ — МСМХХІІІ — МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трилогия „Род“ („Geschlecht“) представляет поворотный пункт в творчестве Фрица фон-Унру, который до ее появления считался лишь рядовым представителем новой немецкой драматургии. Теперь о нем говорит вся Германия, ставя его на ряду с Клейстом. Самая трилогия была удостоена Грильпарцеровой премии за лучшее драматическое произведение. Этот шумный успех заставляет нас посмотреть на пьесы „Род“ („Geschlecht“), „Площадь“ („Platz“) и „Дитрих“ не только как на индивидуальное произведение ф. Унру, но и как на образец современно-немецкого художественного вкуса. Все они как по своей концепции, так и по форме тесно связаны с совершающимся мировым переворотом, который, повидимому, остро переживается автором. В самом деле, довоенные произведения ф. Унру носят совсем иной характер. Самое типичное из них — это драма „Долг“ („Die Pflicht“), панегирик идеям „долга“, „чести“, „отчизны“, на которых держался дух императорской Германии и которые поддерживали ее в неравной борьбе.

Моральное крушение этих устоев отразилось на поэте тем сильнее, чем теснее он, как дитя правящих кругов и офицер

прусской армии, был с ними связан. Ему приходится вырвать кусок из своего морального „я“, и это вызывает в нем глубокое потрясение. Отсюда — интенсивность и сложность эмоциональной концепции его драм.

Серьезное сокрушение и ужас перед событиями войны и ее последствий, в связи с драматической (образы в действии + диалогический стиль) формой вводят его произведение в жанр трагедии; отвращение к корчащемуся живому труп старому миру (см. образы Правителя и Старца в „Площади“) придает пьесам характер диатрибы; наконец чувство презрения и гадливости к уродливым гибридным явлениям переходной эпохи (Шлейх, Гутундблут, Бианка) вносит в отдельные места драм элемент сатиры, который по объему и влиянию на форму значительно уступает двум предыдущим и не нарушает общего характера трагической диатрибы.

Идейная концепция чрезвычайно ясна во всех своих подробностях, несмотря на то, что способ ее выражения на первый взгляд кажется туманным. Автор столько раз поворачивает к нам идею всеми ее сторонами, попросту говоря, столько раз повторяет ее в разных словосочетаниях, что из под груды образов, в конце концов, легко вылупляется то, что их связывает. Основная идея — одна для всех пьес с той только разницей, что „Род“ исходит из ситуации войны, а „Площадь“ — из революции *). Немецкий критик **) определяет идейную концепцию „Рода“, как изображение „непомерных противоречий времени, в котором героические потрясения тогда еще победоносной войны спорят с глубокой потребностью в мире для всего человечества“, а идея родины с правом единичной личности на самое себя. И здесь, стало быть, конфликт „Долга“.

*) III часть — „Дитрих“ пока не входит в наше рассмотрение, т. к. она в настоящее время в России еще неизвестна.

**) Engel: Y. Unruh u. seine 5 besten Bühnenwerke [Schneider's Bühnenführer] стр. 36—39.

В чью пользу решает его поэт, созревший в сражениях для высшей человечности, — этого не нужно даже подчеркивать: *над нацией... для него стоит человечество*. Правда, не нынешнее человечество. Оно еще должно родить из себя новое и лучшее, такое, которое не разлучает народы, но соединяет их в едином высшем стремлении, такое, которое *уважает рубежи*, но, вместе с тем, чувствует над всеми ими общее небо, — человечество, которое достаточно сильно, чтобы *отказаться от насилия и променять его на благородное наслаждение жизнью*“. Точно так же в „Площади“:

Лишь вы мятетесь меж скотом и богом,
Когда б должны считать себя людьми,
Рожденными для наслаждения жизнью.

Вообще, если заменить „долг перед родиной“ „долгом перед классом“, то идеи обеих пьес совпадут. Дитрих изменяет „братьям“, как изменил „Роду“, во имя внутренней духовной революции. Но он не в силах остановить мировой процесс, и борьба двух враждующих стихий продолжается и помимо его и его идеала.

Итак, идея пьесы принадлежит к числу, так называемых, вечно новых, т. е. затасканных (что, в сущности, одно и то же). Вся идея целиком выражена в монологе Дитриха в 12-й сцене „Площади“, а остальное заключает лишь развитие ее подробностей, символическое изображение, с одной стороны, конвульсий старого мира, корчащегося между упорством и отчаянием, то готового добровольно сдаться, то грозящего огнем и кровью, с другой — приливов и отливов революции.

Таким образом, ясно, что интерес трагедий не в идее (которая всякому приходит в голову тридцать раз в месяц), а в той формальной оболочке, в которой она нам преподносится, т. е. интерес их не философский, а художественный.

Все основные образы *) (Кладбище, Площадь, Молох и все действующие лица) находятся на службе у идейной концепции, что определяет *символический* характер произведения. Даже детали и действия образов (т. е. мотивы) настолько тесно связаны с идейным содержанием, что часто доводят символ до степени *аллегории*. Мы, пишущие предисловие, а не исследование, разумеется, не можем раскрывать значение всех образов, мы приведем только несколько примеров символизации Уиру.

Символику имен отметил еще Энгель (ук. соч. 43—6): „Ирина“, символизирующая идеал Дитриха, по-гречески означает „мир“, „Гутундблут уже самым именем отмечен как националистический фразер“; прибавим, что и Дитрих, как видно из сц. 20, не случайно носил имя немецкого эпического героя.

Символика атрибутов насчитывает гораздо больше примеров. Сюда относятся меч Идола Площади (карающая сила власти) и обширное чрево Правителя, причиняющее ему муки пресыщения, и половое бессилие Старца (= стерильность отжившей идеологии), и мн. др.

Но всего обильнее символика мотивов. Дитрих бросает весы (*идею справедливости*) в руки пошлой современности, Шлейха, а себе оставляет огненный цветок духа, *цветок любви*. Старая власть притаилась, потеряв голову в вихре катастрофы: Правитель притворился мертвым (Энгель видит в этом прямой намек на императора Вильгельма). Дитрих, временно оторвавшись от идеала (Ирины) и вняв зову страдающих братьев (Трусливый сын), облачается в вооружение Гутундблута, т. е. перенимает приемы борьбы, которыми пользовались его враги. Передовые интеллектуальные

*) Под основными образами мы разумеем те, которые являются предметом изображения в отличие от вспомогательных, служащих для художественной обработки первых, и т. д. вводимых путем тропов и др. реальных фигур.

классы (Шлейх) мечутся между чувственными наслаждениями (Гиацинта) и идейным движением (Дитрих); в погоне за новым они готовы служить Дитриху, когда он проповедует войну и когда он является провозвестником евангельской идеи, и т. д., и т. д. Почти каждый шаг каждого лица может быть символически осмыслен.

Но, разумеется, идеей покрывается далеко не все образное богатство пьес, как то вообще бывает в больших художественных произведениях.

Вспомогательные образы (см. выше прим.), обилие которых поражает читателя с первого взгляда, производят впечатление совершенно свободного подбора по воле случайной ассоциации. Этот подбор вполне соответствует *эмоциональной концепции* трилогии. Впечатление смятения в значительной степени достигается *беспорядочным нагромождением образов*, взятых из самых различных областей. На каждой странице можно найти примеры того, как широкая образованность автора дает ему пищу для самых неожиданных сравнений, сопоставлений и противоположений образов. Это соединение образов по ничем не регулируемой свободной ассоциации есть, как кажется, один из наиболее характерных приемов так называемого экспрессионизма.

Внутренний пафос достигается обильным применением *гиперболических* образов („так тебя я искромсаю, что мозг твой будет капать с колокольни“).

Сочетание отвратительных и красивых символов, неожиданное введение гротескных, циничных, противоестественных образов (костюм сумасшедшего Гутундблута, любовная сцена между Гиацинтой и Шлейхом во II акте „Площади“ и мн., мн. др.) являются орудиями *диатрибной* и *сатирической* концепции, часто утрирующей гротеск до невыносимой грубости.

Интересный прием, служащий одновременно и сатире и известному релятивизму в мировоззрении, ф. Уиру применяет при создании основных фигур драмы: каждый из главных персонажей

имеет рядом с собой свою карикатуру или искажение. Правитель в 21 сцене прямо называет Гутундлута карикатурой на себя, смешно уродливой стороной старого строя. И революция („Дитрих“) имеет свои безобразные формы: *Трусливый сын порвал, как и Дитрих, с устоями долга и чести, но только из низменных побуждений трусости*. Старший, первородный сын матери („Род“) символизирует грубую анархическую революцию необузданной примитивной личности против препятствующих его страстям общественных устоев. В этом смысле они оба суть искажения Дитриха, младшего сына, грядущего за ними и несущего революцию *любвеобильного духа*. Равным образом, рядом с Ириной стоит ее родная сестра, чувственная эгоистическая любовь, вполне столь же красивая, как и она, но лишенная животворящего дыхания, топчущая путеводную лилию духа.

Наиболее оригинальной стороной пьес является стиль, который должен, повидимому, отражать настроение катастрофы, бурного и хаотического столкновения враждующих стихий. Мы явственно различаем *два стиля*, основной, трагический, общий для обеих пьесу, и другой, служащий сатирической концепции, появляющийся в речах Шлейха. Так как 2-й представляет собой утрировку 1-го, то ясно, что здесь повторен тот же прием, какой мы отметили в иконологии пьес, где главные личности оттенены пародирующими. Мы попытаемся сначала вкратце охарактеризовать основной стиль, а затем отметим отличительные черты шлейховского.

Прежде всего следует подчеркнуть сильную эмоциональную окраску стиля, которая позволяет применить к нему название *патетического* и достигается следующими фигурами: а) огромным количеством восклицаний, восклицательных предложений, б) чуть ли не таким же количеством риторических вопросов; далее рядом

грамматических замен (*enallage*) и опущений (*ellipsis*), сопровождающих речь возбужденного человека, как-то: в) неправильное согласование по ассоциации [*игра испугов (единств. число) сплет* подобно пойманным мышам“], т. наз. *zeugma*, г) эллипсис сказуемого (очень часто!), д) перерыв в речи, е) новая, необычная редакция глагола („творчество шумит в чашу“ и мн. др.), ж) замена прилагательного наречием.

Реальные фигуры, т. е. такие, которые вводят новые образы, настолько обильны, что редкий стих обходится без них. Эта *гипертрофированная образность* речи часто затрудняет понимание. Особенно изобилуют сравнения (иногда по несколько в одной тираде) и прозопопея („чума в нем *копошится*“); весьма многочисленны также все виды тропов (метафоры, метонимии, синекдохи); напротив, антитеза и оксиморон — сравнительно редки. Из модальных фигур (т. е. действующих лишь на модус восприятия образа, не прибавляя к нему ничего), кроме вышеуказанных патетических приемов, встречаются очень немногие. Особенно мало фонетических фигур, связанных со слуховым восприятием, как то *рагеттепол* („шелковейший будуар из шелка“), и различных видов повторения (анафора, эпифора и т. п.) и параллелизма.

Лексикон характеризуется новыми неупотребительными словосочетаниями прилагательных (тихоковровый), наречий (пантерояро), существительных (душегрыз, трупокаша). Нередки также новые глагольные образования (*ninfengernd* — пальцетыча). Переводчики старались передавать необычные для немецкого языка сложные слова сложными же, отдавая себе отчет в том, что в русской речи, меньше пользующейся словосложением, эти слова звучат еще экзотичнее, чем в немецком. Они этим приемом пытались восполнить другие, непередаваемые, отступления от немецкой грамматики (напр., неправильное соединение глагола с приставкой), чтобы не лишать языка характера оригинальности. В остальном, старания переводчиков были направлены к возможно более точному

сохранению оборота, где только возможно. Только расположение слов, которое у Унру часто совершенно произвольно, иногда сознательно менялось даже в тех случаях, когда его можно было бы сохранить, если оно уж слишком затрудняло понимание.

В очень немногих случаях перевод вынужден был раскрывать слишком запутанный образ, меняя способ выражения.

Были, однако, приложены все старания, чтобы не вводить субъективного толкования трудно понимаемых мест, особенно в *утрированном стиле* шлейховских реплик, пародирующих язык современных поэтов, как самый образ Шлейха пародирует современную культуру.

В этом стиле грамматические фигуры встречаются еще чаще, и к уже перечисленому запасу присоединяются: а) неправильное сочетание глагола с приставкой (aussprichst du Witz), б) употребление неличных форм глагола (verbum infinitum) вместо личных (neteroschematiston), в) эллипсис члена при существительном и личного местоимения при глаголе, при чем последнее явление невероятно затрудняет понимание (становится иногда невозможным отличить 1-е лицо наст. вр. от 2-го лица повелит. накл., 3-го лица наст. вр. от 2-го л. мн. числа пов. накл. или от прич. прош. вр. и т. д.). Переводчики в этих случаях использовали контекст, насколько было возможно, но все же многие места остаются спорными. Словообразование еще причудливее. Эмоциональных фигур (эротема, апострофа) еще больше. Стиль может быть характеризован как *эмфатический*.

О метрике драм можно сказать лишь немного. Мы уже видели, говоря о фонетических фигурах стиля, что Унру, как кажется, мало ценит звуковое впечатление. Потому эвроническая сторона его драм сравнительно бедна: рифмованные стихи встре-

чаются только в конце „Площади“; аллитерации разбросаны по обоим пьесам в довольно большом количестве, но без определенной системы.

Вообще, хаотичность современности должна, повидимому, отображаться в *беспорядочном размере стихов*. Мы здесь имеем дело не со свободным стихом, так как имеется прочная база *5-ти стопного ямба*, обнимающего, как кажется, более 90% стихов. От этого ямба встречаются отступления без какой-либо видимой *ratio* очень редко в сторону 6-ти стопного ямба и гораздо чаще в сторону стихов, усеченных на одну или две стопы. Особенно много таких отступлений в „Роде“, где имеются даже двухстопные и одностопные стихи.

Ритм этих стихов своеобразен, как говорится, *тяжел*, т. е. логически ударяемые слова сплошь да рядом попадают в неударяемое положение, на 1-й слог стопы (schwere Senkung), т. к. в русском стихе это гораздо необычнее, чем в немецком, и могло бы создать впечатление неумелого стихосложения, то переводчики старались по возможности сократить количество таких случаев или же помещать возникающие таким образом хориамбы в начале стиха, где они по-русски более обычны. Разумеется, это оказывалось невозможным в тех случаях, когда неударяемое односложное слово заполняет целую реплику (случай весьма частый в обеих трагедиях), т. е. когда ямб составляется так:

Как? — Так!
Мертв? — Мертв!

или когда чуть ли не половина стиха (в речах Шлейха) строится из односложных слов.

Метрика Шлейха, как и его стиль, есть утрировка основного принципа. Он говорит, выпаливая отдельные слова, которые, благодаря эмфатическому стилю, составляют целую фразу. Таким

образом, получается стих *прерывистый*, перегруженный тяжелыми паузами (часто в середине стопы), равными по силе главной цесуре, что по-немецки создает впечатление удлиненного стиха. В таких стихах, особенно, если они разбиты на две или более реплик, ухо слабо воспринимает ритм.

Еще одним звуковым приемом сатирической концепции является переход к прозаической речи в некоторых местах „Площади“, а именно в саркастических тирадах.

Свободное *строфическое* построение встречается только в рифмованных стихах в конце „Площади“. Вся же остальная масса стихов — астрофична.

Теперь осталось еще только взглянуть на обе пьесы с точки зрения **театрального представления**. Уиру не принадлежит к числу драматургов, которые предвидят все особенности сценария и постановки. Ремарки его кратки и часто не очень ясны.

Даже описание *декорации*, казалось бы, довольно подробное, все же, предоставляет много работы фантазии режиссера и декоратора, несмотря на то, что ни в той, ни в другой пьесе обстановка не меняется. В „Роде“ постановка значительно проще, чем в „Площади“, где каждая подробность символична. Особенное значение имеют все выходы, и декоратору придется не мало потрудиться, чтобы правильно расположить ворота в город, в сад (так чтобы отовсюду были видны и сад, и город), вход во дворец, прикрытый занавеской, спуск в подземелье, две лестницы на галерею, окна, в которых появляются Сенаторы. О месте, где стоят статуя Юстиции и Крест (последний, впрочем, как-то преграждает вход на галерею), автор ничего не говорит. Многие сцены разыгрываются на галлее, при чем их, б. ч., нельзя перенести в другое место, ибо устремление вверх и спуски вниз имеют символический смысл.

Этими обстоятельствами, разумеется, сильно усложняется *mise en scène*, в смысле координации движения актеров; здесь режиссер пользуется довольно большой свободой, ибо не всегда указано, куда выходит лицо и откуда оно входит. Кроме того, довольно много внимания потребуется, чтобы разнообразить движения, в особенности падение персонажа на землю, которым автор сильно злоупотребляет. Далее, целый ряд жестов и подробностей, вероятно, придется затушевывать из цензурных соображений.

Наибольшее раздолье предоставлено *костюмеру*. Только костюм Шлейха точнее описан, как современный фрак и цилиндр, да еще упоминаются цилиндры Сенаторов. Вообще же, автор прямо указывает, что не связывает костюмы с определенной эпохой. Но так как в тексте упоминается целый ряд исторических лиц и событий, то облачение персонажей, говорящих о Лютере, инквизиции, Табарене и Достоевском, например, в античные костюмы, вряд ли явится желательным приемом гротеска*). Надо полагать, что совершенно фантастические костюмы будут наиболее уместными.

Игра актеров, в отношении эмоциональных жестов и интонационного движения голоса может быть очень богатой и разнообразной. Этому способствуют: а) сильно эмоциональная окраска речи (см. выше), б) частые переходы от патетического стиля к сатирико-пародистскому, в) быстрая смена чувств и настроений внутри каждой фигуры, т. к. они в силу идейной концепции пьесы изображают классовые или идеологические элементы общества, приведенные переворотом в полное смятение. Для примера достаточно взять фигуру Матери из „Рода“, о которой Энгель (ук. соч.) удачно говорит: „Она — преисполнившаяся чаша *всех* материнских чувств, все что когда-либо обуревало сердце матери в виде нена-

*) Однако, нельзя сказать, чтобы такой прием был совершенно неприменим в этих пьесах, рассчитанных на впечатление хаоса и сумбура.

X висти или любви, гнева или радости, самолюбия или огорчения — все это пылает на ее устах". Такими же перенасыщенными чашами переживаний представляются нам и остальные протагонисты и антагонисты драм: Старший Сын, Дочь, Дитрих, Правитель, Ирина. Даже такое сравнительно второстепенное лицо, как Старец, последовательно проходит через гнев, злорадство, насмешку, сладострастие, усталость. Актеру приходится тщательно вдумываться в тон каждой фразы, ибо от его умения здесь, более, чем где-либо, зависит усвоение зрителем трудно понимаемой (даже при медленном чтении) символики пьес.

Из всего вышесказанного явствует, как нам кажется, что „Род“ и „Площадь“, как постановочные пьесы, вполне достойны русского театра с его развитой техникой и силой сценического замысла.

Б. И. Ярхо

Памяти моего брата

ЭРИКА

р. 1888, пал в бою 1915 г.

РОД GESCHLECHT

ТРАГЕДИЯ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ „РОД“

1918

2 уиру. Драмь.

Л И Ц А:

МАТЬ.

СТАРШИЙ СЫН
ТРУСЛИВЫЙ СЫН
МЛАДШИЙ СЫН
ДОЧЬ

} ее дети.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ,
ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
ВОЙСКО.

Одежда действующих лиц не приурочена к определенной эпохе;
действие происходит на кладбище на вершине горы.

Светлая теплая ночь. Лужайка на вершине горы, где расположено
кладбище. Через решетчатые ворота видны могилы.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(смотрит через ворота на двух женщин со свечами в руках и на
юношу, который роет могилу).

Несчастливая, благословенна ты
И проклята! Пока ты с Младшим Сыном
Хоронишь павшего в бою любимца
И к огнеблеску доблести взываешь,
Сюда идут оплеваны, в оковах,
Два близнеца, рожденные тобой.
Зачем ты их детьми не утопила?..

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(укрепил на обоих сторонах ворот кольца).

Железо крепко!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(к ожидающим солдатам).

Введите тех, кому готово место!
Такой разлад природы кто поймет?

МЛАДШИЙ СЫН

(на кладбище).

Слезой сестры потушена свеча!
Зачем ее держу?

(Кидает ее).

Вся кровь во мне
Мрачнеет от такого зрелища!

(Хочет бежать).

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(удерживает его).

Нет, прежде чем уйдешь в долину, ты
Исполни то, в чем ты поклялся!

МЛАДШИЙ СЫН.

Безумен был я, клятву дав!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(указывая на могилу).

Что должен мертвецу ты и себе,
И нам, как всем, кто, преклонив колени,
За дух могучий молятся народный, —
Не отлагай... Грех тяжкий искупи,
Пока в нас бог не бросил грузом кары...

(Волокут двух полуобнаженных людей).

Дикорастерзанных ты видишь братьев, —
Их за строптивость родина отвергла!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(хватает их).

Будь крепко связан, парень, за проступок,
Чтоб жадностью ты наших бед не множил,
Победу обессилив... Здесь умри
Ты рядом с братом непослушным, он
Себя отвратом трусости навьючил!

МЛАДШИЙ СЫН

(у ворот).

Вот мать моя — покровом скрытый образ!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Ты медлишь?

(К солдатам).

Где ремни?

(Крепко связывают осужденных).

МЛАДШИЙ СЫН

(Предводителю солдат).

Да, вам легко

От рук моих так скоро ждать возмездья!
Так хочет Дух Толпы, — он веком правит!

(К братьям).

Я чувствую, дрожа, как страсть порой
Толкает к пропасти и благородных!

(К Предводителям).

Да! Оба благородны, только слишком
Опьянены могучим чудом жизни.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(Младшему сыну).

Прощенье умерло. Огонь войны
От себялюбия всех нас очистил.
Покрытые проказой члены должно
Немедленно от тела отсекать...

МЛАДШИЙ СЫН

(пораженный).

Как, отсекать? Ужель?

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Необходимость!

Как из тумана знаменитых предков
Луч огненный пронзил народов узел,
Завязанный неправдой против нас,
Так мы в себе свою задушим мерзость.

МЛАДШИЙ СЫН

(запуганный).

Чтоб укрощать бессилье? Дай топор!

(Роняет его).

Тот образ, чтимый свято мной, их создал,
Как и меня... Мне грудь терзает!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Отскакивает вздох от наших ребер
Железных, как дома отчизны нашей,
В себе терпящей лишь способных к жертве!

МЛАДШИЙ СЫН

Ах, еслиб вы и вправду их убили,
Кто сила та, что всех живущих гнет,
Пока они не потеряли воли?

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Верь: и тебя растопчет за кощунство!

МЛАДШИЙ СЫН.

Сверни мне шею! Давит грудь кошмар!
(Падает без чувств).

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Так пал бы дуб, утратив связь с землею!
(В воротах появляется Мать и Дочь).

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Сразит ли вид мятежников ее?
Взгляни на сыновей!

ДОЧЬ.

Вот, где они! Закованы, как воры!

(К Трусливому).

Не ты ли полнил облака мечтами,
Когда пылал в полдневных далях вереск.
Как грустно ты главу на грудь склонил!

(К Матери).

И терпишь ты, чтоб братьев умертвили?

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Ее молчанье вырастает в сумрак!..

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Сюда пришли мы не решать загадки!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(другому Предводителю).

Оставь ее одну! Клянусь тебе,
Что утро их живыми не застанет!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(указывая на Младшего).

Взять и его!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Пускай в сраженьях станет

Достойным членом мощного народа.

Отечество пусть вечно будет Силой,

Которая хранит от произвола,

Как та ограда — прах бойцов от плуга.

(Кроме обоих осужденных, Матери и Дочери, все уходит обратно
в долину).

МАТЬ

(глядя на землю).

Молчать должны мы, знающие много!
Здесь пал ты! Младшее мое создание,
Сраженное рукой Долженствованья!
Твой милый взор был на меня направлен,
Теперь судьба речет! Действительность
Небесным сном дает и Цель, и Имя!
Лишь счастье и мучение впервые
Вас создает в нас, лишь раздастся крик
Из ваших губок и кормящей груди
Вы ножками коснетесь, — в жизнь мы верим!
Смеемся над законом, что растет
И матери теперь приносит горе!

(Она поворачивается к осужденным).

Да, сыновья, когда вы были юны,
Воображение у ваших тел
Мне воздвигало храм!
Теперь стою я над обломков грудой,
И до рассвета сор убрать спешу!

ДОЧЬ.

О, мать моя!

МАТЬ.

Зачем рычишь то имя?!
Приятней кваканье мне слышать жабы,
Чем этот звук, столь для меня гнетущий.
Иду и люльку, созданную смертью,
Украшу я!

(Она удаляется на кладбище).

ДОЧЬ

(к братьям, стоящим в отдалении).

Когда злодеев раньше я видала,
Меня влекло к решетке любопытство,
Чтоб на пути от двери до повозки
Горящий злобою увидеть взор!
Теперь в родной крови возник он! Братья,
Связала радость тайно нас навеки...
Оковы, вогнанные в ваше мясо,
Меня задушат... На коленях мать.
Кругом расселись давящие Духи!

СТАРШИЙ СЫН.

Останься, девушка! Я слышал все!

ДОЧЬ.

Твой голос оковать сумеет ноги?

СТАРШИЙ СЫН.

Ради того, что наделило женщин
Красою, дай твои мне ноги видеть,
Дай видеть очертанья возвышений,
Которыми меня пьянила так
Природа, что в их прелести тону я!
Зачем глядишь ты, тяжело дыша,
Так пристально! Мне пути разреши!

ДОЧЬ.

О, быть бы ветром! От себя умчаться!

СТАРШИЙ СЫН.

Куда ползешь? Пурпурный мир боев
Весь полн мужчинами! Их руки цепки!
Коль не живые простирают пальцы
Они к твоей груди, то мертвецы
Твои колени ловят!

ДОЧЬ.

Мне стала тяжела моя коса!

СТАРШИЙ СЫН.

Вознагражу тебя. Сорви мне узы!

ДОЧЬ

(к Трусливому).

Вокруг тебя презренья виден круг!

Его не преступить! Я в нем укроюсь!

СТАРШИЙ СЫН.

Разрежь мне узы! Видишь, глажу я

Ступнею тень твоих прекрасных бедер.

ДОЧЬ.

Нас с голубыми жилами создавший, —

Желаний дом, лишенный только крыльев —

Не оставляй меня. Вдруг тиной стала

Земля кругом, ступни опоры ищут,

Я погружаюсь! Ночи краснота

Пурпурными вокруг кишит червями.

СТАРШИЙ СЫН.

Зачем ты льнешь к лужайке, как пантера?

Добычи ждешь?

ДОЧЬ.

(кидается к нему).

Меня терзайте, руки!

(Освобождает его от пут).

СТАРШИЙ СЫН

Я вновь могу сгибаться! Насыщаться!

(Хватает Дочь)

МАТЬ

(при виде ее оба отступают)

Мой глаз гниет от мерзости такой!

ДОЧЬ

(возле Старшего сына)

Спаси меня от женщин всех на свете!

МАТЬ.

Лопатою, которая бросала

Сырой песок сейчас на очи сына,

Я вас убью!

СТАРШИЙ СЫН.

Не ты ли родила нас?

МАТЬ.

Что смелости тебе придало?

СТАРШИЙ СЫН.

Кровь,

Не вышедшая вместе с пуповиной.

МАТЬ

(старшему Сыну).

Коль молоко мое, святая пища,

Столь дерзкие творит в мужчине силы,

То ведьмы правят роком матерей.

Ничем тебя к земле не преклоню я!

(К дочери)

Тебя же, мне подобную, за косу

Из оута преступности я вырву!

ДОЧЬ

(освобождаясь)

Поток любовных сил в тебя проник!

Как хорошо стоять здесь насыщенной

И тот исток, рожденный темнотой,

Вдруг камнем добродетели задвинуть.

МАТЬ.

Молитва не поможет тут! Я знаю!

ДОЧЬ

(Старшему сыну).

Нас в детстве няньки гнали к свету ламп
Из темного угла, пугая букой!
Пока мой светлый мозг в тепле уверен,
Проклятья не страшны мне!

МАТЬ.

Коль Младший Сын вернется мой столь диким,
Что руки, ждущие его так нежно,
Чтоб сок войны стереть с его чела,
Опустятся, лишь я его увижу, —
Что мне останется?

(К Старшему сыну).

Твой голос и походка,

Ах, все, что от людей ты перенял,
Ужасно так и страшно для меня.

СТАРШИЙ СЫН.

Война пришла! И век утратил пудру
В потоках крови, по земле текущих
Обильно так, что комья вновь, как глина,
В моих руках твореньем новым стали!
Я в час один годов изведаль тяжесть,
И рушилось по всей земле бессилье!
Мир так раздавлен и растоптан ныне,
Что весь он трупом стал с оскалом страшным.
От ужаса мои колени мерзнут!

МАТЬ.

Коль так случилось, то к чему молитва!

СТАРШИЙ СЫН.

Вокруг меня погиб внезапно сон
И в смерти корчится! Смотри, вся кожа
В поту от жара вспыхнувших селений!
Ах, хмель, меня из тупости исторгший,
Бежит, пылая в лагере огнями,
Как тучи сна усталости назад.
Но среди крика жен, которых гнали,
Схватил себе я непокорнейшую
И был уже надежды полон — бог,
Витающий над озером желаний —
Как вдруг меня повергла, как скотину,
Та сила, чтившая меня за чудо,
Когда, ей в честь, я шел в крови по поясу!

МАТЬ.

Земля, жива ты вечной силой роста,
Ты месяцы беременным даешь,
Пока они не склонятся для родов!
Даешь ты отдых долгий зимней пашне,
Чтоб мартовский посев она приняла.
О, обнови мне кровь для новых чувств!

СТАРШИЙ СЫН.

Я тут стою свободный, но не сытый,
С груди моей еще свисают кудри
Умерших девок! Руки все в рубцах,
Как ураган, еще мой пыл блуждает
Среди обломков, взгроможденных мной.

ДОЧЬ

(у него на шее).

Ты это? Безграничный, неземной,
О коем я в горячей тайности
Шальной томила, чем о свете ночь!

МАТЬ
(к обоим).

То сон ли дряблых чувств? Действительность!
Страшнейшее передо мною! Дети!

СТАРШИЙ СЫН.
Приводят нас к высотам ближним Солнцу
А там, едва отвыкнет грудь от долов
И о ярме крестьянском позабудет,
Законом вдруг пронзают сердце нам!

ДОЧЬ.
Божественный! Я оживаю вновь!

МАТЬ.
Земля моя, семян священных лоно,
Ты ржи даешь плодонаряд златистый,
На мох осенний сеешь ты цветы
И каждое творение питаешь
Ты вдоволь. Жабе место ты даешь,
И бабочки в твоём дыхании вьются...
Создай пещеру, чтобы я смогла
Свой выводок от блеска дня спасти!
Грудь вялую мне оживи,
Пусть для детей она течет ручьями!

СТАРШИЙ СЫН.
Я больше не склонюсь пред алтарями,
Что родина вокруг бессилья строит!

МАТЬ.
Быть за одно с тобой — то жар, то ужас!
Рука тебя не в силах оттолкнуть!

СТАРШИЙ СЫН.

Склонитесь миллиардами в долинах
Перед лжебогом слабости своей!
Схвачу за зубы я безумье Массы
И сброшу с шеи когти я его!

ДОЧЬ.
Разбей меня! Пусть ничего не будет,
Чтоб не могло тебя понять!

МАТЬ.
Дрожит он!
Земные матери, не проклиняйте:
Про ненависть судьбы забыла вдруг!
И рушится во мне сопротивление!
(К Старшему сыну).

Приди, главу склони на эту грудь,
Чтоб лоб мой мог противиться напору...
(К Дочери).

Приди и ты с горячею косою!
Я проспала спокойно полночь жизни!
Теките воды черные! дышу я!
Зовется это все: стучаться в землю.
Я здесь сижу, без формул заклинаю
То сердце, что во всех твореньях бьется:
Мой взор не ищет призраков умерших,
И может ли оракул мне помочь?

ДОЧЬ
(подле Старшего сына).
Что взор рождает твой! Таинственно
Пред ним блуждает мать туда, сюда...

МАТЬ

(к Трусливому).

И ты приди! Я грусости пятно
Сотру лобзаньем. Дети, радость снова
От близости родится ваших тел!
Когда я в вашу добродетель верой
Была полна, я видела свой образ
В шипах печали и в шипах блаженства,
Теперь из глуби вашего греха
Меня объемлет опьянение жизни,
И кровь течет во мне опять быстрее!
Бьют из меня ключи всех ваших чувств!
Меня толкнула в руки мужа страсть
От страха ноги не повиновались...
Теперь в телах у вас кипит все это,
Прекрасная невинность ваша ныне
Моих ночей заботу разрывает!
Дрожа, себя я узнаю с трудом!
Меня хватайте!.. В цепь меня закуйте!
Но пусть клеймо моих детей не тронет!
Иль только львица рвать когтями может,
Уже ль хомяк лишь скалить зубы смеет?
Я здесь стою! Где ты судья, палач?
Пускай зовут твои мечи, как трубы,
На суд, обрекший вас на смерть теперь,
Пускай пронзят ту грудь, что вас вскормила!

ДОЧЬ

(радостно).

Но места нет среди людей для нас!
Мы на горы пойдем, чтобы обнять там
То, что смутил тысячелетний лик.

Гигантов племя, что от рода Дня
Освободясь, товарищем избрало
Для игр своих уединенные звезд.

МАТЬ

(дико).

Сорву с чела я вдовье покрывало!
О, вымученный жар ночей, пылай —
Из под моих седых волос,
Сжигай Покорность, в пепел преврати!
В союз кровавый, матери, сомкнитесь!
Благословенье их, что дало крылья
Пожару мира, станет пусть проклятьем!
Родительницы, встаньте!
Младенцев мгла, как крыса пожирает...
О, помогите и ее убейте!

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери).

Косичку вырви ты,
И замолчи!
Сорвав платок с груди своей, узнаешь,
Как отвратителен под ним в работе рак!

МАТЬ.

Я говорить хочу в сердечном страхе
И вас спросить,
Которые родили,
Что крови нашей отпрысков кормило,
Пока не кинула их сила нас
Из одного бесчувствия в другое?
Надежда ли горячая на жизнь
Боль ежечасных схваток побеждала?

Зачем самих себя мы берегли
И дни свои молитвой освящали,
Чтобы дыханье мглы не помешало
Для нас столь сладостному чуду тела,—
Мы мимолетную хотели жизнь
В своем ребенке закрепить надежно!
Как можем мы безумие терпеть,
Что созданное нами зданье жизни
Так тупо рушит, волоча в могилу?

ДОЧЬ
(к Матери).

Кого зовешь со всех концов ты света?

МАТЬ.
Углы печали, матери, покиньте!
Мы вытрясем дух разрушения
Из спутанных кудрей прекрасной жизни!

СТАРШИЙ СЫН
(к Матери).

От болтовни ты слепнешь и глупеешь?
То, от чего цыпят ты укрываешь,
Как коршун не грозит с лазури неба!

МАТЬ.
Хочу я встретить все равно откуда!

СТАРШИЙ СЫН.
Стоишь ты, любопытна как дитя,
Что с верхнего взирает этажа,
Не чужа головокруженья бездны,
Пока в паденьи ужаса не встретит!

МАТЬ
(обнимает Дочь).
Обнявши этих членов красоту,
Ужасное, чтоб ни было, я встречу!
(Срывая с Дочери плащ).
Как эти плечи в мускульной игре!
Круглясь прекрасно, двигаясь легко
В сложении роскошном жизнью дышат...

СТАРШИЙ СЫН.
Не перестанешь ты: все обнажаешь?
(Бьет Дочь).
Кругло и гладко! Зеркало всех лун!
(К Матери).

Разрой же землю! Мясо голое,
Которым хвастаешься, брось туда!

МАТЬ.
Иль бредишь ты?

СТАРШИЙ СЫН.
Под этими сосками яд кипит,
Все от него гнием мы и воняем!

МАТЬ
(к Старшему Сыну).
Ужасный, ты не знаешь, что ты брешь!
Однажды ты уснул еще дитятей
В моих руках. Кругом пестрело солнце,
И пели птицы в дремлющей листве.
Я плакала, твое дыханье слыша,
От радости, что родила живое,

Когда внезапно ногти ты вонзил
В мое лицо! Брыкаясь и крича,
Ты карликом казался — не младенцем!
Сперва смеялась я, когда же пищей
Ты утоленный снова задремал,
То замерло мое, как ныне, сердце!

СТАРШИЙ СЫН.

Когда из первых чаяний души,
Из года в год кормимых, свет блеснет,
И обретем мы снова сферу бога —
Первооснову нашей жизни всей, —
Лишь робкое биение крыл вспугнуло
Тебя тогда, когда царапал я.

МАТЬ.

Возможно ль это? Ты не сын ли мой?
Что в этом черепе найду я
Неведомое мне? Он мною создан.
Со мной останьтесь, дети.

СТАРШИЙ СЫН.

Вы, матери, хотите нас, детей
(Так, как природа созидает лес,
Пока стволы в нем сохнут, набухают,
Чтоб стать игрою смен времен годичных),
Своею кровью движимыми видеть,
Чтоб колыбельный сон лелеять вечно.

МАТЬ.

Неправда!

СТАРШИЙ СЫН.

Крик твой тонет предо мною!

МАТЬ.

Меня отверг ты?

СТАРШИЙ СЫН.

Да!

МАТЬ

(ищет тень).

Мрак животворный!

(К Старшему Сыну).

Тебя прижала снова я к груди,
Но на меня, на мать свою, восстал ты,
И молот поднял ты на это тело,
Что наша сила в нежности немой
Растила. Сын, вооружись теперь.

ДОЧЬ

(подле Трусливого).

О, бледный лоб, лицо мне освежи
И кровь мою! Услада! Ты дорогу
Ногою нежной уступал червю...
Теперь стопа твоя полна следами
Путей кровавых, пройденных тобой.
Что пыл задуло твой? Все тот же ужас,
Меня в огонь погнавший как скотину?

(Прижимаясь).

Чьей ни коснусь руки, — она как лед.

(Она устремляется к Старшему Сыну).

Но не твоя. В твоей все закипает...
Я растопырю пальцы. Запах твой
Меня обвеет всю... Хватай меня!

СТАРШИЙ СЫН

(хватая ее за руку).

О, сладострастьем дышащее мясо!
Кровосмешенье как гроза сгустится?

ДОЧЬ.

Его ожоги я зову на тело.

СТАРШИЙ СЫН

(поднимая Дочь к небу),

Когда тебя повергнет муж на землю,
Чтоб яростью засыпать все пустоты,
Пусть творческая сила закалится
При виде той картины поцелуйной.
Ночь похотливо круглая, приди,
Рви эту ткань, пока стонать не кончит.

ДОЧЬ

(на земле).

Проникло в мозг глубоко!..

СТАРШИЙ СЫН.

Не довольно!

МАТЬ.

Я как боец смотрю кругом, гадая,
Как духа ужаса, что в вас распух,
Поймать мне, чтоб он когти протянул,
Которыми людей, как и тебя,
Всех мучает и травит друг на друга.

СТАРШИЙ СЫН.

Из наших жил ты хочешь леньность выдуть?
Груз вождельенья вынуть из макушки?

Влечение, что пылает под ногтями,
В прикосновении ища улады,
Не находя его? Мать! Здесь хватай!
Та крыса, что поймать ты хочешь, — здесь.
Пока вы, матери, родите мыши,
Вы кормите их кровью ваших чад!
Обильно слишком землю головами
Вы населили! Есть ли место где?
Простор до неба весь наполнен страстью
Дух бьет она горячим трепетаньем,
Сквозь наши мысли мчится как чума!

МАТЬ.

Горя стыдом, перед детьми стою я.
Ты, что меня оставил здесь одну,
Мой муж, скажи, как говорить с тобою.
Глянь, это сын так яростно хватает
И хочет ствол, что тень давать нам должен,
Срубить с корней, не дав принести плодов.
Средств больше нет! Игрушки все сломались,
Молчат в углах бывшие куклы, вещи,
Которых не предчувствовали ныне,
Голодной пастью нашей крови жаждают.
Укрылся ты от века в мир могилы?
Предчувствовал сей день?

СТАРШИЙ СЫН.

Ты с духом говоришь? Иль встал отец?
Но где он, где? Дай я пред ним отведу.

МАТЬ.

Здесь ты не властен. Прежде чем ты видел,
Отец твой здесь стоял и бога чтит.

СТАРШИЙ СЫН.

Мне ль это говоришь? Мое дыханье
Сдавила тяжесть пра-и праотцов.
Моим устам слова вы навязали,
Они убили все загадки мозга,
Не дав ему зашевелиться в мыслях.
Отцов вы подняли на пьедесталы,
Указывали в детской все слова,
Будя в нас праупрямство на него,
Пока, сомненьем сыт и силы чуя,
Не сверг отца я образ, с богом схожий.
Вот он лежит как камень у дороги,
Ступаю я через него, и прах
Со всех корней моей души сдуваю.

МАТЬ.

Где ты, мой муж, который наблюдал,
Чтобы меня ничто не ужасало.
О, сердцу милый! Сны мои лелеял
Ты нежно, как цветы! Тебя, тебя
В устах детей я вижу поносимым.
Иль это сердце яды все проглотит.

(Старшему Сыну).

Вы знали, как отца блестили взоры,
Когда он вас в объятья заключал.

СТАРШИЙ СЫН.

Я вижу всюду, как отцовы руки
Ласкают с гордостью творенья страсти.
Они бредут проторенной тропой,
Вопросы все, что об ответе стонут
Безмолвно, слепо обходя со страхом,
Надеясь, что ребенка свежий ум

Найдет ответ, что ими избегаем.
Но если сквозь столетия лень толкает
От внуков к правнукам прасилу ту,
Жуя надежды сено, словно бык, —
Играть я в эти прятки не намерен!

МАТЬ

(к Дочери).

Что притаилась? Помоги в кощунстве!

СТАРШИЙ СЫН.

Кто скалы снял, мне давящие спину?
Пока в себе я не забил тревогу...

МАТЬ

(перебивая).

О, если бы отца ты стоил!

СТАРШИЙ СЫН.

Да!

Я бы сидел в квадратике не шире
Плечей моих. Я члены распрямлю.
Как сытые родители, не буду
Я кланяться счастью у детей своих.

МАТЬ.

Родивши вас, я о себе забыла!

СТАРШИЙ СЫН.

О, сердце бедное, что притворяется
В любви должно. Рожденных в страсти — нас
Ты равно одарить была не в силах.

МАТЬ.

Ты муки бередишь!

СТАРШИЙ СЫН.

Тебя я знаю.
Нагие руки и игра морщин,
Болтающая вокруг очей бесстыдно.

МАТЬ.

Морщины эти вы на мне прорыли.

СТАРШИЙ СЫН.

Охотней ты с героями-сынами
Прошла б с улыбкой меж склоненных граждан,
Как подобает матери героев,
И младшего, что полумертв от муки,
Сложила бы пред идолом отчизны.
„Будь сын еще, его бы принесла“.

МАТЬ.

Молчи!

СТАРШИЙ СЫН.

Дрожа ты не стояла б ночью
Пред тем, что сделал рок из нас, детей.

МАТЬ.

Да, этот рок вгрызается мне в череп.
Я стрелами щетинюсь! Дети, дети!

СТАРШИЙ СЫН.

Каприз влюбленный, нет, смущенье дало
Той плоти облик, налитой как сыр.

ДОЧЬ

(обняв Старшего Сына).

Для вихря ласк себя творим мы сами.

СТАРШИЙ СЫН

(страхивая ее).

Пар тела твоего сгоняет тучи
Вокруг души моей. Чего ты ждешь.
В траве окажется росой жемчуг,
Зеленый замок грёз — сухим кустом,
Алмаз — оборванным иссохшим мхом,
Что увядает в пальцах удивленных.
Ты мне, а я тебе дадим утеху!
Где я раздвину ветви, мчатся сказки.
Пустившись по тропе заросшей, дикой
Вслед звездам манящим из синевы нас, —
За лесом с ужасом увидел бы
Я пустыри и воронов над ними.

МАТЬ.

Мое дитя! Ах, сын мой милый сердцу.

СТАРШИЙ СЫН.

Что? Милый сердцу? Сын, дитя — и что?
Как крабы, выброшенные на берег,
Я погибаю в двух шагах от моря.

МАТЬ.

О, посмотри же на людей вокруг,
В каком смиреньи дни они проводят
И не хотят узнать, что хочешь ты,
Но счастливо живут! Их изречение
Благочестивое благоговеньем полнит
В час отдыха! Под вечер сложат руки,
Как мирно бродят очи и сердца...
Отображенное в потоках дальних солнце,
Что и поля и лес золотогреет,

Отраднo, мило им как божий дар...
Лишь крылья черные расправит сон,
Они склоняют очи, оставаясь
Нетронутыми ночи темнотой...
Доверчиво они о свете грезят.

СТАРШИЙ СЫН.

И за железной дверью я бы слышал
И крик совы перед моим окном,
И духов ночи яростные вопли.
Я крыши не найду такой, чтоб скрыла
От глаз моих бесшумный звездный бег.

МАТЬ.

То счастье, коим я жила доньше,
В чьем блеске мрак казался сновиденьем,
От век моих бежит все дальше, дальше...
Подходит то, чего я не ждала.

СТАРШИЙ СЫН.

Вы обманули нас, сказав, что небо
Мы мыслим лишь как духов сонм, поющий
Благочестиво богу антифоны.
Так ужас смерти люди золотят,
Но для меня все это трут, спаливший
С коронами, с гербами заодно
Ключи церквей и месс великолепье.
Как бы тепло и нежно ни стелили
Они постель для слабостей моих.
Я этот кляп хочу навеки вырвать,
Завесу раздвигаю! Вспыхнет свет,
Пред громоблеском коего хитро

Стояло властолюбье, как стена,
Нас оглушая сном подобно совам.

МАТЬ.

Но если в вечном решено совете,
Что мир туманному подобен сну,
От духов солнце должно стать яснее, —
Ты ль покрывало снять с него посмеешь?

СТАРШИЙ СЫН.

Я буду там, где истина царит,
И ложь, подобно дождевой улитке,
Моих стремлений не покроет слизью.
А если боги, эти великаны,
Окуренные ладаном, не в силах
Шута с себя с его гремушкой сбросить,
То, стоя каменней, чем фараоны,
Они достойны лишь того, чтоб буря
Низвергла с пьедесталов их.
Пусть мир забором и границей хочет
Спастиcь от сил, что легкие кровавят,
Я к ним стремлюсь, и все разрушу я,
Что мне противится! На свет пусть выйдет
То, что неправда под стеной холодной
При пеньи петухов, при бледных звездах
Воздвигла! Все бессильно это будет,
Как червь сырой, что ищет где бы скрыться,
Когда мы гладкий мрамор сдвинем с места.

МАТЬ.

Твоих желаний не поняв, лишь чуя,
Я чувствую в том, что дает бутону
Его покров и семена растит,

Как гибельно пытаться то постигнуть,
Что мудрость высшая от нас укрыла.
То, что ее огонь нам открывает,
Не более, чем молния в ночи!

СТАРШИЙ СЫН.

Раз в семенах уже цветы провижу,
Зачем считать коленья на стебле?
Я буду править сроком выростанья
И зимний сук, как делают индусы,
Заставлю вдруг зазеленеть листьями!
А если бог зажал кулак насилья,
Я разожму его и на ладони
Раскрою линии загадок всех.

ДОЧЬ.

Раскрой мне их, чтоб темный смысл понять,
Который с каждой новою луною
Из тела гонит кровь!

МАТЬ.

Нам, матерям, знакомы те часы,
Когда уже ведем мы тихо речи
С тем, что безмолвно в нас произрастает.
Хотим мы ожиданья срок уменьшить.
Глядим на солнце мы и на деревья,
Но неизменно пред желаньем каждым
Встает действительность и гонит дальше,
Покуда наших членов распуханье,
Подняв нас к небу, не наполнит нас
Тем, что всегда течет в груди творений.
Мы постигаем счастье терпенья.
Оно лишь редко чисто. Как мы зреем,

Так для рождения растет ребенок.
Насилья совершенные увянут
Как ветка та, о коей ты сказал!

ДОЧЬ.

Рождала ты, на свет производя,
Но дышишь, как и я. Отличие где?
Пережитые скорбь и наслажденье,
Которым я завидую глубоко,
Тебя возвысив, нас влекут к тебе!

МАТЬ.

Потоку, дочь, отдайся. Унесет
Тебя он, как всех женщин уносил.
Приди же к нам, в наш круг сестер судьбы,
Которым длить дыханье бытия
Блаженной было мукой. Мы ропща
Чела не поднимали против рока.

СТАРШИЙ СЫН.

Рукосплетенные вы здесь стоите.
Когда б я должен был дать волю силам,
Я подражал бы вам, на звезды глядя.
Тот плод в саду, который ощущал я
Нередко неподвижным на ладони
В холодном лунном свете и который
Росой омытый утром согревался,
Меня учил различью между мною
И всем, что только в зрелости живет.

ДОЧЬ.

Но мне отвратна опыта улыбка,
С которой ты меня к себе прижала,

Чтоб бурный пыл и радостное чувство
В неотвратимо страшное замкнуть.

МАТЬ.

Болтайте как перед ночной молитвой,
Когда „аминь“ мой все ж вас обвивал!

ДОЧЬ

(освобождается от объятий).

Когда бы вырвать из твоих очей
Все то, что нудит к странным размышленьям!

МАТЬ.

Но слепы вы для чуда светлого,
Что тварей всех ведет вперед прекрасно!
Я безгранично отдаюсь ему,
И чую, как уже освобождает
Он члены дряхлые и кормит их.

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери).

Раз прислонившись к буку ты стояла
И в очертаньях так была раздута,
Что в ужасе я в чашу убежал
И сравнивал с тобой природы тварей,
Пока в норе я кошку не нашел,
Которая была с тобою схожа...
Ее убил я.

МАТЬ.

Ужель могла рука то сделать, ручка,
Мне давняя и гордость и страданье?

СТАРШИЙ СЫН.

Могла! Придя к тебе с ножом кровавым,
Который вскрыл мне опухоли тайну,
Нашел я в колыбели существо
Кричащее, и то была Сестра!

ДОЧЬ

(к Старшему Сыну).

Еще не видя — чуема тобой
Еще не мысля — понята тобой!
Была твоей, росла тобой травима,
К тебе влекома к темной той груди.

МАТЬ

(к Трусливому).

Я как в проказе! Я себе противна!
Ничто дела. Но позади них призрак —
Взглянув, чернеешь как цветок в мороз!

ДОЧЬ

(к Матери).

Продажна ты как мясо в день базарный.
Должна увидеть в нем я все волокна!

МАТЬ.

Бесчеловечные! Что вас объяло?
В пространстве дух блуждает без совета.
(Подле Трусливого Сына).

В тебе он словно мраморная глыба.
(Бессильно возле Трусливого).

Как выкидыш весь мир лежит вокруг,
Людского шума поцелуй не будит.

(К двум другим).
Ваш красный взор вокруг меня блуждает!

(Она поднимается).

О, чистый вздох, возросший вместе с телом,
Меня учивший смысл вещей постигнуть,
Пока я все, что будет и что есть,
В колые судьбы сокрытым созерцала,
Спаси меня от них ты!

СТАРШИЙ СЫН
(хватая Мать).

Чистый вздох?
Дай чудо мне! Кулак бы сделал это
И внутренности снова бы раскрыл;
Найду ли в теле матери я то,
Что манит позади предчувствий нежных.

(Оба борятся, он повергает Мать).

МАТЬ
(освободившись).

О, если смысл есть на земле широкой,
Коль не напрасно дорогая кровь
Любимая лилась из-за любви
С начала мира, то к тебе взываю, —
Хранящей мир неизреченной силе!
Ты, что тела птенцов, одетых в перья,
Волнуешь, заставляешь трепетать,
Когда мальчишка лезет к их гнезду,
Что хищников красою наделила,
Когда они для львят своих игривых
Рвут пурпурное мясо антилопы.

СТАРШИЙ СЫН
(к Матери).

Не складывай молитвенно перстов!

ДОЧЬ
(к Старшему Сыну).

Связать ее!

(Оба против Матери).

МАТЬ.

Вы свяжете себя же!

ДОЧЬ
(к Матери).

Скрывать я больше икры не желаю
И бедра, что круглясь во время бега
Округлость неба чувствуют под гнетом
Одежд и тряпок! Тело молодое
Томится как в тюрьме!

МАТЬ.

Оглохнуть бы!

ДОЧЬ.

Качать детей не буду для тебя,
Других бород не потерплю я кроме
Его волос на гибель обреченных.

МАТЬ.

Вы Вечные во Всем. Когда вас нет,
Становятся волками люди — хуже!

СТАРШИЙ СЫН

(хватает Мать за подбородок).

Когда б запечатлен сей не был взор
Так, что расставшись с ним я на чужбине
О нем лишь обладал воспоминаньем,
Терзаем весь тоскою по отчизне...

ДОЧЬ.

Х Задушим эту женщину, мой брат!

СТАРШИЙ СЫН.

Иль этот страх пред материнским взором
Обман? И слово каждое есть ложь?
Тогда пускай в тебе исток заткнется!

МАТЬ

(освобождаясь от душащих ее рук детей).
Погост белее дня кругом встает!

СТАРШИЙ СЫН

(к кладбищу).

Я вижу только пальцы ив плакучих,
В ночи колеблющиеся как тени,
Нигде не притаились духи Мая
Луннозеленого!

МАТЬ

(к движущемуся утреннему туману).
Вперед, мой храбрый сын, сочатся раны!

СТАРШИЙ СЫН

(Матери).

Ты гладишь влажный воздух, словно кудри.

МАТЬ

(к туману кладбища).

Благодарю, кто б ни послал тебя.
Есть у меня дитя, оно идет,
То бедное дитя, но все ж дитя!

(Она падает рыдая).

СТАРШИЙ СЫН.

Я разрываю все твои надежды
Как ткань!

ДОЧЬ.

О, горе. Видишь ли ты это?

(Прячется близ Трусливого).

СТАРШИЙ СЫН

(в змеях тумана).

Скелеты, перенесшие столетья,
Развеяны моею силой, мчатся
Мимо меня! Вдыхаю их гниенье
Я как летучую прохладу.
Священный смерти блеск я разрушаю.

(Бежит на кладбище).

С могилы свежей крест долой!

(Срывает его).

Понюхай,
Как кладбище воняет! Все прогнило.
Земли холодной пищу и твой пыл
Согреет что?

МАТЬ.

В моей груди не камень!

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери).

Бессильны вы, когда жиреют черви
В глазах у плода сына вашего, и гнезда
Вьют ящер, гриб и корни всякой гнили
Как в нечистотах! Бабы, матери!
Могилу носите в сыром вы чреве,
Что вы родите — смерть, и только смерть.

МАТЬ

(ползет на кладбище).

О, комья плодоносные, иду
Я к вам! И малым каплям чашу
Даете вы, и в ней они лежат,
Пока не минет срок!
На ваше сердце руки я кладу.
На липко-нежный семени поток,
Который вокруг ростков течет и теплый
Его хранит от холода и зноя.

СТАРШИЙ СЫН

(на могилах).

Вы, бледные, здесь как цветы обильно
Рассыпаны!.. Чего от них ты хочешь?
Чтобы кормить могла земная сила,
Она съедает мясо наших братьев!
Да, клянчи и взывай, они безгласны!

МАТЬ

(зарывает руки в землю).

То, что доверилось тебе, земля,
Не сгинет вечно!.. Двигается оно

Внутри земного шара, будто в жилах
Груды девической, и чувства будит,
Что человечеству хотят отдаться!

СТАРШИЙ СЫН

(к могилам).

Вы, что зарыты сдавленные тесно,
Вы слышите ли Мать? Эй, пробудитесь!
Ты в страхе павший, вы, кого страна
Целуемая Матерью стегала,
Покуда из палатки суеверий
Вы в яму не упали! Где же вы?

ДОЧЬ

(смотря через решетку).

Все пляшет в голове. Он на могилах
Кресты ломает! Стонет все кладбище
Как под кнутом!
О вы, вершины гор,
Где деревья и листья в чистоте
Должны в эфир проникнуть, поднимите
Меня к себе!

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери. Он поднимает ее с земли).

Иль предок мой был крот?

МАТЬ

(глубже зарываясь в землю).

Мне кровь не запрудишь. Из глуби страсти
Неудержимо вырванная ныне,
Она течет на землю за слезами.

СТАРШИЙ СЫН

(к Дочери).

Как все нас тянет землю накормить
Своими трупами. Лишившись мозга,
Кровь под ноги течет, ступни скользят
На глотках материнских как на льду,
Что трескаясь свои ломает силы!

ДОЧЬ

(к Матери).

Зачем нам жизнь дала?

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери).

Ты слышишь это?

МАТЬ

(на земле).

Когда б о камень вас, просящих груди,
Разбить, о, выводок неблагодарный,
И вам не дать на милый свет взглянуть!
Иль солнца ласковый цветущий зной
При взорах дня вас никогда не нежил?
Не радовались вы воздушной неге?
И не вздымалась ли с восторгом грудь
У вас при блеске нивы золотистой?
Ужели нет?

ДОЧЬ

Быть мертвым лучше!

СТАРШИЙ СЫН

Да!

МАТЬ

(входит в ворота).

Я не ослабла! За суставы вас
Схватив, исполню, что любовь мешала, —
Тела столкну я ваши друг об друга
Одним толчком!

СТАРШИЙ СЫН.

Гляжу тебе я в сердце!

МАТЬ

(величественно).

Устала я стоять тут поносимой.
О матерях что знаете вы? Только,
Что слабы мы, что вам мы потакаем!
Смотри, восстали тени матерей
И речь со мной ведут свою сурово!
Удержит ли утес поток в паденьи?
Иль ветка зрелые плоды?
Все совершается! И вы падите!

СТАРШИЙ СЫН

О, если б мог схватить углы земли!
Что достижимо, все унести с собой!

МАТЬ.

Ну что ж! Ведь в буре времени упали
Не только вы и я! Должно свершиться!

СТАРШИЙ СЫН

(к Матери).

Не дрогнет бровь: на небо ты глядишь,
Ждешь молнии? Пусть всех она сразит!

(Он замечает Трусливого в тумане).

Встает с морозом день! Там брат висит
Как вялый сук! Он холоден! Дрожит!
Когда чуть слышно в доме смерти врач
Последним вспышкам пульса счет ведет,
Бывает там шумней, чем в этом сердце!
Как зеркало покрытое твой взор!

(Трусливый Сын испускает вопль).

СТАРШИЙ СЫН

(шатаясь).

Как-будто боров под ножом визжит!

(Обнимает Трусливого Сына).

Да! Этих комьев мы не запятнали!
Я вас виню, велевших убивать.

(К долине).

Вы сытые, вокруг столов зеленых,
Нетрудно вам подсвечники зажечь
И смерть по праву ветхому призвать!
Когда б они стояли перед вами
Творожистые в этом братском лице,
Сплетенном из объятых страхом нервов!

ДОЧЬ.

Вершины посветлели!

СТАРШИЙ СЫН

Эту кровь

Не я пролил! Не я могилы вырыл!

(Трусливый Сын снова испускает крик).

СТАРШИЙ СЫН

(зажимает ему рот).

Я задушу в твоих устах все вопли.
В кругу сереет камень безнадежно!
Эй! Разве крепко связан я и выдан?
Весь мир винит меня, глядит как буду
Секирой власти обезглавлен я!

(Он бежит на кладбище).

ДОЧЬ

(возле Трусливого).

Перчатка белая под фраком ката
Пред пустотой твоею теплолунна!

СТАРШИЙ СЫН

(запирает перед ней решетку).

Ворота на запор.

ДОЧЬ

(порывается к нему).

Ты нас отверг?

СТАШИЙ СЫН

(прыгает на стену).

Многоголовая мощь матерей,
Меня ты не согнешь, меня не тронешь!
Пот испаряется из плеч рабов,
Они меня столпясь у трона ищут!
Смолти, стою свободным от тебя я!
Пока молочный блеск далеких солнц
Подобно новой груди предо мною
Сулит мне пищу лучше чем давала
Мне мать, чтоб сделать из меня раба!

ДОЧЬ

Но что со мною будет? Трепещу я!

СТАРШИЙ СЫН.

Будь проклята! Твоим орудьем был я!
Но прежде чем паду тобою сраженный,
Придам я крепость мышцам ног своих
И от земного шара оттолкнусь.

(Он бросается спиной на кладбище).

ДОЧЬ

(у ворот).

Ломаю я ворота!

(На кладбище).

Вид ужасный!

Мой брат добыча коршунов — гниенье.

(К Матери).

Ты приливаешь? На меня глядит

Твой взор как море, что несет глотая

Суда!

МАТЬ

(у трупа).

Беситься кончил он? Утесы,

Что ты взорвал, низверглись на тебя,

И будто падающий камень дело

Свое свершили! Станный день идет,

Дыханье в грудь он новое вдувает.

ДОЧЬ

(над Старшим Братом).

С тобою я стану пеплом, будто небо

В вечерний час, когда заходит солнце!

Как сон проходит, так пройдем и мы!

МАТЬ.

О, гнойный глас больной и страшной ночи,
Ты вытек! В утре молодым клубясь,

Встает, куда ни гляну, вдалеке

Строенье мощное произрастанья!

(Солнце восходит).

ДОЧЬ.

Проклятый свет!

МАТЬ

В долинах звуки солнца

Как детский смех, когда приходит мать

И щебетанье птиц в окно впускает.

Ты сбросил тени, оживил уже

Ты серый мир!

ДОЧЬ

(кидаясь на Трусливого).

Сломлю я челюсть,

Но изо рта слова я вырву все же!

Что возле уст твоих вдруг задержало?

Как привиденье в опустевшем доме?

Оружье чуешь? Близится оно!

МАТЬ

(на земле).

Овеян свежестью весь горизонт.

Он ширится во все, течет назад

Во все комки земли кругом разбитой!

ДОЧЬ

(над трупом).

Ты нервом был собравшейся толпы.

(К долине).

Я ваши когти чувствую на мясе!
Тела нагие у меня на теле!
Оно от вони закрывает поры.
Ползете вы? Ужасны! Шлемоносны!
Порабощенные в своих страстях скоты,
Хозяин коим сроки назначает!
Но и любовь в ярмо впрягают все же!
Я тела не отдам! Болото время
Скорее понесет, чем мой живот!

МАТЬ.

Склонилась величаво в ожиданьи
Моя душа, сердец биенью внемля,
Что слиться все хотят в груди моей!
(Возрастающий шум войска).

ДОЧЬ

(возле Трусливого).

Твой лик бы мог им охладить победу,
И речь могущая ее прославить
Раздавлена как барка в льдинах будет!
Вставай ты, бледный лоб. Вставай, вставай.
На брачном ложе будешь ты прибит
Для нового зачатья как ночник
Для матерей, родить хотящих смерть!
Настало время!
Теперь кружись!
Пусть мужество в тебе застынет.

ГОЛОСА

(из долины).

Дорогу!

ДОЧЬ

(между Братями).

Я живу,
Чтобы кормить колосс, что погубил вас?..
Так спрячу я оружие рожденья!
(Она прячется за могилами от идущей толпы).

ПЕРВЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Нас ночь несет как царская кобыла
К победе — цели нашей! Люди,
Наполним мы долину торжеством,
Но прежде благодарности дары
Мы павшим принесем!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Поднять знамена!
Они овеют праздник благочестья!
Пред кем вы расступились?

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(возле Матери).

О жена,
Я пред тобой склоняюсь.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(над трупом).

О, предатель!
Уже сияют головы героев,
Их славою века питаться будут,
Как океаном жаждающая дичь!

(К войску).

Омыв ступени, встаньте у ворот.

МЛАДШИЙ СЫН

(преграждая путь).

Прочь, руки быстрые. О, Мать! Как страшно
Она стоит над телом брата, будто
Богиня дикарей! О, Мать! Могу ли
Я руку чтить, содеявшую это?

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(указывая на мертвого Сына).

Ташите плута! Серою посыпьте!

МАТЬ

(глядит на него).

Не прикасайтесь к крови. Пролита
Она за мир, как всякая другая!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Смеешься ты над нами?

(Солдатам).

Прочь тащите!

МАТЬ

(с телом, обороняясь).

Земля возьмет, что создала она,
Обратно в плодоносный свой закон!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Он плох для ястребов?

МАТЬ.

И здесь и там

Страдания матерей возникли ныне!

О, скорби сеятель, будь рад посеву.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(к колеблющемуся войску).

Кому послушны вы? Мне или ей?

(Он гонит их вперед).

МАТЬ.

Но прежде чем жезлом прикажешь ты

Свершить жестокость, вырву я его!

(Она борется за предводительский жезл).

Он, что могуче правит миром всем,

Не терпит принуждения! Ко мне!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Ко мне!

МАТЬ

(с жезлом).

Над миром власть в моих руках.

Святой носитель всех семян бесчисленных!

Устои неба! Мозг запутан мой!

Багряное тебя лобзает пламя,

Лаская языком!..

Оно кругом! Оно меня терзает,

Неся ко мне надежды матерей!

Тобой опалена земная кожа!

Огонь горит во всей моей клетчатке!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Отсохнет пусть твоя рука, что жезл

Священной мощи так безумно держит.

МАТЬ

(с жезлом).

Тебя держу и под тобой шатаюсь.

Живая жизнь, разлитая во всем.

Ты кружишь солнца будто из гордыни —
И их кидаешь нам в прибое снова...

ДРУГОЙ ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к войску).

Что шепчетесь, толкая там друг друга?
(к Матери).

Дыханье наше в головах у всех,
Оно дает почувствовать себя.
Сопrotивляться нам ты не пытайся!

МАТЬ.

Наружу рвется! Горе, эти руки
Сложились в пригоршни... Полно до края
Шумит из почвы творчества в ту чашу,
Что — удержать огонь не в силах — пальцы
Раздвинув, путь дала благословенью!

ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Матери).

Ты хочешь дух, что тысячи духов
Согласовал в себе как сфер созвучье,
Проникнуть в сердце бога хочешь ты?
То, что создал наш жезл чрез силы все,
Предать огню?

ДРУГОЙ ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(берясь за жезл).

Довольно болтовни.

МАТЬ
(освободившись).

Над телом сей земли тобой махаю!
Вокруг свистит как-будто свежий прут!

Смерч мчится из полей, что трупов полны;
Ликует он! Его порыв колеблет
Проснувшиеся от сверхсчастья глыбы!

ДРУГОЙ ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к войску).

Зараза здесь растет! Бегите! Прочь!
Как людям жить, их дней постигнув смысл,
Когда теперь везде царит безумье?

ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Матери).

Узды народа ты у нас не вырвешь!

МАТЬ.

Что взгромоздили вы, создало вселоду
Соленые глаза!

ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
И трон порядка!

МАТЬ.

В мертвецкой! Мир круглится приходи
От радости глубокой в равновесье!

ПРЕВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Мы мощь свою воздвигли на обычьях,
Она из рода в род росла, не свергнет
Ее твой крик! Дочь древних прав она!

МАТЬ.

Права не вечны!

МЛАДШИЙ СЫН
(перед Матерью).

Слышите ли, Братья?

МАТЬ.
Один есть пыл, которым мы живем!

МЛАДШИЙ СЫН.
Пылает он в твоих устах как факел!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к войску).
Стопились вы? Вы шлемы побросали?
По ветру дали кудрям развиваться?

МАТЬ
(возвышаясь над всем).
Далекий край! Долин восторг блаженный,
Тебя хочу как колыбель погладить,
В которой спит святая жизнь.
День близится, встает он полный смеха,
В тот день, воспоминаний сбросив груз,
Нас оттеснивший в сумрак первобытный,
Освободимся мы, и как орлы
К вершинам мук блаженно воспарим!

МЛАДШИЙ СЫН
(перед Матерью).
О, день родился из души твоей.
Он жив!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Конец придет ли беснованью?

МАТЬ
(над народом).

Плоть матери, плоть, проклятая дико
Всех ужасов глубокая причина,
Ты сердцем в мироздании стать должна
И род создать из радости своей,
Что обладать жезлом достойней вас!
Я содрогаясь брошу жезл ему!

(Она делает это).

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Я это видел, слышал! Прочь терпенье!
(Он кидается на Мать).

МЛАДШИЙ СЫН
(отталкивает его).
Ниц перед ней!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(хватая Младшего Сына).
На нас он замахнулся!

ВОЙСКО
(с трудом решившись выступить).
Далекий луг питался нашей кровью.
С тех пор земли мы этой господа,
Тому, кто путь нам преграждает, — горе!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Матери).
Чем кончится? Ты задеваешь бога!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Матери).

Но прежде чем страны устои сдвинешь,
Они потребуют, чтоб пала ты!

(Он толкает Мать на кладбище).

МАТЬ

(к Другому Предводителю).

Здесь, здесь и там, железные мне стержни
Вонзите в кровь! Я их расплавию так,
Что детям не останется страданий!

(Ее толкают на могильный холм).

ДОЧЬ

(на кладбище, не владея собой).

Там убивают Мать мою!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(сзади нее).

Молчи!

(Ловит ее).

ДОЧЬ.

Прикосновение мокриц подвальных
В сравнении с рукой твоей — блаженство.
Когда б гадюки яд иметь в слюне!

(Кусаясь вырывается, но остается в виду у войска).

Найду себе я чашу, где умру!

(Она крадется прочь).

МЛАДШИЙ СЫН

(освободившийся, у ворот).

Две лужи крови. Лужи красной крови.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Другому Предводителю).

Приливу вслед — отлив!

МЛАДШИЙ СЫН.

Вздых матери!

Тобой растоплена падет лавина
Вниз на казармы силы, и все то,
Что поднялось высоко слишком в небе,
Падет!

(К товарищам).

Вас страх объял. Идемте, бурный свет
К тебе влечет нас, да, к тебе, о, Мать!

ВОЙСКО

(пьянея).

Его на плечи!

(Они делают это и устремляются все в долину).

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(к Предводителю Солдат).

Нужно руль держать
И этих всех нам вверенных людей
В стремленьи бурном крови их в долину
Рукою твердой на дела направить!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(опять становится видим).

Один еще в оковах!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(подле него).

Душат речи?

Дать умереть тебе была бы милость!

Пусть пригвоздит твой робкий облик всех,
Кто будет нам противиться!

(Освобождает его).

Беги!

(Травит его в долину).

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(глядя ему вслед).

Зарницы зла в его молчаньи блещут.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Мы таять не должны, как воск в огне,
Когда литье людей должно расти,
Как мыслил бог в премудрости высокой,
То нужно нам хранить теперь печати!
По воле твердой так кристалл растет,
Чтобы сиять сверкающим твореньем!

(Он следует за войском).

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(один).

Я рад замкнуть врата! Будь смерть концом!
Ужасная жена или кровь твоя
Меня не тронет? Все внутри дрожит,
Горит шумя, как-будто скрыли складки
Плаща мой дух, объятый весь огнем!
Платок багряных ужасов, долой.
Отдам его! Он выцветет от солнца!

(Он кидает плащ и идет в долину).

К О Н Е Ц .

С благоговением
ГЕРГАРДУ ГАУПТМАНУ

ПЛОЩАДЬ

PLATZ

ДРАМА

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ „РОД“

НАЧАТА В 1917 г., ОКОНЧЕНА В 1920 г.

Л И Ц А:

ДИТРИХ, младший сын.

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

ДОЧЬ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

ПРАВИТЕЛЬ.

СТАРЕЦ, первоприсутствующий в Сенате.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ, плац-комендант.

ХРИСТЛИБ ШЛЕЙХ, современник.

ИРИНА
ГИАЦИНТА } Дети Правителя.

БИАНКА, придворная кастелянша.

СЕНАТОРЫ, СЛУГИ, СТРАЖА, НАРОД, СОЛДАТЫ.

Д Е Й С Т В И Е

Действие происходит на площади, окруженной правительственными зданиями. Виден идол площади. Решетка отделяет от большого города колоннады, поддерживающие здание. Спереди, по обе стороны, две лестницы, ведущие во дворец; они на высоте колоннады соединяются открытой галлереей без навеса. Действие не связано с костюмами какой-либо определенной эпохи.

1-ая сцена.

Трусливый Сын выбегает опрометью на площадь.

ДОЧЬ

(следует за ним).

В той чаше, где я умереть хотела,
Ты мне сознание пробудил. Тащусь
Вслед за тобой как раненая тварь,
Не покидай! Я по душу в болоте!

(Шум в городе).

Чу, младший брат, в незнании, обольщенный,
Привязанный, чу, к видимости внешней,
Как к коновязи дураков, клялся
Закон нарушить, что ненарушим,
Пока мы все — мячи своих страстей.
Иль, Матери бирюч, он возвещает
Стальной закон: рожденье вслед за смертью.

(Со смехом).

О матери, порву наследье ваше
Как завещанье самки обезьянней.

БИАНКА

(во дворце).

Уж звон?

(Начинается свадебный трезвон).

ДОЧЬ.

Закон людей есть тяга к людям.
Соблазн бы этот вытеснить из крови.
Учиться жить, как и умру, одной,
Пока свободна от влечения к мужу,
Сольюсь я с мирозданием. Я! Одна!

(Музыка во дворце).

Чтоб сводня чувств вновь не могла меня
Кровомутить, я оставляю Площадь
И населенья карличью игру,
Покуда ночь. Остаток часа лени
Отдам я подготовке и очищусь.

(К брату).

Живительно твое молчанье веет
Из сферы чаемой душой: без формы,
Но жаждет дел она, чтоб быть живой
Меж мужем и женой, женой и мужем.

(Гул голосов).

Он близок! Брат наш! Среде толпы и слеп!

(К Трусливому Сыну).

Будь зеркалом его ошибки плоской,
Чтоб в нем себя узнал и вместе с нами

Сломил проклятье рода, под которым
Мы временем согбенные кряхтим.

(Она покидает Площадь. Трусливый Сын остается).

2-ая сцена.

БИАНКА

(со слугами из дворца).

Свершилось? Сыпь цветы! Как вешний ветер
Щекочет, помоги мне бог, щекочет!

(К идолу Площади).

О меч, светло пронзивший солнце меч,
Тебя, бог помоги мне, я венчаю.
День свадьбы этот мощно соизволь
Ввести в восторг его ночей и всем
Тоскующим будь верной обороной.

(Набат).

От восторга колокола теряют такт.
Лишь я должна другим стелить постели.
О помоги мне Бог! Галоп? Коляски?

(Уходит со слугами во дворец).

3-ья сцена.

Подъезжает свадебная карета. Ирина выскакивает в подвенечном
платье.

ИРИНА.

Мне душно! Иль глухой, слепой была я?
Сласть мук! Ужель тобой одной живу?
Кто ты? Какое небо мне открылось,
Послав тебя ко мне, пока не поздно?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ
(следует в парадной форме).

Пожар? Иль наводнение? Иль еще что?
Скорее в дом, о птичка сладкая!

ИРИНА.

О, о позор, с металлом случена!
В вас сердца нету. Есть султан и шпага.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Жена!

ИРИНА.

Жена?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Как не жена? Плутовка!

ИРИНА.

Прочь! Как набат, что врезался в венчанье
До смены перстней, так звучит во мне:
„Проснулась я, воскрешена из мертвых“.
И пугалу принадлежать должна.
Нет. Пусть отец, пусть Площадь вся прикажет;
А я клянусь: вовек тому не быть!

(Спасается налево между колонн на галерею).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Что? Эта форма? Сей наряд отцов?
И пугало? Жидовское внушение!

4-ая сцена.

Гиацинта выходит из другой коляски.

ГИАЦИНТА.

Мы чужды как два полюса, о, Шлейх.

ШЛЕЙХ.

Но жизнь обоих вяжет та же ось!
Электризуюсь я сквозь шелк касаньем
Твоих колен.

(Ирина дрожит от восторга).

Глазеешь вслед ему?

ГИАЦИНТА

(отталкивает Шлейха, бежит направо мимо колонн на галерею).

ШЛЕЙХ.

Узнай меня сперва ты на матраце.

ГИАЦИНТА

(на галерее).

Сестра! Сестра!

(Объятия).

ШЛЕЙХ

(под галереей бросается в объятия Гутундблута).

Без шлема?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Без супруги?

ИРИНА

(сверху).

Вы оба будьте счастливы друг с другом.

5-ая сцена.

Правитель, позади его Сенаторы и свадебные гости из города.

ПРАВИТЕЛЬ.

Как! Жены наверху. Мир — кувырком!

(К Шлейху и Гутундблуту).

А вы внизу? Все стало вверх ногами.
Звонарь же будет шерсть щипать за то,
Что кровь в груди у всех он вскипятил.
Идем, зятя? Га! Кто меня удержит?

6-ая сцена.

СЕНАТОР

(в ужасе).

Народ, что вас приветствовал пред храмом,
Спешит в безумьи за юнцом, твердящим,
Что против нас достал он полномочье.

ПРАВИТЕЛЬ.

Чье полномочье? Музыка, замолкни.
Что хочет он? Еще раз! Стража, стройся!

ВЕЛЬМОЖА.

Нам объявил войну он...

ПРАВИТЕЛЬ.

Нам? Войну?

Что б ни было, мы выслушаем все.

(к Сенаторам).

Вы, дорогие господа, — в Сенат!
Я ж свадебный наряд переменю,
Чтоб, облечен всей пышностью и мощью,
Мог дерзкого смутьяна сокрушить.

ИРИНА.

Мы спасены от нудной брачной ночи!

(Все растущий шум).

Ветр, кров крушащий, зонтики ломающий —
С ним.

ГИАЦИНТА.

Кровь моя кипит, поет, бурлит!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Ириночка!

ИРИНА

(сверху, ликуя).

Свой долг свершите.

7-ая сцена.

БИАНКА

(из дворца).

В дом!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(под взглядом Ирины к страже).

Вход настежь! Так тебя я искромсаю,
Что мозг твой будет капать с колокольни.

ШЛЕЙХ

(под Гиацинтой).

Глаза вращаешь бело?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(к страже).

Смело, в бой!

8-ая сцена.

Дитриха несут на плечах, окруженного толпой. Графа Гутунд-
блута опрокидывают.

ДИТРИХ

(око в око с Ириной, к народу).

Здесь входят?

6 унру. Драмы.

НАРОД.
Здесь!

ДИТРИХ.
Здесь говорите?

НАРОД.
Здесь!

(Дитрих во дворце).
Суд близок!

ГИАЦИНТА.
На тебя глядел он!

ИРИНА.
На тебя!

БИАНКА
(хлопоча около Гутундблута, к страже).
Отбросьте их! Хрипит он! Помогите!
(Поддерживая Гутундблута, ведет его во дворец).

ПРАВИТЕЛЬ.
Вот дерзкий люд!
(К страже).
Им отдавите ногти!

9-ая сцена.

ПРАВИТЕЛЬ
(полуодетый, на Площади, к толпе).
Эй ты, пострел! Изборожден ли ты
Как я колесами ночных часов,

Что я из жизни отдал вам? А вы
Рычите, точно я вам враг! О, дети,
Над вами плачу я.

НАРОД.
А все ж ты сыт.

ПРАВИТЕЛЬ.
Корите животом? А вам известно ль,
Как давит он на ляжки и на сердце?
Мне вес иглы кошмары причиняет.
Эй! Ключ от кухонь!

10-ая сцена.
Входит Бианка.

ПРАВИТЕЛЬ.
Насыщайтесь все!
Вы знайте — ешьте. Мы ж допросим парня.
Коль притязанья вам на пользу, дети,
Мы их исполним, будете довольны.

НАРОД
(насмешливо).
В нем, право, много сердца! Живо! В кухни!
(Уходят).

ПРАВИТЕЛЬ
(быстро).
Дверь на запор! Граф Гутундблут!

БИАНКА.
Он ранен!
В моей постели. Ранен и изрезан,

В постели девы! На моих покровах!
В уме ли я? Но это — божья воля!

ПРАВИТЕЛЬ.

Нет послушанья! Голова кружится.

(Уходит во дворец).

ИРИНА.

За ним!

(На лестнице).

У! Это Шлейх!

ШЛЕЙХ

(к обоям).

Ни звука!

11-ая сцена.

Правитель с Сенаторами на галерее. Пред ними Дитрих.

ПРАВИТЕЛЬ

(к Дитриху).

Где полномочье?

СЕНАТОРЫ.

Ишь ты! Полномочье!

ОДИН СЕНАТОР

(к Дитриху).

Что корчишь соню? Рот разинь!

ПРАВИТЕЛЬ.

Разинь!

СЕНАТОР.

Иль ты не клялся черни, не клялся,
Что к ночи памятник из наших трупов
В честь Матери создашь?

ПРАВИТЕЛЬ.

В честь Матери?

СЕНАТОР.

Ты не кричал ли: „Там, где солнце всходит,
Ждут наши братья, — словно рать гигантов,
Пред Времени крошащимся дворцом, —
Чтоб Зевс погиб и-крикнул я: сюда“?

ПРАВИТЕЛЬ.

Я ль Зевс? „Сюда“, кричишь? Связать его.

ДИТРИХ

(пока его вяжут).

Чу, странная мелодия, как-будто
Звучит свирель пастушья на могилах.
Позвольте мне, о большем не прошу,
Прогуливаться взад-вперед на солнце
Как радостный турист в Венеции.

ПРАВИТЕЛЬ.

Пока пойдем, что за тобой таится,
Под стражей будь!

(к Сенаторам).

Ввести вождей солдатских!

(С Сенаторами обратно во дворец).

ДИТРИХ

(со смехом Правителю).

Ребенок, черную волну поймавший
В песочный замок, думает, что море
Им поймано.

(К страже).

Вы, стража трупов! Марш!
Плюется целый день, грязните Площадь.
Ах, выплюнуть бы вам гнилую слизь,
Что душу облепила вам, чтоб вы
Не чувствовали, как вы жалки в мире.
Пес благороден; всякий зверь удачен,
В своем предназначеньи совершенен.
Лишь вы мятетесь меж зверьем и богом,
X Когда б должны сознать себя людьми,
Рожденными для наслажденья миром,
Что вам открылся в вашей же груди.

(В то время как его уводят, он видит Трусливого Сына).

ГИАЦИНТА.

Страсть огненную изверг излучает!

ШЛЕЙХ.

Эй, отрезвись!

(Следует за Дитрихом).

ГИАЦИНТА.

Сестра! Пощупай сердце.

ИРИНА.

Ты любишь?

(Гиацинта уходит).

О, несчастная, и я!

Пусть в шелковейший будуар из шелка
Укроюсь я, где песик возвещает
Тихоковровый шаг служанки, — взгляд
За мной везде, мир превращая в тень.

(Уходит. Трусливый один).

12-ая сцена.

ДИТРИХ

(возвращается).

Ко мне пришел? Кто шлет тебя мне вслед?
Ужель ты кнут призванья моего?
Иль в том заданье, чтобы каждый шаг
Моей ноги восторженной на воле
Ты окрылял: „Скорей“. „Скорей“? О, небо!
Но я клялся! Да, поклялся, что к ночи
Устрою вам на Площади постой...
Иль отдохнуть не смею ни секунды,
И дух перевести меж „тик“ и „так“?
О, если б я имел в виду ту полночь —
Не будничную между днем и завтра —
Святой канун пред Новым Годом духа,
Когда, о брат, нет времени другого,
Как стуки пульса нашего и вечность.
Теснишь меня? Так молви братьям, молви,
Что будто бы во мне проснулась похоть,
Глядеть подольше, как игра испугов
Снует, подобно пойманым мышам
По площади, как-будто мышеловку
Стряпуха держит прямо над плитой!

Нет, вспять беги и Расскажи им правду;
Чуть я вступил на Площадь, чтоб, по клятве,
Правителя схватить живым иль мертвым,
Мне Мать явилась, на меня взглянула;
И опустил топор я перед взглядом,
Горевшим высоко в могильной ночи.
И скрылась вновь судящая рука
Пред взором тем глубоко в складки платья,
Как пойманный убийца. Голос следом
Взывал: „Помедли! Прежде жезл найди,
Что силой я из рук вождей исторгла;
Они ж, как хищник перед ярким светом,
С себя сорвали пурпур жакды крови“.
Суди же сам. Я ль медлю, медлю ль я,
Коль задержусь? А вы нетерпеливы.
От нетерпенья гибнет всякий план.
Нашел ты жезл? Пока он тайно чрева
Грядущих дней не оплодотворит,
Не упадет во прах тысячелетье,
Чтоб нам служить! Терпенье! Жезл обрел я!
Когда его метну высоко в сферы,
Чтоб вы, когда затмит он месяц, знали,
Что Дитрих клятву выполнил, — сбегайтесь:
Я Площадь власти выкачу навстречу.

(Трусливый бредет с Площади).

Где он стоял, — теперь дыра в пространстве.
Загадочно он слабость влил в меня.
Чудно! Солгал я! — Видел я не Мать,
Но дивное, без имени, созданье.
Чуть наши очи ринулись друг в друга,
Низверглась Площадь. Чувство стало жизнью.

Она ль лежит грозящей сердцу массой
На всех ступенях, что ведут к тебе?
Перед тобой пал груз моей же клятвы
Мне в сердце, как вчерашнее „ты должен“!
А я хочу как хочет мой порыв
Предвечно мощный. Мать, измена ль это?
„Ты-должен“ — цепь; родит ли цепь свободу?
Не в ней ли крепкий корень всех мучений?
„Хочу“ — природа, ровное дыханье
И первое раскрытие крыльев духа!
Коль я от девы перейму „хочу“,
Она — природа, облик благодати,
Как майский сон, полна чудес созданья.

(Он проходит мимо каменной статуи).

Весы из рук Юстиции гранитной!

(С весами).

И прямо в руки Матери живой!
Но прежде, чем пойду на зов любви,
Которым рок с пути меня склоняет,
С пути возмездья, Мать, о, Мать, скажи,
Поведай мне: Несет ли справедливость
Богини мертвой, иль проникновенье
В завет тончайший твоего желанья
Нам жезл волшебный, что изменит мир,
Как ты столь ярко видела пред смертью?
Воистину, коль меру наших бед
На чашу брошу, вздымется другая:
То судьбы мира, что в своем обжорстве
Нас проглотил с душой. А мы, о братья,
Стоим (таков закон весов) на месте,
Обманутые, мертвые от горя!

Надеетесь ли жить, как те, обжорством,
На утучненной Площади пастись?
Что? Справедливо? Точно, справедливо,
Когда б теперь спустилась ваша чаша.
Но хорошо ли? Нет. Детские качели!
Лишь смена, не прогресс! Качели только!
Как вянет цвет, другой родится, вянет, —
Пал Карфаген и Рим, и Вавилон,
А ныне вы, а завтра мы! Не правда ль.
Везде качели, маятник и круг.
Вот так пустая справедливость права
Морозит то, что меж вчера и завтра
Из вскрытых недр рассудка мирового
Однажды может быть, в последний раз,
В круговорот бесцельный брошено.
И это пламя, что горит, во внутрь
На маятник как крылья я навешу?
Здесь отпущу, взвояется там! Измена?
Хор братьев вокруг меня ревет: измена.
За то, что новый я ищу алтарь,
На коем случай пламени не гасит?
Иль должен я, подобен быстрым водам,
Спешащим в море, чтоб стать ручьями вновь,
Промчаться мимо рощи созревания?
Как капля, что для скал неудержима,
Когда над жуткой пропастью запляшет,
Слепым умом спасать умы слепые?..
Она стояла там, как вешний день,
На тленные опершись, глядя в небо,
Как дерево миндальное в цвету.
(Он оборачивается).
Что этот летит сюда?

(Видит Шлейха).

Зимняя ворона, трупожирная и холеная. Пока Везувий
извергался, он был в Риме. Теперь он нанюхал музей под
лавою.

13-ая Сцена.

ШЛЕЙХ

(к страже).

Кто приказал? Я приказываю!

(Стража уходит; он развязывает узы Дитриха).

Ошибка!

Тут наконец! Ночь смерти прокусивший,

Смиритель, луновоющий индеец!

Волеспаситель. Праволомец! Слава!

ДИТРИХ.

Во фраке?

ШЛЕЙХ.

Помощник твой у гильотин в параде!

Мессия, Спас народом жданный! Слава!

ДИТРИХ.

Милостивый государь, я свалился с неба.

Назовите мне отель, где человек моего звания мог бы
остановиться

ШЛЕЙХ.

Тебе я друг. С тобой навеки связан!

ДИТРИХ.

Навеки? Это теперь значит на столько времени, сколько
раз можно вздохнуть между двумя экстренными выпусками
газеты!

ШЛЕЙХ.

Рек остроту! Державный мозг прикрывши!
Тебе бодритель, секретарь, новатор,
Народозватель, праворук! Пойдем...

ДИТРИХ.

На каком языке здесь говорят? Не можете ли вы помочь
мне раздобыть новую грамматику.

(Смотрит в парк).

Летний наряд?

С Амуром пруд. Козел, что фавном дышит.

ДИТРИХ.

Холеные сады?

ШЛЕЙХ.

Так, черный лес! Все ж, рододендрон есть.

ДИТРИХ.

Деревьев дух! Зеленые лужайки!
Расчищены дорожки, и дрозды
Милуются. Все живо? Ах, зной клумб
Как старое вино мне в жилы льется!
Как гордый кряж, где смерти я избег,
Я бросил ночь одну на горизонте.
Сперва как тень, затем как нежный образ
Она в душе моей уж растворилась,
О, мать моя, о мать, о мать, природа
С небесной ужасающей силой
Являет мне во всем твои черты!

ШЛЕЙХ

(удалившись).

Смертельное открытие! Мать! Мать!
А я своей, когда не дохла, ткнул

Рубаху в рот. Мелкомигающий
Цветок. Встань, Шлейх! Гнул тщетно! Нет башки!
Снять с воли цепь для самки? Бабье мясо!
Не сбросить эту землю под себя...
Творенье растопырить, богом быть
Для самки? Столько шума ради самки?
В цвету душа милашки дорогого?
Эй, времени коса! Как бритвой режет!
Скот древний хочет пищи, чует власть!
Как вечером звезда, он тускл, но виден;
Он ищет фокус.

(К Дитриху).

Дивная природа!

ДИТРИХ.

Вперед! Опять кататься в свежей травке,
Учась у мотыльков, как жизнь прожить!

ШЛЕЙХ.

Что? Мотыльки? Не мститель на войне?
Останься ж здесь!

ДИТРИХ.

Ни слова о войне!

(Устремляется в сад).

ШЛЕЙХ.

Кто слышал? Что? Весы? Весы мне бросил?

(Кверху на галерею).

Спор голосов там в зале заседанья.
Прошиб пот сласти! Младотайна мне?
Подброшен богочлоч. Клип-клап, клип-клап.

„Ни слова о войне“! Рычаг! Гигантски!
Смерть Архимеду! Шлейх нашел орудье,
Искоренит навек закон, героев!
„Ни слова о войне“. Вскрыт власти рай!
Изгой! Назад? Треск черепа! Ум, стоп!
Что взвесил я? Себя? О, наконец-то!
Часть? Злато? Местодавство? Мирта? Фрак?
Я ль это? Я? Успех? Но я ли? Я?
В постели сесть, Шлейх, жадными перстами
Дел необъятных ведомость вести,
Начать поэтить в гнѣе и бессильи?
Катите мне рычаг! Запор на челюсть!
Шлейх, ржи же: „О войне ни слова“! Я!
Кровь барабанит в череп! Плешь трещит
Как купол на аркадах! Тресни небо!
Шлейх. Решено. Низвержен с Площади
Во имя Гиацинты, чтоб казаться
Героем перед шлюхой для героев.

(К Дитриху).

Катайся, травокат, за бабьим мясом
Ни слова о войне! Единства сон
Погиб. Свернись, самсоносиловолос!
Передыханье игр твоих амурных,
Пока вернешься, обгоню. Соделай
Из крика „Нет войны“ мне царский скипетр.
„Нет войн“, а в результате: чувство, чувство!
Скажу: „люблю“. Не трудно, чай? „Люблю“...
Словцо! Его я буду применять,
Пока над головой засветит святость.
Сомненье, что мирянин? Что—чулки,
Дрова, сардинки — мой товар? Банк полон!

(У занавеса).

Как, волосок от милой Гиацинты?
Лес девственный трепать, быть тем, что было!
Мне? Спугнут сфинкс? Шатнулись пирамиды?

(Прислушивается в сторону дворца).

Приковылял Сенат?... Нет войн! Согласны?
Вельможи без войны? Что? Площадь — пальма?
Немыслимо! А Шлейх в седло садится,
Чапрак волочит — милость к ближним! Рысью!

14-ая Сцена.

Правитель на лестнице с Сенаторами и слугами.

ПРАВИТЕЛЬ.

Узнать, стоит ли за мерзавцем этим
Желанье наших преданных сынов,

(Слуги уходят).

Чтоб бред твой, шлюх намербовав, не смел
Сдать хамству по дешевке номера,
Чтоб сан наш обескровленный и бледный
Как девка не глядел из этих окон, —
Уснувшее использую я право:
Тебя в кафтан дурацкий обряжу.

(На Площади).

Куда свели его? Своей рукой
Ему я подстрекающий язык
Из глотки вырву, прежде чем его
И нас, и всех, язык его задупит.

ВЕЛЬМОЖИ.

Опомнись, государь! Люд ждет его.

ПРАВИТЕЛЬ

(резко оборачивается).

Иль все уже вы им заражены?
Где этакий балбес хулит законы
И гривою нечесаной трясет,
И кажет кукиш всякому порядку,
Там глупый плебс вокруг него гогочет,
Как-будто небо держит он в кармане?
Кто чует дух времен? Глянь в сердце миру:
Неисправим он со времен Адама!

ШЛЕЙХ.

Но прозорливость лучше, чем насилие.

ПРАВИТЕЛЬ.

Что ж. делать?

ШЛЕЙХ.

Сделать нужно что-нибудь!

15-ая сцена.

На галлерее Ирина и Гиацинта.

ПРАВИТЕЛЬ

(к городу).

А, сволочь! Вас бы в клочья затравить
Как дичь!

(Видит дочерей).

Вы для него хотите кланчить?

ИРИНА

(у его ног).

Да в нем судьба моя, за ней иду я!
Не дашь благословенья, так кинжал
Мне всех блаженств откроет небеса.

ПРАВИТЕЛЬ.

Дать стул!

(К Гиацинте).

И ты в него влюбилась?
Да и она. Его огонь в побегах
Что небу своего бытья, отцу,
Грубят с улыбкой дерзкой! Град и гром!
Под стражу их!

ГИАЦИНТА.

Вот яд! Клянусь луной,
Его я выпью, но не повинуюсь!

ПРАВИТЕЛЬ

(хватая обеих).

Моя же плоть...

(Шлейх хочет поспешить на помощь Гиацинте).

Родительское право!

(Он задерживает занавеску - под галлереей и остается один с дочерьми. Шлейх, Сенаторы слушают позади занавески).

Ужель я только кукла? Только тень?
О мука от детей! О бич небесный!
Я рад бы учинить кровопролитье!

(К Гиацинте).

Дрянь, Шлейха поцелуй! Иль мне срамиться?

ИРИНА.

Твой сад приемлет вешний сон, пред коим
Снега бегут, когда цветы он красит,
Невинные бутоны, анемоны!

ПРАВИТЕЛЬ.

Оставьте лучше вы весну в покое.
Иль дев сердца, что чисты словно лед,
И крепче льда, от вида весен тают?
Веснянки вы! При легеньком нажиге
Поддаться чувству оплодотворенья!
И я чтоб вас благословил, бутоны.
Я знаю монастырь, где учат нравам
И чистоте, да, дочки, чистоте.
Туда вы нынче ж едете с Бианкой.

ИРИНА.

Нет, никогда!

ПРАВИТЕЛЬ.

Бианка!

16-ая сцена.

Бианка, вышедшая на спор из дворца, выступает вперед.

БИАНКА.

К вам спешу!

ПРАВИТЕЛЬ.

Девченок отвезешь сейчас в обитель.
Там жди приказов.

БИАНКА.

Но...

ПРАВИТЕЛЬ.

Без всяких „но“!

У вас одно добро — повиновение.
Так будьте ж рады мне повиноваться.

БИАНКА.

Но комендант в постели у меня.

ПРАВИТЕЛЬ.

Так вон его!

БИАНКА.

Несчастливого, больного?

ПРАВИТЕЛЬ.

Пусть он сгниет, но слушаться ты будешь.

БИАНКА.

Сгнить, государь? И на моей кровати?

ПРАВИТЕЛЬ.

Коль в полночь здесь вы будете вертеться,
Я вас лишаю всякого довольства!
Ни звания, ни хлеба! Побойрайтесь!

БИАНКА.

Жестоки вы, но это божья воля!

НАЧАЛЬНИК.

Что, рушатся столпы? Отравлен воздух
Непослушаньем, бунтом против нас?
Смелей, я говорю, смелей, смелей!
В семнадцать лет все ходят с красным флагом,
В подросточьих ночах клянутся богу
Весь мир до основания перестроить.
Померяюсь же с вами силой духа!

ИРИНА.

Пусть так, отец!

ПРАВИТЕЛЬ.

Прочь!

(Дочери с Бианкой во дворец).

Чудо-детвора!

Иль я вам пробуравленная бочка?

Мой жезл он хочет? Руки прочь, шенок!

Но взор его разбил стальные узы

Меж мною и детьми? Возможно ль это.

Иль все возможно, и могучий панцырь,

Что волю нашей черни опоясал,

Как жезл поломан ручкой сосунка?

ШЛЕЙХ

(появляется).

Простите!

ПРАВИТЕЛЬ

(к Сенаторам).

Мы сойдемся позже! Ночью!

Меж тем во мне решение созреет!

17-ая Сцена.

Трусливый сын блуждает по Площади. Все смущенно снимают цилиндры.

ПРАВИТЕЛЬ.

Га! Этот лик — чахотка сил моих!

СЕНАТОРЫ.

Государь!

(Трусливый бредет назад и скрывается).

ПРАВИТЕЛЬ.

Такое смеет жить? Уж лучше крысе

С хвостом нагим и красным рот подставить,

Чем в зеркало подобных глаз глядеть!

Пусть фосфор глаз под Площадью моей

Во мраке сводов пауков пугает!

Эй, стража, взять его!

(Стража уходит. Шум).

Наелась чернь?

(С Сенаторами за занавесью).

Ответа не давать. Закрыть ворота.

Сказала мамка: „Пусть кричит ребенок:

Он будет здоровей“. Уймутся сами,

Когда увидят, что им груди нет!

(Требуют Дитриха).

18-ая сцена.

Бианка на галерее с Гиацинтой, Ириной и женщинами, готовая в путь.

БИАНКА.

Бог помоги мне! Вы отцу дерзите?

Бежите от меня? В монастыре,

Где домик к дому чистенько пристроен,

Чтоб поприщем невинности служить.

Училась я служить, повиноваться.

Стакан воды с цветочком-скороспелкой,

И лучик солнца над постелькой белой...

Когда проснусь я с утренней молитвой,

Начнутся игры при дверях закрытых,

Когда нас шелк белья как лебедь нежит.

А вы бежите?

(Ирина, Гиацинта уходят. Женщины уходят).

Сладкий Гутундблут!
Как он просил горшок! Бог помоги мне!
Служить тебе — восторг, Георг, мой мальчик!

(Уходит).

ШЛЕЙХ

(раздвигает завесу).

Люд разбежался! Господа, идет
Первоприсутствующий...

19-ая сцена.

СТАРЕЦ.

Вот прочтите!
Струхнули шума уличных мальчишек?

ПРАВИТЕЛЬ.

Что? От вождя солдатского? Все мелочь!

СТАРЕЦ.

Какой нам в День Победы холм могильный —
У! — ужас породил, то Предводитель
Пред ратушей расскажет...

ПРАВИТЕЛЬ.

Бред бушует!

СТАРЕЦ.

Приверженные Площади войска
Спешат на помощь! Орды обольщенных,
Свергая то, что защищал закон,
Катятся грузно вслед, сжигая, грабя.

ПРАВИТЕЛЬ.

А где ж другой их вождь?

СТАРЕЦ.

Позор и стыд!
Мать мятежа, бунтующая баба,
Смягчила кволым человеколюбьем
Стальное сердце.

ПРАВИТЕЛЬ.

Умер?

СТАРЕЦ.

Лучше б умер!
За сыном ведьмы он идет как воин.
Разверзлась грудь земли от их безумья...
Воткните жезл! Иначе истерия
Наружу выйдет с вонью и чумой!

ПРАВИТЕЛЬ.

Так смерть тому, кто мечет пламя!

СЕНАТОРЫ.

Смерть!

СТАРЕЦ.

Лишь он падет, восстанье отведем мы,
Как дерзость утомленную, в конюшню.
Итак...

СЕНАТОРЫ.

Казнить!

СТАРЕЦ.

Мы обезглавим Хаос!

20-ая сцена.

ДИТРИХ

(со склоненной головой).

Гладь прервала след на песке? Должно быть,
И веса нет у милого создання.

СТАРЕЦ.

Чтоб спотыкаться, в ней довольно весу.

ДИТРИХ.

Пол мраморный живет? Ишь! Голова?
Смеется, курит и цилиндр снимает?
А сам лишь голова? Схвачу за ноги,
Да отнесу домой как связку редьки.

СТАРЕЦ.

Эй, слуховой рожок!

ДИТРИХ

(смеясь выпрямляется).

Простите, пьян я!

Едва дышу от блеска и цветенья.
Аллеи, ах, и светляки в жасмине!
О, господа, вам хорошо в садах.
Здесь тленом чахлой юности не пахнет!
Нет леса из гробов, блестят скамейки,
На коих старики и идиоты
С прохладцею свой труп на солнце нежат!
Цветущий мир в угоду трупам вырос.

СТАРЕЦ.

Чего тебе здесь надо?

ДИТРИХ.

В буре — у! —

Несетесь вы. Куда, лишь кормчий знает.

СТАРЕЦ.

Ты должен отвечать!

ДИТРИХ.

Ты Должен? Должен?

Верни вчерашний день, свисти ему,
Авось он зайца принесет в зубах.
Сегодняшний уже не лижет плетки,
Которой вы пришибли нашу волю!
Что смотрите? На Площади стою я!
Скажи себе, о Дитрих, сотню раз:
Встал ты на Площадь, двор тюрьмы для душ.
Вкруг — памятники! Облачный обман!
Что все носы притягивал к решетке,
Как мальчугана тянет к книге сказок.
О, правда, правда, о, душа природы!
У матери, в огне ее любви,
Я чувствовал в себе твою нетленность,
На лике человечества твой отблеск.
А здесь я только к тлену прикасаюсь,
Все формы между пальцами скользят!
Нас опьянял уже отцветший мак,
Гнилое семя сея в сжатой ниве.

ПРАВИТЕЛЬ.

Служили боги нам, а мальчик смеет...

ДИТРИХ
(взволнованный).

Певцы святые, жившие на башнях,
Душеубийц воспели, и Пегас
Носился златовзнузданный в лазури!
Проклятье одиночества гигантам,
Вам, что огонь божественности нашей
Держали долго под навесом чванства.
Вы, духи, что сей Площади служили,
Где ежечасно ряд заплечных дел
Был рад людским страданиям, где демон
Из золотых бокалов кривду пил,
Вы, как газон с прогнившими корнями
Надтреснутого дерева, падете
Туда глубоко в пропасть! Все! Все! Все!

ПРАВИТЕЛЬ.
Ты, прошлое желающий разбить!
Знай, люди носят прошлое в клетчатке
Вчерашним днем кормясь как грудью мамки.

СТАРЕЦ.
Изменник! Гнус!

ДИТРИХ.
Ваш мозг из носа каплет.

СТАРЕЦ.
Не присягал ты разве?

ДИТРИХ.
Да, я помню.
Стоял наемник, там другой, а там
Был крест, приказ, ворчанье и аминь.

И я, как в школе, поднял кверху палец
И поклялся — но в чем? Клялся я жизнью.
Но жил ли я? Бессильны ваши нити!
Скорей вы с камня требовать могли бы
Признанья клятв.

ПРАВИТЕЛЬ.
На помощь, господа!

ДИТРИХ.
Я разрешу измученные души,
Что с клятвой спящие сердца решились
К отвратному Молоху приковать,
К таким вещам, как брак, бог, честь и власть,
А там проснувшись, ах, уже в цепях,
Жизнь увидали только сквозь решетку!
Все ваши клятвы рву и разрешаю.

ПРАВИТЕЛЬ.
Вот и кафтан для дел таких пригодный.
(Они надевают на него дурацкий кафтан).

ДИТРИХ
(в кафтане).
Единственный кафтан, в котором можно жить. Я позабыл
представиться: Дитрих... не из Равенны, но из не менее
значительной битвы. Я только-что из братской могилы;
бомба времени меня засыпала. И хотя ваши ноги уже при-
топтали надо мною могилу, — мое здоровье, как вижу,
все еще может тягаться с вашим.

Единственный кафтан для искупленья
Того, что ползал я перед Ничем
И дал глазам, их глупостью питаю,

Для внутреннего зрения ослепнуть.
Но вот растаял я от глаз любви
Как мальчик в милой сказке...

(К Шлейху, со смехом).

Вы усмехаетесь, милостивый государь? Потому ли, что
у меня за ресницами прячется сказка? Вашу грамматику,
сударь! Вашу грамматику! Знаю, знаю!

„Означен мной Пегас, меня спихнули;
В поэзии помет меня зарыв“.

Я еще не совсем освоился с ритмом.

(Он бренчит шутовскими бубенчиками).

День, день, осторожность! Не вступай снова в их навьи
круги.

Не принимай паноптикум за жизнь!

ПРАВИТЕЛЬ.

Ребячья голова! Ведь жрешь ты сердце
Порядка! Власти волк голодовонный?
Не я умру, а целый свет лишится
Устоев, если не уймешься ты...

ДИТРИХ.

На что транжирю мощь души моей.
Ее сиянье в этом вихре слов
Затемнено гигантскими тенями,
И в их игре себя теряю я.

(Зачарованный смотрит в парк).

Там, как поток освобожденной крови,
Пурпурный цвет поднялся из земли.
Как-будто солнце в чашечку нырнуло,

Так светит он. То сердце Матери,
Что вон меня зовет из веча трупов?
О, господа, вам хорошо в садах!

(Он направляется в парк, навстречу цветам).

СТАРЕЦ.

Когда же казнь?

СЕНАТОРЫ.

Когда?

ПРАВИТЕЛЬ.

Казнь? Никогда!

СТАРЕЦ.

Еще наглей гонять волчки он будет!

СЕНАТОРЫ..

О, господа, вам хорошо в садах!

СТАРЕЦ.

Да, век так будет; так гласит закон.

(Правитель склоняется).

Мы будем греться на его могиле
И шоколадки школьницам дарить,
Читать, как извдыхал себя...

СЕНАТОРЫ.

Владыка...

ПРАВИТЕЛЬ.

Когда б лишь в нем казнить!

СТАРЕЦ.

А в ком еще?

ПРАВИТЕЛЬ.

Когда б лишь в нем! Его б четвертовал я.
Молчать! Молчать! Как выпрямился Шлейх?

ШЛЕЙХ.

В нагорной проповеди — компас; в братстве —
Вся Индия.

СТАРЕЦ.

Кровь давит вшивых в грязь!

ШЛЕЙХ.

Вот взвизгнул бабник! Злокалеки прячась:
Сот дней Тимура ртом жуют войну.

СЕНАТОРЫ.

Герр Шлейх! Герр Шлейх!

ПРАВИТЕЛЬ.

Вперед же, Шлейх, кончай!...

ШЛЕЙХ.

Воспахла вонь. Люд дует чумородом!

СТАРЕЦ

(бросает палкой).

Скрипач кабацкий!

СЕНАТОРЫ.

Метко?

ШЛЕЙХ.

Не бреттер!

ПРАВИТЕЛЬ.

Шлейх, выход дай, и будешь ты возвышен
Как змей Арона.

ШЛЕЙХ.

Мать кляла войну!

(К Молоху).

Беленый кровобрюх! Невинный вид
Бунт вызывает, бурю! Слабы снасти.
Стоп! Аллилуия! Гавань! Мир! Аминь!
Сочится мать — любовь? Сочитесь сами!
Вскрыть бочки с маслом! Выглядите грунт!
Нагромоздить закон, чтобы никто
Днем, ночью, на похоронах, в бордели...
Не смел сказать ни слова о войне.

ПРАВИТЕЛЬ.

О, Пифия!

ШЛЕЙХ.

Пока к вам снова в дверь
Не стукнул дух, взрощенный в море крови...

СТАРЕЦ.

Засуньте вновь войну ему в живот!

ШЛЕЙХ.

Луч кала, прочь!

СТАРЕЦ

(к Правителю).

Хотите вы любви!

ШЛЕЙХ.

Ни слова о войне! Ковчег! Всплывает
Как капля масла Площадь. Выше Альп!

ПРАВИТЕЛЬ.

Пророк. Мне ясно все и больше...

СТАРЕЦ.

Достойный плахи — в шутовском кафтане?
А истый шут — пророк? Здесь дом безумных!
Иль вы и верных возмутить хотите?
Воздвигла кровь те стены вековые!
Кровь и ничто другое!

СЕНАТОРЫ.

Кровь!

СТАРЕЦ.

Да, кровь!

ПРАВИТЕЛЬ.

Протестам череп раскрою! Не дам
Войне подставить ножку пробужденною!
Переживанья наглость обезглавьте!
Наверх! В Сенат! Все остальное в тайне!
(Старцы, Сенаторы протестуя уходят. К Шлейху).
Все сделай!

ШЛЕЙХ.

Есть!

ПРАВИТЕЛЬ.

Вот полномочье, Шлейх.

Я Гиацинту дерзкую за косы
Втащу к тебе в постель. Шлейх! Нет войны!

(Шлейх уходит).

Лунатик я? И кем-нибудь окликнут?

21-я сцена.

БИАНКА

(запыхавшись).

Граф Гутундблут...

ПРАВИТЕЛЬ.

Прочь с бабскою заботой!

БИАНКА.

...Лежит в бреду, в моей ночной сорочке
Взамен брони, и со свечей в руке,
Свечью юности моей, как с саблей.
Вдруг он умрет в моей постели, боже!

ПРАВИТЕЛЬ.

Вот он.

БИАНКА.

Помилуй бог! Горшок мой — шлем!

ПРАВИТЕЛЬ

(к Гутундблуту, который в ночном одеянии Бианки стоит между колоннами).

Эй, Гутундблут!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(выступая вперед).

О, Площадь круглая!

О, круг отцов!

ПРАВИТЕЛЬ.

Опомнись, Гутундблут!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(у ворот).

Здесь чернь расшиблась об меня, здесь будет
Истории краеугольный камень.

8 Уиру. Драмы.

(К свече).

О, светлый меч! О, чести чистый щит!
С добром и с кровью я навеки твой! ¹⁾

БИАНКА.

Увы, то божья воля.

ПРАВИТЕЛЬ.

Слуги! Люди!

(Слуги являются).

Снести в постель беднягу помогите.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(быстро оборачивается).

Я всякого убью, кто подойдет!

ПРАВИТЕЛЬ.

Смелей, хватайте!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Взятое мечом,

Я удержу. Мой лавр неувядаем!

О солнце белокурое, свети мне!

Так, так и так. В нос кулаком! Держись!

(Ударяет Правителя).

Эй, жирный червь! Ты к знамени суешься?

(Избивает слуг).

Вы лижете мне ноги? Ну лижите!

(Опускается измученный).

БИАНКА.

Давид! бог помоги мне! Сам Давид!

¹⁾ В тексте: Mit Gut und Blut.....

ПРАВИТЕЛЬ

(на земле).

На помощь! Спятил он! Врача! Вяжите!

БИАНКА

(к Гутундблуту).

Ты жив еще?

(К слугам).

В мою постель! Скорей!

(Бианка, слуги уходят с графом Гутундблутом).

ПРАВИТЕЛЬ

(прислоняясь к Молоху).

Кровь из носу? Я ранен Гутундблутом?

Карикатура? Зеркало, пожалуй!

Каков паяц! В горячке не увидишь!

Он накрепко пристал к моей сетчатке!

То, что в почет мы облекаем, — ужас!

Здесь напишем (как разве только в бане,

Где ни уродства, ни сыпей не скроешь)

Открыто всем сквозь щели этих стен.

22-я сцена.

ДИТРИХ

(приходит из парка с красной лилией в руке. Вечереет; говорит глубоко проникновенно и тихо).

Ты, огненная лилия, остаток

От солнечных лучей, маяк для пчел.

И для моей души, когда темнеет.

О, огнецвет, пылающий сосуд,

Не угасай! Глянь, сумрак прилетает,

Проснувшись как вампир, меня нащупал,

Надувшись от воспоминаний, хочет

Задуть пыланье лепестков твоих?
Ветр северный с ним заодно: уж начал
Иссохшим легким дуть свое „ты должен“?

(К городу).

Каков же корень клятвы той, что жжет
Она язык? Иль из любви я клялся?
Глядит ли брат из серости застывшей.
Чуть из себя я Площади закон
И клятвы вырвал, совесть умерла.
Итак, гляди мне в кровь! О, лилия,
Ведешь меня сквозь мрак! Звезда любви,
Блистая ярко, к сердцу новому
Сквозь лабиринт теней. Когда-нибудь
Дыханье твое пурпурный замок
Мне отопрет как сказку перед феей.
В моей груди так празднично, смиренно
Как-будто я лечу домой к душе,
Что в доме здесь измученная спит.

ПРАВИТЕЛЬ

(выпрямляется подле идола Площади).

Проклятый, красный огонек блудящий,
Что манишь ты из темных переулков?

(Бежит за Дитрихом).

ДИТРИХ.

Свети! Свети! Чтоб призраки бежали.

ПРАВИТЕЛЬ

(хватает его на лестнице).

Вот я тебя, ты пьяный дух минуты,
Что спичкой подменил луну и солнце.

ДИТРИХ.

Что знаю я? Я только-что родился.
Иду к своей душе. Пусти, медведь!
Я больше не боюсь ни львов, ни змей!

(Внезапно становится серьезным).

Иль не убил ты матери моей
Сестер и братьев? Дикое сказанье.
Меня не втащишь ты назад в своей зев!
Вот ты каков? Пред этим мы дрожали?
В зубах ты носишь пломбы и воняешь!
Народный папа с мюнхенских лубков!
Охота мне с тобою поиграть
Как с прыгуном, шелкунчиком, ей-богу!
Но все ж в тебе есть святочное что-то,
Влечет к себе как кукла или пряник.

ПРАВИТЕЛЬ.

Ты этот мухомор мне в пику поднял?

(Ташит его к воротам).

Ты машешь красным, как кровавым мясом.
Рычит зверье! Как голод пробужденный.
Мой город воет! Львятник до зари!

ДИТРИХ.

Так покорми же львов! Смотри, хочу я
Тем соком мирозданье напоить,
Пока рука действительность крутую,
Как поцелуем девушку, смирит!
Итак, корми же львов: они рычат!
Лью кровь из сердца матери моей
Как чародей умелый по пустыням,
Чтоб мир гранитный вздрогнул как и я.

ПРАВИТЕЛЬ.

Что? Мир гранитный, белокурый шут?

ДИТРИХ.

Иль сердце мира ты в него не вмазал?

ПРАВИТЕЛЬ.

Какое сердце? Похоть злых макак.

ДИТРИХ.

Макак?

ПРАВИТЕЛЬ.

Разбей законы, мир гранитный, —
Зверь рычит из-под твоей же кожи!

(Со стоном падает навзничь).

ДИТРИХ.

Свалюсь ли в шахты собственных загадок?

(Держа в руках голову Правителя).

Держу ее как собственный свой череп.

Один в ее мозгу? Один? Как странно!

Коль суд исчез, подкупность процветает,

И страсти в паре с ленью скачут в пляске,

А верность, как дурак, повсюду ищет

След доблести, — в чем мне винить тебя?

Иль сам себя стократ не предавал я?

Родил собачье племя без узды:

У них оскал отвратный разложения

Прилип ко рту как рак. Тебя убить?

Ведь сам своей души я душегрыз

И сам Правитель сердца своего.

Убить тебя? Пока себе Правитель

Все из меня же головы кроит,

К чему убийство? Сам его кормлю я!
Когда б не я, ты б разве был так толст?
Тебя в себе я задушу. Вот так.
И коль в груди еще осталась правда,
То правду я скажу, сказав: „Ты умер“.

ПРАВИТЕЛЬ

(очнувшись от сна, выпрямляясь).

Я жив, я жив!

ДИТРИХ

(вскакивая).

Лапы прочь с цветка!

23-ья сцена.

(Правитель слева, Дитрих справа на лестнице. Внезапно между ними, как призрак, Бианка со свечей. Граф Гутундблут следует за нею).

БИАНКА.

Меня он принял за врача! Мой мальчик!

Он кается в вещах срамных и голых.

Глаза на лоб мне лезут со стыда...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Господь мне рек: „Георг, будь целомудрен!“

БИАНКА.

Заткну я уши!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

„Целомудрен будь.

Отныне будешь серафим закона!“

„Я — муж“, вскричал я. Он же рек: „Аминь!“

(Бросает письма на землю).

Ирины письма, локоны, портреты!
Прочь, прочь все это! Адские соблазны!
Я серафим, с крылами! Милый доктор!
Я целомудрен! Как Франциск! Я ангел!

БИАНКА.

В постель!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Как Иосиф и Пентефлия!
Плащ пестрый стал спасением Египта!
Провидец тучных дел! Я целомудрен!
Я не могу! Ночь брачная восстала!
Коль вы мне поможете, я гибну.
Чего хочу, с великими то было!
Святой Георгий тоже был кастрат...

БИАНКА.

Но в чем же дело?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Дело в чем? Хи-хи!

Не знает он, в чем дело? Он не знает?
Изрежь меня!

БИАНКА.

Спаси нас бог!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Изрежь.

Свое признание выполнить я должен!

(Он тащит за собой Бианку).

ДИТРИХ.

О, быть бы магом, чтобы эту Площадь
И образины прошлого прогнать,
Прогнать далеко, как свиное стадо!

ПРАВИТЕЛЬ.

Она бессмертна!

ДИТРИХ.

Тень ее растет!

ПРАВИТЕЛЬ

(виден только в тени).

Во Мне есть что-то, из чего та тень
Пьет жизнь свою! А то бы ей не жить!
Иль пухнет то, что думал я, что делал,
В чем согрешил я в летнем возбуждении,
Как жидкость ширясь? В том мое проклятье
Мысль продолжает жить, когда мы сами
Семь кож переменили? Все живет
И все кричит с насмешкой попугайской,
Что труд напрасен, если сердце хочет
Из ила выбраться!

ПРАВИТЕЛЬ

(голова к голове).

Она бессмертна!

ДИТРИХ.

Уже, я вижу, сотни рук костистых
Меня потащут от моей мечты
К тем берегам, где неудачники
Мне зубоскаля прокричат: „Приди“!

ПРАВИТЕЛЬ.

Всяк выплывал, чтоб силы испытать,
Как ты, в моря, взор приковав к видению.
Тонул мечтатель, умный возвращался.
Вернись и ты. В однообразный круг
Заклочена бессмысленная жизнь.

ДИТРИХ.

Могу ли я? Вернулся ль кто от солнца
В трескучий свет ночного фонаря?
Он не потух! — Как вянет красота,
Вода мелеет, весны в лужах мрут,
Как в фарисеях искажен Иоанн,
Как в папу вылился Христос, так будет
Концом всех дел земных — карикатура.
Иль нам природа яд вмешала в кровь,
Яд трупный, что согбенным под „Вчера“
Не даст узреть ни „Завтра“, ни „Сегодня“?
Иль радуга отважных вдохновений
Согнется вновь назад? И из духовной
Работы поколений станет только
Кусок руин для археологов?
Как червь ползет и жжет крапивой кожу!
Тень всякая есть часть меня и стала
Злым призраком вчерашнего, грехом!

ПРАВИТЕЛЬ.

Ты сам не из вчерашнего ль возник!
У мозга есть отец, у кожи тоже!

ДИТРИХ.

Иль прошлое мне как земная тяга
На крылья давит? Лилия, свети!

ПРАВИТЕЛЬ.

Не вянет ли она в руке горячей?
Дрот пущенный не падает ли снова?
А насекомых окрыленных тельца,
Что созданы, чтоб вознестись в эфир,
Не гибнут разве с утренней росой?

(Его тень исчезает).

ДИТРИХ

(победоносно).

Томленье духа по себе самом
Уж не кряхтит под тяжестью „Вчера“,
Звездой прочной мне света в пути.
Исчезла тень?

(Идет во след).

Не волшебство ли это?
Зато моя как к дереву прибита?
Иль ты мне оставляешь этот знак?
На перекрестках идол вековой
Прибит рукою бледной? Предсказанье?
Исчезла тень закона? Но зато
Еще огромней остается крест?

ГОЛОС ПРАВИТЕЛЯ

(издали).

Но дух вскричал: „Свершилось!“

ДИТРИХ.

Чей же голос?

Как смех земли! И теплый лунный воздух,
От звука вздрогнув, в грудь мою влился!
„Свершилось“? Но свершилось ли, о дух?

Свершилось ли? Зачем за свет борюсь я?
Иль тонет, словно камни в океане,
Зов, окруженный знаками вопроса?
Иль призрак серафический намерен
Быть смысла полн? Свобода для кастратов?
Иль все замрет? Ужель познать — молчать?
Иль должен в своды я согнуть колонны?
Пасть ниц, цветок отвергнуть как чуму?
Земле отрезать пуповину? Дитрих!
Дух! должно ль мне бояться красоты,
Что в песне линий страстностройных тел,
В игристых играх тварей улыбнется
Нам кротко так? Иль подлостью я скован?
Краса для счастья светит как луна,
Что в медно-красной Индии живет
Цвет лотоса, на коем Будда дремлет,
Луг серебра, что после пляски дев
Потерянные ленточки целует.
Нет, лучше жить в темницах, где ехидна
Хватает жаб, чем осквернить наивный
Восторг зачатий, что весь мир являет
Мне молодым, как детская головка!

(Он хочет войти во дворец).

Крест преградил мне путь к тебе, о, дева?
Он гонит чувства, что так сладко жгут
Мне грудь мою. Великолепные,
При каждом выдыханьи естества
Они вселенной чувственную радость
Бросают мне, как милую, в объятия!
Любовь меня всего в едином слила!
Одной любовью будет „я“ свободно,
Коль от малейших трепетаний жизни

Блаженный, братом назову „творца“.
Но прежде чем я сладкий пламень духа
В крови зачатой-вызволю из крови,
Чей мощный бег меня на созиданье
Толкает, прежде чем свершу я это...

(Он хватается крест).

Схватил завесу? С дрожью бьется сердце,
Как-будто слишком далеко зашел я,
А там из ниш глядят нетопыри.

(У самой галереи).

Там вече духов!

(Бежит на другую сторону).

Всюду привиденья!

Смерть чувствует? Смерть духов? Прочь с дороги!
Никто цветка не выбьет из руки!
Пьянящие струит он ароматы.
В лазурных колокольцах часто видел
Я бархатное небо сказки. Цветик!
Твой круг багряный, внутреннею силой
Раздвинутый, все капли пленной крови
Собрал как-будто и в себе вместил.
Вновь чаемый союз! О, лилия!
К нему ль ведешь? Готов я ниц упасть!

(Опускается на колени над лилией).

Мужчина, женщина, дитя. Над ними,
Как этих душ созвучье — светлый круг?
Адам чудесно новый, что от Евы
Под нежным видом одоления плоти
Вновь обретает унисон души.
И Книга Двух сама собой свернется,

Вновь завоеван рай, и человек
Стал богом мира, мир — его любовью!
Понять ли вам? Не надо слов поспешных,
Пока у внутренних очей не будет
И плоти внутренней, пока язык,
Свой ржавый навык променяв на лепет
Священный, сыщет новых слуг тебе.

(Ложится на лестницу).

Завидую зверям, что в зимней спячке
Для них лихое время прохрапят.
Иль и ко мне приходит Сон Дремович?

(Он засыпает на лестнице).

24-ая сцена.

ГИАЦИНТА

(позади Ирины на галлерее).

Должна ты жребий бросить!

ИРИНА.

Не хочу!

Не предаю случайности я душу!

ГИАЦИНТА.

Случайность? Мы о бже мечем жребий!

ИРИНА.

Когда он бог — он нам обеим близок!

ГИАЦИНТА.

Сожмет ли он обеих нас в объятьях?

ИРИНА.

Я не могу.

ГИАЦИНТА.

Победа, что нам жребий.

Не любишь ты. А то б как я рискнула
Ты жизнью. Ибо, вытяни ты „да“...
Меня мечты трясут как южный ветер!
В пылинке каждой лишь его я вижу!
Схвачу ли платье, воздух... всюду он!
Его возьму...

ИРИНА.

Как солнце светит всем,

Так светит он и мне...

ГИАЦИНТА.

От страсти мерзну.

25-ая сцена.

ПРАВИТЕЛЬ

(видя дочерей).

Мечтаете? А где же монастырь?
Дрожите? Штучки легкие как воздух!
Я вас искал. Глухой укол в мозг
Смешал мне мысли. Запах гиацинтов!
То матери любовь! Ну, поцелуйте!
Кто пилит здесь. Мой череп стал стеклянным.
В Мост Вздохов превратился этот свод!
Ночь брачная у вас!

(Идет, останавливается).

Как давит крыша!
Столы и стулья! Свечи! Попируем!
Наденьте шляпы от нетопырей!

(Обе уходят).

Красивы дочери (все же это нечто
В подобной тьме), точь-в-точь моя жена.
От этих мыслей путь ведет в гесну.
Вот результат, когда броню закона
Распустишь хоть на палец. Но довольно!
Здесь преклонялись предки наших предков.

(Пред идолом Площади).

Пред ним склонился первый человек,
Мечом херуба прогнанный от древа
Плодов запретных! Но опять, опять
Манит нас Ева! Адская Сивилла!
Чуть уступил ей, и вскипают сны,
Как ведовский туман из недр груди
И через ребра ворожат! Свобода!
Иль стал закон тюрьмою. Шлейх: „Нет войн“!
Не снята ль тем печать с разгульных чувств,
Что прыгая пророчества кудахчут?
А караульни пусты? Я рехнулся!

(Убегает, возвращается. Стража с Трусливым сыном).

Стой, люди, стой!

Куда вы с ним?

СТРАЖА.

Ведем назад, в темницу.

(Стража уходит с Трусливым сыном).

ПРАВИТЕЛЬ.

Весь мокрый он? Молчит и что-то знает?
Пред судным днем — труба? Ху-ке, труба?
Пока твое дыханье всех пробудит,
В колодце ты утонешь! Хлюп — и нет!

(Бежит за Трусливым сыном. Перед Дитрихом).

Вести бы надо сонник от Адама,
Чтоб с предками могли мы говорить,
Как с букварем в руках, и узнавать их.
Ужель есть состояние, что длится
Во сне и наяву? Язык твой вырвать!

(Он хочет задушить Дитриха, бросается на него плашмя).

Скажи, что жрал я души! Ну, скажи!
Иль есть в зобу твою тот сердцевед,
Тот милый соловей, то Икс, дыханье?
Останься вновь со мной как добрый шут,
И страхи снов гони своею флейтой!
Шепчи мне о потребностях душень.
Согласен, шут? Тогда мы все уладим:
Рассею я сенат, повешу Шлейха,
Спалю я Старца, захвачу я власть
И буду сам Правителем с тобой!

ДИТРИХ

(во сне).

Где человек мой?

ПРАВИТЕЛЬ.

Человек?

ДИТРИХ.

Ну да!

ПРАВИТЕЛЬ.

Повсюду здесь он бежит на воле!

ДИТРИХ.

Вручен тебе по моему закону
В комок из глины заключенный Хаос!

9 Уиру. Дамы.

ПРАВИТЕЛЬ.

Я блюл закон. Но видишь, господи,
Как род людской его стряхает с выи!

ДИТРИХ.

А где мой дух живой!

ПРАВИТЕЛЬ.

Какой же дух?

ДИТРИХ.

Что я вдохнул?

ПРАВИТЕЛЬ.

Вдохнул?

ДИТРИХ.

Уйди, проклятый!

Иль духа зов к тебе не долетел.

ПРАВИТЕЛЬ.

Кто звал. Когда, когда же, господи?

Я твой завет читал, о господи...

Я все исполнил, что написано.

Перелистай...

(Бросает ему книгу).

Всюду Твой закон,

Который, как Правитель, я хранил.

„Ты должен“, вензель сей стальной, о боже,

С благоговеньем вырезал я в сердце.

Другого не читал я.

ДИТРИХ.

Ты читал!

ПРАВИТЕЛЬ.

В лазурь, где веют существа с крылами,
Я не дерзал поднять земного ока.

Пред сферами, о коих говоришь Ты

Лишь в откровеньях, потупляя я взор.

И крепче на земле закон Твой блюл,

Чтоб лучшее из гроба невредимым

В день оный встало и сдилось бы с лучшим.

ДИТРИХ.

Иль смехом ты не гнал Меня, притворщик.

ПРАВИТЕЛЬ.

Я, господи?

ДИТРИХ.

Дыханье духа!

ПРАВИТЕЛЬ.

Духа!

Ужели ты говоришь об этом Икс?

(Он выдыхает).

Познав впервые женщину нагую,

Между щекотным хмелем и паденьем

Я слышал Икс, что не смахнет и пуха.

О нем Ты рек? Оно — ни да, ни нет;

Оно — на грани между сном и явью.

Коль в нем дыханье духа — слаб Твой дух.

Тогда прости, что это Икс глотнул я

И утвержденных прав Твоей земли

Не отдал в жертву дуновенью...

ДИТРИХ.

Горе!

ПРАВИТЕЛЬ.

Я был ли призван? Были ведь пророки!
А я лишь был Правитель над законом—
Не больше, и не меньше!

ДИТРИХ.

О, засохни!

И возродись для дел! Ты виноват!
То Икс ты угасил. А мой закон,
Исполнив все, что было исполнимо,
В живом дыхании ты не растворил,
Но засушил его и сделал мертвым.
Я—царь времен! И я пошлю потоп!
Вновь разложу я ком земли на хаос,
Освобожу зверье. Но кто осушит
Сей кубок пламенный, на том мой знак...

(Падает назад).

ПРАВИТЕЛЬ.

Мой грех? Безумье! Бог вещал? Он дрыхнет!
Как? Это Икс должно судьбою стать?
Я отразил себя? Я обезьяна?
Итти ли мне за ним, за этим Икс?
За Икс? И что столетия создали,
То отодвинуть? Икс? Мираж воздушный!
Иль может быть мираж? Итти ль во след?
Закон есть, все же форма. Икс есть хаос.

(Он вскакивает, схватывает Ирину. Слуги, повара накрывают на стол).

На эту женщину взгляни! Чем плохо?
Не я ль взрастил игристую Венеру?
Я жемчуг ей ловил в морях индийских,

Я дал поэтов ей, войну, забавы,
И долгий день в потливом безразличьи,
Чтоб вечером в театре ей блистать!
Она — звук арфы в пробужденных душах,
Свет серебристый, вслед за ярким днем.
Она ль не человек? Не Икс? Что ж больше?
Игрунку шелковистую я сделал
Из злой гориллы! Орхидею! Нимфу!
Да, фея! Сказка! Ведьма! Но прекрасна!
И прежде чем считаться с Икс и с бредом
И жезл правления передать шуту,
Тебя я повалил бы на ковер
И сам зачал бы от себя детей!

(Ирина вырывается. Правитель следует за ней на галерею).

Эй, главный повар! Жив еще порядок...
Сенат идет. Кто крикнул? Это Шлейх?

(Слуги уходят. Является Гиацинта).

Шлейх каркает фальшиво?

(К Гиацинте).

Ты откуда?

Вся в паутине? Затхлый дух? Откуда?

ГИАЦИНТА.

Из места пыток. Возврати мне бога.

ПРАВИТЕЛЬ

(поднимает стол).

Лишь заикнись о нем, и брачный стол
Вам станет гробом... Я шучу! Идемте ж!
Сегодня ж свадьба. Девочки! Шучу я!
Он — бог? Бывало, принц да принц. А нынче

Уж нужен бог! Вы! Вы! Когда отец ваш
Сам пожелает вздынуть глыбу мрака,
Тогда... спаси, о боже, добродетель!..
Атлантика, пенясь от зимней бури
Как адский зев, покажется вам слабой!
Молчать! Молчать!.. Садитесь на колени!

ГИАЦИНТА.

Фу, твой язык!

ПРАВИТЕЛЬ.

Да это борода!

Вы слышите под Площадью ворчанье?
Прочь! Мягонькие свадебные твари!
Должно ли явным стать, что было тайно,
Прикрыто обывательскою шубой?
У всех внутри имеется подвал,
Где тот живет, кто знает их без маски.
Но ангел запечатал те подвалы
На сотий лет. Пришел ли ныне срок?
Иль ящеры всплывут? Опять всплывут?
Кому же жить, коль этот панцырь лопнет?
Кому спастись, коль сладость этой тайны,
Что прямодушьем вкус дает, головку
В открытый свет просунет, как змея
К лягушке, мух хватающей и мнящей
Себя одну творцом дождя и ведра?
Как жутко град молчит!

ИРИНА.

Поют фонтаны!

ПРАВИТЕЛЬ.

Все будет хорошо! То был лишь сон!
Да, сон! Чудно кивает воздух.

Да, сон! Кивает! Это — Икс! Не всякий
Как жители Юпитера воздушен!
Хоть и вскипел обычно вязкий сон,
Я на законы лени уповаю!
Сказать хочу вам свадебную речь!
(Встает).

Земля вертится, повертится вечно,
Хоть справа на нее смотри, хоть слева.
И всякий мозг, как ни гляди он вдаль,
Тот бег увидит так же, как и мы.
Так Аменофис в голубые ночи
Пил, как и я, во славу солнц своих.
Так пейте ж, пейте! В наслажденьи — вечность!

(С бокалом).

Смотрите вы на пузыри на дне!
Как все хотят пробиться на поверхность.
А чуть пробились — лопаются вмиг.
Один стремится перегнуть другого.
Вам ясен смысл? Подумать даже страшно!
Ведь шарики, пустые шарики!
Освободи пузырь, он станет Икс!
Что скрыто в нас, к чему оно вернет нас?
Однако где ж мой спич? Давайте выпьем.
Как фосфор светит Площадь? Слышно что-то?

(Прислушивается).

Как трубный глас!

(Вдруг).

Кто отпустил тебя?

(Глядит на Площадь, затем).

Пропойте песню о вине и счастье...
Как я спою, держа бокал у рта,

Когда я тихо с жизненных мостков
Скользну во мрак, с напевом на устах,
И погружусь во влажную стихию.
(Он поет. — Внезапно поднимается и бросается вон. Ирина
глядит ему вслед).

ИРИНА.

Увядший листик падает с трельяжа,
И розы с дрожью смотрят вслед ему.

ГИАЦИНТА.

Бежит ли он к нему?

ИРИНА.

В тюрьму?

ГИАЦИНТА.

Бежит?

(Обе бегут за ним по лестнице. Перед Дитрихом).

ОБЕ.

Кто спит здесь на ступенях?

ИРИНА.

Мимо! Мимо!

ГИАЦИНТА.

Я не могу раздвинуться как циркуль!

ИРИНА.

Дай руку! Слон и тот поуже будет.

(Шагает через Дитриха).

ДИТРИХ

(просыпается под Ириной и хватает ее ноги).
Небесный свод! Две ножки как колонны.
Но кулаков не разожму я прежде,

Чем сладким жаром балдахин меня
Испепелит. Иль предо мной захлопнут
Ответ сердечный нежные колени?

ИРИНА.

Я разрываюсь!

ГИАЦИНТА.

Ну, так защищайся!

ДИТРИХ.

Две косточки? Вперед же! Снова в путь!
О радость пробужденья! Снова в путь!

(Вскакивает).

Да прелесть — это ты; а лилия —
Лишь воплощенный взгляд твой и дыханье
(Он видит Гиацинту и отпускает Ирину).

ИРИНА.

Чтоб не делить тебя мне с Гиацинтой,
Я завяжу глаза твои платком.

(Делает это).

ДИТРИХ.

Скажи, кто ты? Мутнеет кровь моя!
Как в черном озере всплывает ил,
Весь позлащен под взглядами твоими.
Зачем хотел влечение к тебе
Стряхнуть с себя, чтоб радостью ведомый
Я нынче же тысячелетье духа
Освободил из тучи и терпенье
Отбросил как бесцветную личину?
Коль медленность была лишь отговоркой,

Лишь трусостью, тогда возьми меня!
На черных крыльях случая промчусь
Как хаос сквозь действительность гнилую,
Покуда „Завтра“, мне молясь как богу,
Сраженное падет к моим ногам,
И кончатся измены проволочек.

(Вдруг к Ирине).

Я волосы твои схвачу как вожжи...
Эй, прочь! Но! Но!..

(Оба убегают. Гиацинта падает).

ГИАЦИНТА.

Порви платок, порви.

26-ая сцена.

СЕНАТОРЫ

(на галерее со слугами, несущими свечи).

Ответственность с нас падает.

(Уходят).

ШЛЕЙХ.

На мне

Пусть будет!

(К слугам).

Промокашку!

(Они ее приносят).

Полномочье!

Мощь полная? Пустая? Полная!!

Сената нет. Торчат лишь спинки стульев

Над битвой! Мозгоцарь, столы сдвигаю,

Трубит победу! О войне ни слова!

Молчать! Переживание наго; прямо

Назад в дыру. Валкирья? Произвол!

Закон? Сметен! Мне лишь начало, почки!
Ставь лестницу высоко к „Я“. Эй, Шлейх!
Сперва Толстой, а там Иоанн, там Христлиб.
У матери в хайле святое имя
Имело смысл! Помстилось что-то ей:

(Перед Гиацинтой).

Десяток женских пальцев? Душка? Плачешь?

ГИАЦИНТА

(вскакивает).

Шлейх! Можешь ли убить ты человека,
Чтоб для меня твой фрак сверкал как латы
И два хвоста казались бы крылами?
Дрожишь ты? Ты смешон, герой в цилиндре!
(Бросается во дворец).

ШЛЕЙХ

(зажигает папиросу).

Ахилл! Георгий! Бальдр! Благодарю вас!
(Садится на бога войны).

Любовь лишь ил! Не грунт под якорь власти!
Здесь монумент мой.

(Кланяется).

С богом, бог из камня!

(Один на бже войны).

Клич станет общим: „О войне ни слова!“
Ты гений! Шлейх! Ты гений без сомненья!
Жесток, тяжел, но сказочно велик,
Лизать мне руки будут благодарно
За то, что дал я форму их мечте!
Я — радость их ночей! Их бог! Их Шлейх!

„Шлейх“ в их устах звучит, как в наших „Цезарь“!
Привет, о ночь! У мира есть свой гений!
Мозгогоршок течет! Бой! Трупокаша!
Прошелкнул месяц!

(Над площадью протяжный крик Трусливого Сына. Шлейх бросается в объятия бога войны).

27-ая сцена.

Сенаторы со Старцем в окнах и на лестнице.

СЕНАТОРЫ.

Вой в кишках земли?

СТАРЕЦ.

Идет Правитель? И с трубой в руках?

28-ая сцена.

ПРАВИТЕЛЬ

(вносит вверх Трусливого Сына).

Каким платком заткнуть мне этот кратер?

Вперед, крикун! Покуда носят ноги!

Бегу с тобой! Авось нас гром сразит!

(Сенаторы, Старец преграждают вход в ворота).

Иль пасть мне ниц?

СЕНАТОРЫ.

О, государь!

ПРАВИТЕЛЬ.

С дороги!

(Они борются из-за Трусливого; он убегает в город).

ПРАВИТЕЛЬ.

Ломается броня?

СТАРЕЦ

(насмешливо).

Без войн! Без войн!

ПРАВИТЕЛЬ.

Во мне и вокруг меня — одни гримасы,

Что компас духа моего колеблют!

Дать шапки - невидимки! Иль земля

Вместить не может два аршина мяса?

Так притворюсь я мертвым! Мертвым, да!

(Он падает).

29-ая сцена.

Один из Сенаторов с Гиацинтой.

СЕНАТОР.

Граф Гутундблут в падучей, в пляске Вита.

Пред ним склоняюсь в занятьи странном, шлет

Меня Бианка: требует с Сената

Он знамя черное...

ГИАЦИНТА.

Отец!

СЕНАТОР.

Он бредит?

ГИАЦИНТА.

Отец упал! Отец! Отец!

СТАРЕЦ

(подле него).

Он умер!

Наверх, вверх, вверх! О, господа!

Из слабых пальцев ускользнула власть,
Как от дождя намокшие бразды!

ГИАЦИНТА

(к Сенату).

Мою вину возможно ль искупить?

30-ая сцена.

ИРИНА

(с огненной лилией в волосах).

Горю ли я?

ГИАЦИНТА.

Вон из волос! Проснись!

(Она вынимает из ее волос лилию и топчет ее).

Отец наш мертв!

ИРИНА.

Мертв?

ГИАЦИНТА.

Мертв!

ИРИНА.

Не слышно эха!

(С уничтоженной лилией).

Кто это сделал? Кто мне это сделал?

(падает в обморок).

СТАРЕЦ.

Вот шелопаи! В ловушку тянет сало!
Лишь только б смерть счел за победу он...

В часовню, в склеп! Скорей похоронить!

(Правителя уносят).

Задуйте свет! Я принимаю власть!

31-ая сцена.

ДИТРИХ

(С Ирининым платком).

Здесь на батисте вышито „Ирина“?
Закрылся месяц. Стоптан мой цветок?
Цветок измят? Растерзан мой цветок?

(Ирина обнимает его).

Вчерашнее гнездо седых теней
Висит желтея как листва пред роем
До меда падких пчел!

(Он целует ее).

СТАРЕЦ.

Эй, света!

СЕНАТОРЫ.

Света!

(Зажигают свет).

СТАРЕЦ

(выступает вперед).

Могу ль я парочке светить?

ДИТРИХ.

Извольте!

(К Ирине).

Зачем дрожишь, пугливо озираясь?
То костяки с любезнейшим оскалом!

(Он убегает от них на лестницу).

Влюбитесь вы! Потоп еще вначале.
Лишь любящий его переживет...
Конечно, если в силах вы еще
Натягивать штаны как вздутый парус!

Ты обречен!

СТАРЕЦ.

ДИТРИХ

(шаловливо с Ириной).

Взгляни на эти ножки,
Что, вес презрев, едва щекочут пол,
Дразня его, когда привлечь их хочет.

(К Сенаторам).

Что тянетесь вы к пару наших тел?
Иль должен он язык вам увлажнить,
Чтоб стал он влажен и точил слова,
Так влажен, чтоб, омачивая губы,
Он заставлял дрожать все нервы жизни
Как этот образ?

(Он снова целует Ирину).

СТАРЕЦ.

Я рехнусь! Довольно!

ДИТРИХ.

Меня поймать хотите? Станьте в круг,
Как западни вокруг двух птенцов на вишне!

СТАРЕЦ.

Вниз!

(Дитрих смеется).

Осужден ты!

ДИТРИХ.

Господа, за что?
Кто нужен вам, тот умер семикратно.

Зажгите фонари, погоню шлите...
Когда уста мои огонь метали,
Владели ими только ночь и ужас.

СТАРЕЦ

(почуяв что-то).

Как? Что? Скажи еще...

СЕНАТОРЫ.

Глава восстанья!

ДИТРИХ.

Глава восстанья! Значит, тело — солнце!
Весы возьмите и пошлите братьям,
Я, ведь, здоров. Но сердце, пропитавшись
Нездешней силой, рвется к знаку Девы.
И вот что мне поведали Весы:
Что между Львом и Близнецами — Рак.
Но я могу путем созвездья Девы
Весь зодиак у вас из сердца вырвать.
Об этом позже! А пока скажите,
Что я клялся покрыть живыми трупы
В надежде, что возникнет человек!
Теперь же, вдруг, растаяли лавины,
Но лишь в душе моей... Скажите это.

СТАРЕЦ.

Одно мне ясно: бунт он отрицает!

ДИТРИХ

(перед идолом Площади).

Коль раз склонился я пред сим кумиром,
Развею ныне силу черных чар,

Я между пальцев их продую! Прах!
Зовите братьев! Всех-сюда! Пусть видят:
(К городу).

Косилка Рока в пустоту умчится,
Когда ее мы властью нагрузим...
(Он разбивает бога Площади).

Чума в нем копошится! Вздутость труп...
Теперь меж ног шмыгнуло...
(Показывается Шлейх).

ВСЕ.
Шлейх!

ДИТРИХ
(задорно).

Пророк!

„Грязь громоздя, грязня певца в смерть уст“.
Вот мы жонглируем часами... в роде
Златых мечей иль мыльных пузырьков.
Фу, Ларвы! Ларвы!

ИРИНА.
Дитрих!
ДИТРИХ.

О, Ирина!

(Он остается недвижим, точно пораженный призывом судьбы.
Погружаются друг другу в глаза).

СЕНАТОРЫ
(окружают их).

Что с ним?

СТАРЕЦ.
Столбняк?

СЕНАТОР.

В глаза друг другу пали?

СТАРЕЦ
(тихо).

Вот склеятся как мокрые улитки!

СЕНАТОР.

От бунта он отрекся!

СТАРЕЦ.

Он отрекся?

От красных страхов? Олух! Олух!

СЕНАТОР.

Олух!

СТАРЕЦ

(под радугою любви, которая сияет между сердцами Ирины
и Дитриха, все остальные согнувшись, тихо).

Идем! Идем! Но тихо и беззвучно!
Все изменилось! Гроб несите! Гроб!
Пусть здесь лежит погибший государь!
Сорвите в залах пурпур торжества!
Стол для суда, Светильник вечный! Живо!
Он бросил бунт. Нам нужен документ!
Коль он из глазок вынырнет пусть встретит
Действительность его во всеоружьи!
Пусть то, о чем он бредил в исступленьи
Скрепит печать, и имя, и закон!

(К Шлейху).

Дай полномочье...

ШЛЕЙХ.
Как?

СТАРЕЦ
(разрывая его).

Так!
ШЛЕЙХ.

Спазмы в горле!

СТАРЕЦ
(к Сенаторам).

Чтоб не осталось времени для мыслей,
Пускай весь город пьет, пусть будут пьяны!
Проснется он, пусть будут танцы, танцы
И оргии во всяком кабаке!
И фейерверк! Пусть вздрогнет молодежь
При виде нас, как в Индии зверье,
Чуть лютый тигр появится в бамбуке.
Бордели настежь! Стадо женщин выгнать
На улицы. Эй, олухи, идите!

(К городу).

Я в случке вас как глухарей прихлопну!

ШЛЕЙХ
(выходя навстречу).

Война?

Война!
СТАРЕЦ.

ШЛЕЙХ.
Войн нет!

СТАРЕЦ.
Есть!

ШЛЕЙХ.

Спазмы в горле!

СТАРЕЦ

(к Дитриху).

Использованный, ты исчезнешь.

(К Сенаторам).

Ясно?

Лишь не прослыл бы „Дитрихом Святым“!

(Останавливается).

Га! Гутундблут просил ведь знамя смерти!

(Видит воспламененную Гиацинту).

Снеси ему! То долг, а не убийство!

ГИАЦИНТА

(с торжеством).

Ирина! Ах!

(уходит).

СТАРЕЦ.

Потеха, право! Бунт без головы!

(Отходит с Сенаторами. Слуги все готовят).

СЕНАТОР

(сдержанный, полный страха, в смятении).

Без головы! Кусай, кусай, безглавый!

(Старец и Сенаторы шмыгают со сцены).

ШЛЕЙХ.

Мне вскрывши кровобрюхо? Шлейх исчерпан?

Один? И точка? Стерт резинкой? Стерт?

(К городу).

Глядит мне бунт безглавый сквозь решетку?

32-я сцена.

Люди приносят гроб.

ШЛЕЙХ.

Вот здесь кладут его?

(Люди уходят).

Твой корм, зверек!

Сюда. Ты ищешь голову на темя?

Что? Музыка? Дозволено тебе

Весельице? Ты можешь дуть на хаос?

Дыханьем слуть ходули человечка?

Взвыл город, чуя радость, потопену!

Блуждают трубы сквозь блужданье звезд!

Башку на голый нерв? Глянь русский душа!

Щип, тельце! Зверь! Меняй башку! Он! Я!

Поверят ли? Сюртук? На брюках складка?

Долой цилиндр! Давай венец терновый —

Пусть борода растет — и власяницу!

Не „*Quelques fleurs*“, а пепел на пробор!

Таким я привинчусь к тебе, зверек!

Один ли я? А окна черные?

Эй, Шлейх? Один ли ты? С твоею злобой?

Один со злобою твоей? О братья!

(Бросается в город).

СТАРЕЦ

(с Сенаторами).

Готово ли? И глобус наш?

СЕНАТОРЫ.

И глобус!

СТАРЕЦ.

Вы встретьте поскорей вождей солдатских?

А вы — в Сенат. Давайте документ...

(Видит Дитриха).

Мы головы Медуз срезать привыкли,

Как режут кур! Я крови не боюсь.

(Сенаторы входят).

Мы пожжем в то время бутерброд!

Цилиндр Шлейха! Трубка страха! Кляк!

СЕНАТОР.

Вожди солдат сейчас явились оба

В дом Ратуши...

СТАРЕЦ.

Так разбужу его.

(Трясет Дитриха).

Клянись же богом...

ДИТРИХ.

Бог? Кто крикнул: бог?

(Смеется).

Вы. А вина довольно ль есть, чтоб выпить

С творцом. Коль так, его зовите вниз...

Пусть всех архиархангелов зовет.

Авось хмельной я разболтаю тайну,

Как из дерма свой образ создал он...

СТАРЕЦ.

Сперва клянись...

ДИТРИХ
(вскакивает).

Прочь, шутовской кафтан!

(Они следуют за ним. Ирина, танцуя, освобождается от оцепенения).

Пью в честь твою! Возлюбленная Мать!
Ты — где-то здесь во мне, и в этих звездах!
Ты в сердце братьям здравницу заронишь!
И скажешь им, что я не медлю, скажешь,
Что ради них я ливни юной страсти
На всех устах земли твоей собираю!

ИРИНА.
Как в дреме сердце пляшет сквозь миры!

ДИТРИХ.
Бьет в этих ножках музыка и жизнь!
Гармонии в уста вы кляп вложили!
Танцуем мы! Пускай звенят стаканы!
Покуда розы пахнут, кубки — наши,
Как этот час!

(Он удаляется, танцуя, с Ириной. Все следуют за ними).

СТАРЕЦ.
Эй! Музыка, литавры!
(Музыка отчаяния).

Занавес.

П Д Е Й С Т В И Е

1-ая сцена.

Нестройная музыка. Занавес над галлереей закрыт.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(со стражей по лестнице к галлерее).

Трубач!

(Сигнал).

2-ая сцена.

СЕНАТОРЫ.
Как, вы? Из Ратуши? Наш вождь?

3-ая сцена.

СТАРЕЦ.
Мой победитель! Но один?

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Здесь рапорт?

СТАРЕЦ.
Сперва прочтите этот документ...

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Я уж читал.

(Голос Дитриха).
Лепечет?

СТАРЕЦ.
Пьяный Эрос!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Лавины крови! — Да, теперь как-будто
Игра идет об аде или небе...

СТАРЕЦ.
Дуэт лобзаний — убедитесь сами!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Когда бы вправду подписал мальчишка,
То не было б обманом, подписал он —
Вернулся бы заблудший мой товарищ
К закону, Площади и вам!

СТАРЕЦ.
А где он?

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Он в Ратуше...

СТАРЕЦ
(Сенаторам).
Он должен быть при этом.

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.
Он клялся: сдвинется скорее солнце,
Чем сердцу Матери изменит Сын!

СТАРЕЦ.

Изменит! Все в Сенат! Его от мяса
Невесты оторвав, к вам приведу!

(Сенаторы с предводителями солдат, стража — уходят).

Пустить ракеты! Эй, трубач, труби!

(Сигнал).

Пока здесь треск и грохот, голубь Ноя
Найти не сможет масляничной ветви.

(Уходит).

4-ая сцена.

Трусливый Сын бежит во дворец.

5-ая сцена.

ШЛЕЙХ

(с друзьями из города).

Туда он! Занавес дрожит! Бегите!

(Друзья уходят).

Его мятеж казенный травит к брату?

Его пятопреследуют миллионы?

Кипя от мести? На меня косясь?

6-ая сцена.

Друзья возвращаются.

ШЛЕЙХ

Придуло вас назад? Смысл! Скрыт! Ко мне!

7-ая сцена.

ДИТРИХ

(на лестнице за него цепляется Трусливый Сын).

Свобода дикая души прозревшей
Не хочет путаницы! Коренится
Она в законе солнца как былинка.
Себя обрел я! Ни на чей амвон
Я не взойду и пьян от славы, чувство
Кормить пурпурным облаком не буду!
Иль часа плод я должен снять поспешно,
Чтоб тотчас по ветру обильный сев,
Как ревностный слуга, туда, сюда развеять?
За блеск грядущей жатвы где порука?
Лишь мощь избытка прочная возносит
Жизнь всякую на высоту закона!
Пускай она во мне сперва созреет!
Прочь!

(Он отталкивает от себя Трусливого Сына вниз по лестнице).

Сам хочу я лучше быть огнем,
Чем расточать огонь в речах. Я образ
Провиденных людей в себе очищу,
И раз отлитый будет, неизменный,
Торжествовать над произволом он!

(Дитрих уходит во дворец, Трусливый Сын следует за ним).

ШЛЕЙХ.

Признание мы слышали! Благородство!
Назад к закону? Произволоборец?
Насилье вновь? Болтушка! Зрелость? Чую...
Полупоэт языкоблудно грезит:
Народный вождь! Виляет перед прессой!

Трон будет петлей! Мы оркестр кабацкий:
Глава восстания! Не счет — лакей — расчет.
Растлен, раздавлен глупоух народа!
Нам скептикам — очищенное чувство!

8-ая сцена.

Трусливый Сын проходит мимо.

ШЛЕЙХ.

Грядущего бирюч! Почтенье! Крик
Богатых горем нищих! Брат нам братьям!

(Трусливый Сын уходит).

Тащить его в кафе! Намастить там!
Ура плаксивомордым! Достоевский!
Маните девок мне, сомнамбул, крыс, —
Созвездье Шлейха. Луны произвола.
Все на колени!

(Они опускаются на колени).

Власть! Душеубийца!
Растают нравы „Завтра“ — „Завтра“ прочь,
С ним Аполлона златокудрого!
Подняться! Вон! За дело! Ночь на плечи!

(Он видит Гиацинту, шатается).

Скопцом бы стать! Преграды ставит самка!

(К друзьям).

Мир делим вновь! Ни слова! Дух! Зарница!
Кафе Котурн — пункт сбора! Я за вами!

(Друзья уходят).

9-ая сцена.

Гиацинта, Граф Гутундблут, Биянка.

ГИАЦИНТА.

Вооружитесь! Жив он слишком долго!

ШЛЕЙХ.

На мозг как на биде садится! Грозный
Внедряя план. Пустеет ум! Безумно!

ГИАЦИНТА.

Ах, Дитрих, Немезидой быть твоей!

(К Биянке).

Нас Старец ждет! Так поспешите! Шлейх?

(Бежит, Шлейх следует).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Одно бесспорно: дама недурна!

(Узнает Биянку).

Мне было странное виденье! Биянка!

БИЯНКА.

Меня узнал? Со взгляда жар слетает?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(обнимает Биянку).

Что чувствуешь?

БИЯНКА.

Как-будто распадаюсь!

Георг, поверь мне, это божья воля,
Что ты Георгом был крещен, я — Биянкой.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

О, женщина!

(Внезапно убегает. Биянка следует с вооружением).

ПРАВИТЕЛЬ

(высовывает голову из гроба).

Как я ложитесь в гроб,
Тогда вам сферы кое-что шепнут,

10-ая сцена.

ШЛЕЙХ

(за Гиацинтой).

Мне эта неприступность не конфета!

ГИАЦИНТА

(в замешательстве).

Ты идеал украсть у мира хочешь,
И сокрушить больших героев сцену.
А перед ней мы набожно сидели,
Когда там мужи гордые при блеске
Луны нам пламенную речь держали.

ШЛЕЙХ.

Одни слова ты не целуй во рту,
Для моего он языка услада.

ГИАЦИНТА.

Ах, нас из ада нашего возносят
Очарованья крылья белые...

ШЛЕЙХ

(срывает с нее подвязку).

Повяжешь лоб мне этой диадемой.
Так сказочно во фраке прислонясь

К обоям спальни розовым, я буду
Привета ждать, как ждал Великий Карл
Его у Городских ворот. Шлейх больше Карла!
А грудка, сладко, как желе дрожит!
Есть молоко? Ну, женка, расстегнись;
Иду и выжать помогу, мадонна!

ГИАЦИНТА
(у гроба).

Прочь, заклинаю отчим прахом, прочь!

ШЛЕЙХ.
Не поднимай ноги с таким соблазном!

ГИАЦИНТА.
Я вас всего теперь лишь вижу, Шлейх.

ШЛЕЙХ.
Я ж часто в скважину замочную
Видал тебя, все тайны туалета,
Что ароматом наполняют спальню!

ГИАЦИНТА.
Ты лжешь!

ШЛЕЙХ.
Нагой, с распущенной косой!

ГИАЦИНТА.
Шиньон мне более к лицу!

ШЛЕЙХ.
Мышенек!

(Обнимает ее. Правитель шевелится в гробу, Шлейх отшатывается в испуге).

Тут привиденья? На венки взгляни.
Как челн у берега заколыхались!

ГИАЦИНТА.

Так ваша дерзость возмутила их.

ШЛЕЙХ.

Ко мне в кровать придешь сегодня!

ГИАЦИНТА.

Нет!

ШЛЕЙХ
(побелев).

Ты любишь Дитриха?

ГИАЦИНТА.

Нет! Ненавижу!

ШЛЕЙХ.

Ты любишь!

ГИАЦИНТА.

Ненавижу! Ненавижу!
(Убегает).

ШЛЕЙХ.

Как, ненависть? Надежда, значит? Шлейх,
Гневогортань должна запеть, понятно!
Влюбленного, меня, ждет буря счастья?
Меня, меня! Родил слезы я капли?
(Он лижет землю, бросается вслед).

11-ая сцена.

Старец с Ириной, пажами, женщинами на галлерее.

СТАРЕЦ.

Углы все обыскать! Не убежал он?!
(Показывая на Ирину).

Как фея Дитриха бледна, как ждет!
Прислужницы, черед работы вашей
Пришел, ее вы на ночь причешите.
Хотел бы силы обновить я, чтобы
С тобой пойти. Ищите негодяя!
(Уходит с пажами).

ИРИНА

(знаком удаляет женщин. Женщины уходят).
Зачем бежал он из моих объятий?
А губы бледные шептали „Мать“?
Кто мать, мое ворующая счастье?
Он! Шаг его! Его дыханье, голос!
(Она скрывается на лестнице).

12-ая сцена.

ДИТРИХ

(держа в руке глобус, защищает Гиацинту от Шлейха).
Груб с женщиной?

ШЛЕЙХ.

Пардон...

ГИАЦИНТА

(в отдалении от Шлейха, Дитриху).

Спасибо!

Земля в руке! Бессмертная картина!
Сама великого я часа жду,
Когда вы Времени — как Лютер в Вормсе —
Сказал бы ты:

(Внезапно приманивая).

„Бог помоги, могу“.

(Рассмеявшись уходит).

ШЛЕЙХ.

Мой ангелочек! Русский... антирусый!

(В неистовстве следует за Гиацинтой).

ДИТРИХ

(смотрит вслед Гиацинте).

Игре случайной чувств во власть я отдан?
Манит огонь болотный? Это — он?
И должен, ха — как Лютер, что же, что же?
Укроюсь в чувство, чтоб не пошатнуться...

(Видит стоящий на возвышении гроб).

Что гнило, упадет, созрев к паденью.
Могильщик иль палач найти не могут
Новь. Тот, кого убить хотел я, мертв?
Привет мой первый! Призрак был ты! Призрак!
Ты бремя мог нести негодных клеток,
Что жили уж в тебе века веков
И вот еще воздвигли пирамиду
Для мумии, не для живого сердца.
Зато ты голову носил так гордо,
Хоть бы с рожденья — труп! И все ж с тех пор
Как от тебя освободился я
И от закона, — все ж зияет всюду
Обширное болото произвола!
Здесь почва подо мной была! Под игом
Твоим я спал, вставал, повиновался,
Сомненья ж все нес за меня твой горб!
Когда твой воз тащил я тупоумно,
Закон был целью! Путь же — исполнение!
А ныне путь пьянит; я сам туманом
Цель заволок; бреду тропинкой узкой!

Огни блуждающие пляшут, манят,
И одиночества холодный призрак
На грудь мне давит! Ускоряю бег,
Но призраки бегут со мной! И воля,
Едва родясь, к своей стремится сфере!
О, милый шар, когда б я мог как ты
Нести в себе без дум законы пляски.
Из центра в стороны все разрастаясь,
Пока создастся свод и каждый вздох
Коснется духа, в чьих струях летим мы!
Твой хоровод направлен тайной силой, —
Он не порвет орбиты прочих солнц.
Где полюс мой? Зовется он Ириной?
Любовь Ирины тоже принесли
Мне крылья случая? Катись, лети к ней,
Спроси ее...

(Он катит от себя глобус, замечает Ирину).

ИРИНА

(ловит глобус).

Сжав так, я убиваю
Все, что в тебе еще сомнений есть!
Любовь случайна наша? Так не стоит
Ни перед чем склоняться, что мы чтим.
Катись к нему и это передай.

ДИТРИХ

(ловит глобус).

Соблазн, соблазн!

ИРИНА.

К свободнейшему счастью!
Как звери, тучи, мошки и цветы

Пусть будем мы в творце! Не сомневаясь!
Когда в Творце — в любви мы! Мы одно!
Мы — человек, и бог, и мир, и радость!

ДИТРИХ.

Пусть обратят касанья мудрых пальцев
Тебя в грозу волшебную любви!
И вместо твердых гор слоновой кожи ...

ИРИНА

(ловит его).

Веселья крылышки! Лети!

(Она катит шар обратно).

ДИТРИХ.

Лети!

ИРИНА.

Легко, светло резвясь в дыханьи рока
Как ласточка, пленяя в летнем ветре!..

(Дитрих ловит шар, катит его обратно).

ИРИНА

(ловит шар).

Меня, иль шар земной?

ДИТРИХ.

Тебя!

13-ая сцена.

Старец ловит глобус. Предводитель солдат, Сенаторы — сзади
Дитриха и Ирины.

ДИТРИХ

(поднимает взор. Ирина скрывается).

В покоях ваших и архивах, князь,
Я обнаруживал за чудом чудо, —

Как-будто бы на чердаке под крышей,
Где детства нашего игрушки в плесени
Валяются.

СТАРЕЦ.

Лишь шар земной, пожалуй,
Как мяч летает к детям от детей,
И каждый ищет новой в нем забавы.

ДИТРИХ.

Вы не гоняете ль как шар бильярдный
Его от адских снов одних к другим?
Когда впервые взял я глобус в руки, —
Из клякс цветных, в которые вы сжали
Народы, страны, дух мой устремился,
Как из тюремных камер, ввысь...

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Фантаст!

ДИТРИХ.

Да, фантастично, что все континенты
В огромный том сознательных обманов
Геройства вносят вечно и что спор
Всех красок меж собой историей зовется!
Зачем из вас всех, семикратно мудрых,
Не говорил никто о круге том,
Что руку мне пьянит, когда она
Ощупывая, вертит синий свод?
О встречном ветре и стенах китайских?
Египта треугольнике? Соборах
Мистических, и острых минаретах?
Зачем? Все это словно иглы колет

Мне руку, лишь продумаю я все.
Что округлило шар? Конечно, радость
Смеясь носится в мировом восторге!
Не это ли ровняло, шлифовало
Как рокот воль заостренный гранит?
Вы были призмой, что огонь любви
На черный, красный, синий цвет разбила, —
И нет границ сомненью! Вот, смотрите:
Живившую нас огненную влагу
Я выливаю! Землю оближи!
Теперь она подобна деве светлой,
Что чувствует на теле мощь любви.

ИРИНА.

Дитрих!

ДИТРИХ.

Ирина!

(Он бежит к ней).

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(следует за ним и хватает его).

К нам сперва, обманщик!

СТАРЕЦ

(чуя что-то новое).

Другое — лакомство для умных деток!

(Он бросает вслед цветы).

Пусть факел Эроса, в крови горящий,
Сперва на пользу общую послужит.

(Ирину уводит).

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(насмешливо Дитриху).

Любовь сидит в твоих кишках! Наверх!

ДИТРИХ.

Все ваши идолы, что заставляют
Вас словословить смерть, низвергну я,
И выстрою живому богу храм,
В котором оскверненный акт зачатья,
Исторгнутый из мерзкой тьмы постели,
Божественным творенья гимном станет!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

В Сенат!

(Предводители Солдат, Сенаторы, Дитрих, Ирина, женщины уходят
в разных направлениях).

СТАРЕЦ.

Возьмите глобус! Шум умолкни!
(Музыка стихает).

Пусть кровь зальет тебя, чтоб островка
Для твоего безумства не осталось!
Мальчишка свел меня совсем с ума!
Вы смыть хотите небо власти нашей?
Его лазурью вновь покрою! Крест!
(Слуги убегают).

Свободу павиану дать? Мальчишка!
Пусть будет скрыт в поту ночных простынь!
Пусть бред его всегда пугает смертью!
(Следует, видит гроб).

Побольше крест! Хочу, чтоб истекало
Безмерно кровью молодое тело!
Святых вновь вызолочу, и повешу
Ряд вечных ламп так высоко, что олух
На ципочках их снова не погасит.

Едва костями шевельну я, хоры
Столеть антифон поют, аминь!

(Приносят крест).

Пока дышу, гвоздей не вынут этих!

(Слуги уходят).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(в вооружении, с Гиацинтой, защищаясь от Шлейха и Биянки).

Была б щитом рука!

БИЯНКА.

Мой мальчик!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Ведьма!

БИЯНКА.

А ведь уж были как жена и муж!

(Падает).

ШЛЕЙХ

(хватает Гиацинту).

Не расцветет мне слизецвет любви?

СТАРЕЦ

(подходит).

Шлейх! Шлейх!

ШЛЕЙХ

(отступает смущенный).

Monsieur?

СТАРЕЦ

(графу Гутундблуту и Гиацинте).

В капеллу поскорей.

На нужное убийство разрешение.

(Оба уходят).

ШЛЕЙХ

(устремляется вслед за Гиацинтой, Старец его удерживает).

СТАРЕЦ.

И ты любовью бредишь?

(Смеется).

Брут, и ты!

(Уходит в капеллу).

ШЛЕЙХ.

Любовью? Женщиной? Женой!

БИЯНКА

(подымается).

Я не хочу остаться старой девой,
За годом в год рыдать в листве осенней,
Лишь в яблоке я хмель плода почую.
Пока в прилет дятучей мыши серой
Злой сумрак. ах, меня не поглотил,
Все ужасы насмешки претерплю я.

(Устремляется за графом Гутундблутом).

ШЛЕЙХ

(один).

Хотя б нора крота! Раздвинься, тело.
Не выбраться из этого угла?
Должна то Гиацинта быть? Зачем?
Коль надо крыть, мелькают сотни ножек,
Уродливо лицо — платок набросить.
Баласт же этот прочь, чтоб наконец
Поднялся шар к могуществу, к себе!

БИЯНКА

(возвращается растрепанная).

Как девочка! И ног скрестить не смей,
Взор потупляй в колени, что томятся?

Все выдумки тиранов, сластолюбцев,
Что нашей мукой тешатся, когда
С луною нашей скромности мы гибнем!
Не так гладка я как она страшна?
Иль носом я колю его целую?
Нет, холодна моя слюна тебе!

(Она видит Правителя в гробу, бросается к нему).

Ты это все с моею плотью сделал!
В служанку засушил! На новый год
Подаренное шелковое платье
Уймет ли кровь? Я выдеру тебе
Все волосы! А нос-то — карта неба!
Угри, прыщи везде, бог помоги!
Я бормочу молитвы, — а в тебе
Бургундское и в трупе все бушует
Как в бурю море красное! Служить?
Что? Быть сиделкой? Помогать? Меня
Спасет все это? Обманулась я!
Щипать и рвать! Сожгу я каждый волос!

(Со свечей).

Я у кота, у пса видала это, —
У трупа посмотрю! Хочу потрогать!

(В ужасе).

Как в термосе осталось теплым тело?

(Она видит Шлейха, поспешно оборачивается, гасит свечу).

Любезнейший мой Шлейх, так злобен мир.

ШЛЕЙХ

(колеблясь).

Покойной ночи, фрейлейн!

БИЯНКА.

Вновь одна!

Под тяжестью мужской скрипит так ложе!
А мы на нем — покойно, словно гроб.
От помочей его еще пьяна я.
Сплетенье, раздвиганье, ах как молит
О пуговице каждая петля!

ШЛЕЙХ

(сзади Биянки).

Я вовсе не Иосиф, нет, гоп, гоп!
(Он толкает ее вверх по лестнице).
Костлявы полушария, ну что же!

БИЯНКА.

Дурного не подумайте, о Шлейх!
Нет! То не ночь, не лунный свет, о Шлейх?
Лишь раз любовь познать! Бог помоги мне!
Один раз вглубь!

ШЛЕЙХ.

Пусть будет так. Иди.

БИЯНКА.

Ах, знали б сердце вы мое, оно
Так чисто, ясно так!

ШЛЕЙХ.

Иди наверх!

БИЯНКА.

Я все хочу тебе сказать, как том
Трагедии жизнь холодная моя!
Вы первый человек, мужчина первый,
Меня коснувшийся и на меня

Бесстыдно как на женщину взглянувший.
Ты любишь, Христель, веришь в честь мою?
В мою невинность, верность и доверье?
Ах, буду я тебе верна как пес!
Скажи, любимый...

ШЛЕЙХ.

Марш, ложись в постель!

Свет погаси! Халат надену я, —
Не шевелись!

БИЯНКА.

Ты веришь в честь мою?

ШЛЕЙХ.

Ни слова лишнего. Марш, раздевайся!
(Он толкает Биянку во дворец. Оба уходят).

15-я сцена.

Старец с графом Гутундблутом и Гиацинтой из капеллы,
слуги ставят стол судбища.

Ты клятву Гутундблутам дал!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Я дал!

СТАРЕЦ.

Подпишет здесь! Затем ты уберешь
Его. Украл Ирину он! Ни слова!
Народ его святым назвал бы, если
Его низвергла б слишком шумно власть!
Осведомлена стража, в полночь Площадь

Очистим мы для вида! Смерть его
Заманит молодежь в ловушку; будет
Окружена кольцом нам верных войск.
Из глаза дайте вынуть эту мошку,
Потом вас всех передешу, паршивцы!

(Он прислушивается к звукам наверху).

Противится он? Флаг возьмите! Ждите!

(Спешит в Сенат).

ГИАЦИНТА

(к черному флагу).

О, флаг святой!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

О, флаг!

ГИАЦИНТА.

Раскрой его!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(исполняет это).

В поход крестовый Гутундблут Смиранный
Тебя носил! Ты — неба талисман!

ГИАЦИНТА.

О, ужасы минувшего!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

О, ужас!

ГИАЦИНТА.

Я два герба целую!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Мечь и Площадь!

(Целует, держа флаг).

Когда бы так всегда тебя держал я,
За нами шли бы овцы — не народ!
Не пота вонь из нищенских конур,
Не хохот шлюх на ужас идиотам —
Как прежде слуги верные, — (К городу). Казармы.
Позволили мы разрастись отребьям,
Они в дракона вспухнув, скалят зубы!

ГИАЦИНТА.

Сразил дракона Зигфрид!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Вынь мой меч!

ГИАЦИНТА

(исполняет это).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Ведь ваши предки прыгали по сучьям,
Когда мой сражались на турнирах!
Сжечь как письмо века? Когда не будет
Орла, тогда восстанет воробей?
Мы родились на высях. Те — в пыли!
Что там за ропот?

(Шум в зале заседаний).

Я клянусь!...

(Дитрих выходит из Сената, закрывает за собой занавес. Глубоко
взволнованный на лестнице).

ГИАЦИНТА

(хватает меч).

Глупец!

16-я сцена.

ДИТРИХ.

Кто человек — несет зверей проклятье!
 Но горе, если бог в крови проснулся!
 Где пламенная грань от неба землею
 Таинственно далеко отвела, —
 Там братья ждут мои! Высоко в зале
 С своими паладинами Былое;
 Блеск лысин, пышность, шпоры, жемчуга, —
 Как черепа в хранилищах музейных.
 И я средь них! Могу ль я грань стереть
 И землю с небом вновь соединить?
 Посланичество правда, а не дерзость,
 Что я в обширнейшем кругу природы
 Надеюсь это дело совершить!
 Разумный зверь, назвавшись человеком,
 Когтил тебе пантерояро грудь,
 И кровь, дымясь из раны, разделяла
 Сильнее всех материю и дух, —
 Я ль снова в сердце разрешу тот спор,
 В груди живущий? Что не в силах были
 Святые сделать, совершу я? Дитрих?!
 Где воздух о крестах кричит и в храмах
 Нирваны, где слияния огонь
 Погас? — Где горы невозможностей,
 Силогрозящие гроба столетий
 Толпятся между пульсом и виденьем?
 Меня здесь клетки каждой раздраженье
 Туда, — сюда толкают! Жар в крови!
 Лишь то, что я почувствовал однажды,
 Как все сердца в одно стремятся сердце, —

То чувство лишь сомненья отвращает.
 Лишь сила та, что миллионы сил
 Из тех же мук кровавых, как и я,
 Умершее преображая пламя,
 В едином теле творчески слила!
 Единства сердце то спасти из ночи,
 Для радостных селений всех блаженств...

17-я сцена.

Предводитель Солдат из города, запыхавшись, через Пло-
 щадь к лестнице; перед Дитрихом.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

То правда?

ДИТРИХ.

Ты за мной пришел?

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

То правда?

Ты Матери и праву изменяешь?

ДИТРИХ.

Что я Сенату обещал — измена?!
 Измена ль то? Измена? Знай, о муж,
 Дух проклял эту Площадь власти.
 Тот, кто строит здесь, не избежит проклятья
 И никуда людей не поведет...

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Так правда?

ДИТРИХ.

Слово Матери могу ль
 Я для „Вчера“ растратить? Вновь? И верить,

Что то „Вчера“ — „Сегодня“, ибо только
Сегодня у меня оно впервые?
Всегда пророки! Дело — никогда?
Коль отведу прилив восстания ярый
От Площади я подписью своей,
Затем, чтоб он не схулынул, чтобы здесь
Не стал он трупом как вверху те трупы!
Чтоб вы проснулись, горизонт как я
Сломали б наконец, и край родной
На радость вашим сердцем заселили!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ
(беззвучно).

Мы преданы за девушку! То правда!
Чтоб кровь поспешно Матери спасти
И мечеврно трон ее воздвигнуть,
Закона пурпур сбросил я, — пылая
Стоял уже вблизи творенья сердца!
Горячий сон рассеялся. Закон
Прости, что я, глупец, ему поверил!

(Он шатаясь направляется наверх в Сенат).

ДИТРИХ

(устремляется вслед за ним).

Для вас лишь подниму я!

(Наверху).

Лишь для вас!

Как-будто на тысячелетья позже
Я вижу Площадь! Я застыл как вы,
В бессильи снова прислонясь к закону.
Кто поручится, что не я под властью
Волшебных глаз „Вчера“, как некий воин —
Рассудка искру с сердца сдую, словно

Огонь с одежды! Кто же, кто, о небо?
Не терпит возражений, их бежит он,
Спешит из дрожи пробужденья снова
В сон, в ночь, зарыться в пурпурные ложа!
Но трепет мне души его открыл:
То, что твою согнуло грудь, был стыд
Глубокой прозорливости! Измена?
Безумство ль то? Любовь? Но знак угнал!
Слова, слова! Когда б имел язык я,
В тебе звучало б: чувство! Изменил?
Могло ль изменой быть святое чувство,
Так взволновавшее мне кровь, как-будто
Желанное, невиданное близко
К груди несчастной? Вот она открыта, —
Кричали братья тоже все: измена, —
Я жду — неизречимое, иди...

ГИАЦИНТА

(отталкивает Гутундблута, он падает между ними).

То — я! Сестра Ирины! Ты дрожишь?
Дочь случая! Я! Гиацинта! Я!
Ах, чувство огнекратное, тебя
Обнявшее при первом взгляде, ах —
Лишь это наше! Словно метеоры,
Заметив планеты, в смерти мы сольемся,
И в бархатную колыбель ее,
На ложе туч, сплетясь мы упадем!..

(Охватывает его колени).

ДИТРИХ

(отталкивает от себя Гиацинту).

Холодным камнем станет метеор,
Моя ж любовь не ведает о смерти.

18-ая сцена.

ШЛЕЙХ

(в халате на галерее).

Луна! Сироповая лампа! Звезды!
Девы наслаждение было кисло!
Свалилось с неба сердце Биянке, ведьме.
Его глотнула жадно как яйцо!
Рубашкой скрыв нагие груди, — точно
Гнездо двух мышек в тьму от света свечи
Они дрожа зарылись, — на меня
Уставилась. На Площадь пальцетыча...

19-ая сцена.

Старец снова надевает на Предводителя Солдат шлем и пурпур,
Предводители Солдат, Сенаторы, слуги.

СТАРЕЦ.

Все вниз! Свидетелями все к столу!

(Дитриху).

Сказал нам Предводитель, ты готов?

ДИТРИХ.

Готов!

СТАРЕЦ.

Но документ сперва прочти!

ДИТРИХ.

Будь наш язык одним!

СТАРЕЦ.

Тогда пиши!

ДИТРИХ

(подписывает).

Когда б во всей вселенной объяснение
Хотя б одно освободило сердце...

СТАРЕЦ

(насмешливо).

От жажды власти?

ДИТРИХ.

Да!

СТАРЕЦ.

Пусть будет так!

Мой друг свободный, ну а власть к любви...

ДИТРИХ.

Обычно вы любовь зовете: власть,
Однакоже любовь есть...

СЕНАТОРЫ.

Объясняет?

СТАРЕЦ.

Что есть любовь?

(Дитрих перед глобусом).

Опять игра с шаром?

ДИТРИХ.

Когда однажды ось земли сместилась,
В круг сил своих она включила солнце,
Вода свирепо хлынула из бездны,
Чтоб от „Вчера“ все без остатка смыть...

СТАРЕЦ.

Словами библии: потоп, ковчег...

ДИТРИХ

(уносясь в грядущее).

Из люлек вылезают обезьяны?
Зверьем здесь пахнет, лишь зверьем, — дыханье
Из недр лесов я чую первобытных?
Но яростный круг огня передо мной,
Родами нерожденными зажжен!
Сладкозагадочная радость! Скоро,
Смотрите, воздуха свечам не хватит.
И тает бледный лик в его луче,
И тернии цветут, коснувшись лика!
Крест в огненный цветок он превращает, —
Распятые взвились для пляски руки!
Сжигает книги, документы мук
Ушедших душ, от альфы до омеги.
Все — корка сердца! Ныне — храма свет!
Органа пенье! В шествии святом
Подходят сонмы жертв любви, очнувшись.
Последняя кора с земли спадает?
Мне показал огонь далекий час,
Тот час, когда свершится это? Книгу,
Алфавит, озаренный сердцем, книгу,
Где все слова сокрыты. Есть любовь, —
И дух обрел своей оси в ней полюс!

ПРАВИТЕЛЬ

(в гробу).

Икс! Икс!

ДИТРИХ

(взволнованно).

Не слышит кто того дыханья...

ВСЕ.

Глупец!

ДИТРИХ.

Отходит дальше духа ось...

Он теряет сознание. Общий насмешливый смех. Движения становятся самоувереннее).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(поднимается).

О, Площадь! Шум и свист жужжит в ушах!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Другую сторону луны кто видел?
Пусть любопытство повернет ее!
Как власть она сияет; то убудет,
Затем прибудет, и полна опять —
Хоть времена еще непостоянны,
Повелевает сменой их она...

СЕНАТОРЫ

(надменно у стола).

Любовь? Ось духа? Мания величия
Антропоморфная! Любовь!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ

(перед Дитрихом).

Козявка!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Ось духа, говорит он?

СЕНАТОРЫ.

Сумасшедший!

СТАРЕЦ.

Все подписали это? Лист возьмите.
Так хаос бог на день и ночь делил, —
Волнения элемент убит бумагой,
Бунт усмирен. Веселенькую шутку
Сыграли мы! Главы нет больше!

СЕНАТОРЫ

Нет!

СТАРЕЦ.

Когда от боли закричит восстанье,
(К Предводителям солдат).

Ему заткните глотку! — Гутундблут!

(Он подходит).

Нет! Пусть живет! Что значит умереть?
Что вздох один, — побольше хочет мести!
Своих он братьев должен видеть кровь!

ДРУГОЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОЛДАТ.

Все люди действуют как дилетанты
В обсерватории! Хотят в мгновенье
Милльона снов, и страх у телескопа
Объемлет их, когда в пространстве черном
Вдруг видят мир, висящий одиноко.
Пьяны от ужаса, они слезают,
Неволю ту святую понося,
Которой мир великий существует!
Мы линий, полных тайны, строгий путь
Из ночи в ночь следили и деаньем

Своим предпосылали! Да, глупец,
Пока как град весенний с неба звезды
Нас не засыпят, мнение лишь одно
Твое безумство укрепляет в нас:
Мы человечества закон и путь.
Закон прорви лучами тучи грёз!
Сняй как глетчер снова в звездном блеске,
К благоговенью принуждай людей!

(Предводители Солдат, Сенаторы, — уходят).

СТАРЕЦ

(Гутундблуту)

Вы, граф, свободны. Пусть живет молодчик!

(Над Дитрихом).

Рассудок — при закрытой двери — нежный
Эфир для мудреца за потом будней;
Когда зверье толпы храпит — услада,
В наш скипетр хочешь ты перенести
С Урании его? И чтобы вместо
Руки железной красный бред любви
Царил здесь?

(Слугам).

Эй, носилки мне. Мальчишка!

Одно есть средство. Ты красив, приди...
Останется открытой дверь, приди...

(Во дворец).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

О шуму! Свисты! Шумы!

(Он дремлет на лестнице).

ГИАЦИНТА.

Холодным камнем станет метеор?

ШЛЕЙХ

(устремляется прыжками по лестнице к Дитриху).
Стоп, Шлейх. Такт! Мысли! Круг! Любовь! Единство!
Свалилось с неба сердце! Бьянка! Сердце!
Красноблестя над ним! Все выжать, да, —
Пока с востока мудрых нет еще...
Масштаб в тебе? Раскрыт? И дело бабы!
То сифилис, теперь единства плоть?
Отрекся! Бу! Безумье! Лучше будут
Все люди? В пустоту мои все стрелы?
Низвергнут крест? Единство сил? Конеч!

ДИТРИХ

(со стеклянным взором).

Кто ты?

ШЛЕЙХ.

Я! Внутренний, твой лик!
Меня ты знаешь?

ДИТРИХ.

Нет.

ШЛЕЙХ.

(вплотную).

Смотри!

ДИТРИХ.

Смотрю?

ШЛЕЙХ.

Я!

ДИТРИХ.

Я?

ШЛЕЙХ.

Ты угадал?

ДИТРИХ.

Я?

ШЛЕЙХ.

Ты?

ДИТРИХ.

Я?

ШЛЕЙХ.

Ты! Ты! Беседа без конца!

ДИТРИХ.

То правда?

ШЛЕЙХ.

Правда!

Имел ты силу превратить — я в ты?
Преграды! Замедляют каждый шаг!
Неси страдания всех людей, пока
Не упадешь! Со стоном!

ДИТРИХ.

О...

ШЛЕЙХ.

Да! О...

Единство, круг? Канат — от я до ты?
Ха, ха, плясун канатный? Тяга к нови?
Народ внизу глазееет, ах и о...
Бог в облаках? Над рынками взнесен?
Внизу букашек толпы? Ты вверху?
Al ha Jat: Солнце? Закрепи канат.
Ты загремишь, разбрызгав мостовую!
Вынь сердце! Этику долой с фронта...

(Гиацинта выступает вперед).

ШЛЕЙХ.

Мы ночью встретимся одни?

(Толкает ее к Дитриху).

Вот...

ГИАЦИНТА

(усмехаясь).

Нет...

ШЛЕЙХ.

Нет?

Я мог бы обладать тобой! Я! Знаю.
Не двинулась бы ты, когда б тебе
Я поднял юбочку... Сместилась ось...

ГИАЦИНТА.

Да в муже...

ШЛЕЙХ.

В муже?

ГИАЦИНТА.

Панталоны прочь!

(Отбрасывает их).

Единство: я.

ШЛЕЙХ.

Нет, я: единство! Самка,

Из круга!

ГИАЦИНТА.

Наслаждение не дракон...

ШЛЕЙХ

(насмешливо).

Взгляд во вселенную?

ГИАЦИНТА.

Шатнулся Шлейх!

Так тело расплатать, чтоб страсть, ах, страсть
Неистовством наполнила меня...

ШЛЕЙХ.

Шлейх: Самка?

ГИАЦИНТА.

Самка: Шлейх! Вампир: мужчина!

ШЛЕЙХ

(Дитриху).

Женобудитель, есть любовь, ты слышишь,
Вампир!...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(пробудившись).

Глупцом от страсти стал? Ирина!

Боготворил ее...

ШЛЕЙХ.

Кумир!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

Кумир...

(мечтательно).

Ей быть бы матерью, подругой мне.
Баюкать на коленях мягких, после
Суровой службы. Подавать халат.
Играть, плясать, в то время как я нежно
Треплю головки юных Гутундблудов...

(Видит Дитриха).

А, „есть любовь“! О пес, о пес, о пес!

(Бросается на Дитриха).

ШЛЕЙХ

(хватает Гутундблута).

Зеленоглазая? Отелло? Драма?
Кино! Скажи еще раз: „Есть любовь“.
Улыбки легкой ты не ощущаешь?
Дрожь мускулов невольна!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Есть любовь...

ШЛЕЙХ

(обнимает его).

Вампир! Родные!

(Толкает его к Гиацинте).

Ха! Тебе по вкусу

Плоть самки, — так ласкай же эту вместо
Ирины.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Шутка...

ШЛЕЙХ

(держит панталоны).

Наполни женским мясом! Вкусно! Кушай!
Полней! Ирина, Гиацинта, Бьянка,
Все то же! Сердце где?

(Смотря сквозь панталоны).

Тут — проскочило.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Иметь жену Писанье одобряет...

ШЛЕЙХ.

Горшки этические на камине?

(Передразнивая Дитриха).

„Не видите вы: круг, кольцо“, — дыра!
Сместился духа зад, хе, хе, — осталось?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(смеясь).

Дыра...

ШЛЕЙХ.

Отелло? Дурень...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Но Ирина...

ШЛЕЙХ.

Брось ореол морали! Мертв в одной, —
Во всех: мужчина! Главное: мужчина!
Пусть тело женщин — сито. В „Табарэн“!
Возьми, что надо. Граммофон пусти...
Цилиндр! Парад!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

А Гиацинта?

ШЛЕЙХ.

Будет...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Здесь: страсть! Закон! И только...

(Уходит во дворец).

ШЛЕЙХ.

Идиот!

(Подле Дитриха).

Коль следует мне жить, и ты живи!
Иуда умер: изменил себе он.
„Ах“ — вновь забрезжится на сотни лет
Сиянием? Наивный, нежный взгляд,
Процентов девяносто откровенья
Преступно? Залежалые товары
В чертогах произвола моего?

ГИАЦИНТА

(подле Шлейха).

Тебе нужна я, Шлейх...

ШЛЕЙХ.

Нет, фрейлейн, нет!..
Был юбочник! Шесть на день, но прошло.
Ловец разутых пальцев ног под юбкой?
Не диво мне! Прошло! Новощекотка!
Народный вождь! Гуденье масс! Качаюсь...
Меня качает!

ГИАЦИНТА.

Шлейх, тебе нужна я...

ШЛЕЙХ.

Иль в платьице твоём мне шарить, так?
От башмачка и до икры? Щекотка?
И Дитриха я „мог бы“ задуть!
Лишь в этом „мог бы“ ведь блаженство „я“, —
Чем было б „я“ без „мог бы“?

ГИАЦИНТА.

Сделай это!

ШЛЕЙХ.

Как мило! Шар земной хочу вертеть!
Шлейх телеграммы посылать! Признание
Всех государств, приветствуют войска!

ГИАЦИНТА.

На брачном ложе мы лежать должны бы...

ШЛЕЙХ.

Жена и муж? Прочь белую повязку...

ГИАЦИНТА.

Круг...

(Распускает волосы).

ШЛЕЙХ.

Дырка! На тебя оскалил зубы
Косматый павиан!

ГИАЦИНТА.

Его же самка

Тебе бородку треплет...

ШЛЕЙХ.

Что ты хочешь?..

ГИАЦИНТА

(алчно).

Тебя!

ШЛЕЙХ.

Меня? При этом крике стонет
Блондин? Ось! Полус! Есть любовь! Что хочешь?
Тебя! Кого ты хочешь, рок? Тебя!
Хрустит на грудке шелк?

БИЯНКА

(в ночном костюме, ревниво).

Как, Гиацинта?!

Бог помоги...

ШЛЕЙХ.

Молчать о нем! Я — бог!

БИЯНКА.

У женщины такой бывает вид,
Когда дают ей жить? Совсем тюльпан!
Смотреться звездам в холенных ногтях!

ШЛЕЙХ.

Ты ей белье должна была стирать!

БИЯНКА.

Горшки ночные выносить...

ШЛЕЙХ

(перед Гиацинтой).

Ножки

Без панталон? Мне: устрица!

БИЯНКА.

Мой Шлейх!

ШЛЕЙХ

(яростно).

Что Шлейх? Что Шлейх? Всех дырок свистопляска!

(Подле Дитриха).

Всех! Бьется сердце? Не одной, а всех!

ДИТРИХ.

То эхо? Зеркало?

ШЛЕЙХ.

Любовь! Любовь!

Здесь женщины, они твое ученье,
В которое любви единство входит...

ДИТРИХ.

Хотят?..

БИЯНКА и ГИАЦИНТА.

Спасись!

ДИТРИХ.

Но как?

ШЛЕЙХ.

Не знаешь?

Как? Молодое, девственное мясо?
Какой султан так лакомился дивно!
Почти нагое, вымыто — не сон!
Мясодейственность! Ты медлишь? Медлишь?
Таинственность царит как в катакомбах
За трапезами первых христиан...

ДИТРИХ.

Не есть ли это плод воображенья?

ШЛЕЙХ.

Сместилась духа ось: ведь есть любовь...

НАСМЕШЛИВЫЕ ГОЛОСА ОТОВСЮДУ.

Да, есть! Да, есть!

ШЛЕЙХ.

Отравлена! Единства шутка шепчет
То в воздухе! Еще блесит над ним!
Кривится ангел мой?

Так есть любовь?
Да, плоти атомов страстеворот!..
(Хватает платье Биянки).
Красна та краска, что щекочет небо.

БИЯНКА.
Боюсь!

ШЛЕЙХ.
Что, ведьма? Ты теперь попалась!
(Напевая пляшет вокруг Дитриха).
Ты не умеешь так, как в Энгладине,
Где на гнилых гробах танцуют фокс-тротт
Напудренные золотые трупы, —
Так научись! Краснеешь? Рот открой!
Шатаешься!

БИЯНКА.
О стыд!
ШЛЕЙХ.
Что стыд? Что стыд?
Он слишком долго всех твоих поступков
Был контролер. „Я“ — тормоз! Прочь его!
Служанкой ты была придворной трупы.

БИЯНКА.
Могу сказать лишь „боже ты“...

ШЛЕЙХ.
Я: бог!

БИЯНКА.
Скрепим союз?
(Гиацинта раздражается смехом).

ШЛЕИХ.
Семейство? Мама? Папа?
Потомство? Корь? Мещанские клопы?
Скрепить союз? Прозрачно, нежно тело
Как у красавиц в Рио-де-Жанейро,
Когда завоют в чащах обезьяны,...

БИЯНКА.
Не понимаю!

ШЛЕЙХ.
Но тебя я понял.
Главы восстания нет! Да, нет! Вот: Шлейх!
К воротнику круг лампы привяжи мне...

БИЯНКА.
Сияние?

ШЛЕЙХ
(поет).
„Не спрашивай меня“.
(Ночи):

Что хочешь ты?..

БИЯНКА.
Тебя!

ШЛЕЙХ.
Что хочешь, рок?
(В неистовстве устремляется в город).

БИЯНКА
(восторженно в пустоту).
Тебя! — Бог помоги. Как труп лежать здесь,
А рыцари живые приходили б,

Чтобы в меня, как в цель, копьё втыкать.
Да, двадцать, тридцать тел, — я здесь лежала б
Как-будто бы в раю. Бог помоги...

(Шатаясь уходит во дворец).

ДИТРИХ

(открывает глаза).

ГИАЦИНТА

(перегнувшись через стол).

Целуй мне грудь! Ещё! В лобзаныи каждом,
Я в каждом чувствую язык! Один!
Прекрасна грудь моя, и небосвод
Заимствовал округлость у нее...

ДИТРИХ.

Жива? Ты плоть? Ты кровь? Молчи, молчи!

ГИАЦИНТА.

Со мной? Щекотка поцелуев? Страсть?
Холодным камнем станет метеор!
Колени ищешь? О, целуй!

(Ко двору).

Ирина!

ДИТРИХ

(вскакивает в испуге).

ГИАЦИНТА.

Ошибка? Как? Все ж: Дитрих и Ирина!
Колокола! Рукукуку! Супруги
На пурпурных постелях. Рифмы вздохов
На хартии в златом кругу любви.

(Отталкивает его).

Прошло! Беззвучно, — только: ночь, широко!
Вы сестры в горницах, там, где мужчина
Жил вместо нашей радости, я первой
Ломаю руки дерзкие его,
И рев его, что наш огонь гасил,
Я превращаю в стон, когда мой рот
Его сосет, жуёт как плод осенний,
Выплывая то, в чем сока нет.
Я первая среди всех женщин мира!
Лишь одному тебе прошу лобзанья!
За каждый поцелуй отныне кровью
Плати...

ДИТРИХ

(хватает ее).

ГИАЦИНТА.

Нет!

(Отталкивает его).

Это „нет“ — прыжок во что?
С тобою „Гиацинта“. — Что ж теперь?

21-ая сцена.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(во фрачной накидке и цилиндре, со стражей).

Опасность миновала! Пейте! Пейте!

(Подле Гиацинты).

Пока в нас — Гутундблутах — чувство круга,
Естественно рожденное из зерен,
Какими были мы, мы Гутундблуты
С начала созиданья государств, —
Дотоле Площадь — наша! Мы в отставке!

Все сказка: чернь, и рыцари, и змей...
Здесь: старость! Законы здесь! Прочь, прочь!
В отставке!

(Стража уходит).

Но есть последний змей. Иди, мышенок!
Невинность — этот змей. Пронзим ее, —
Коль жрет она младенцев, значит змей.
Без Гутундблутов было б на земле
Пустынно, скучно. Меч хочу я вынуть
Как сильный рыцарь благородной крови.

(Уходя).

Придешь. Мы знаем. Ты придешь. Я чаще
Невинности лишал, чем зайцев бил.

(Уходит).

ГИАЦИНТА.

Кошмар при пробуждении: Шлейх! Все: Шлейх!

22-ая сцена.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ
(возвращается).

ГИАЦИНТА
(бьет его).

Я бью, не дав сказать...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.
Хо, хо...

ГИАЦИНТА.

Еще раз! Теперь скажи.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Я прямо: ты девица?

ГИАЦИНТА.

Ты муж?

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Как так?

ГИАЦИНТА.

Я думала: ты боров...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Знать превращен я госпожей Цирцеей...

ГИАЦИНТА.

От вас сначала свиньями мы стали!

(Бьет его, наступает на него).

Скамья ты! Трон!

ГРАФ-ГУТУНДБЛУТ.

В уме ты?

ГИАЦИНТА.

Цыц!

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ
(на земле).

Ха, ха...

ГИАЦИНТА.

Ночь — Шлейх? В нем: я, отображая: я?
Сквозь зеркало! Глубоко брошен в мир,
Дворец мой станет на других колоннах!

(Дитриху).

Сместилась духа ось? О нет, сломалась!
„Ирина — Дитрих“, — в круг тот Гиацинта
Едва не заключилась? „Есть любовь“ —
Убежище оставлю вам, — живи!
Когда мой дом колоннами из крови
Дымится, — вас кормлю: рукукуку!
Чтоб в страстотдыхе смеяться мне,
Пока мечта к луне возносит ложе!

(Она вскакивает на спину Гутундблута).

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

В сравнении с тобой Ирина — трость!
Но у тебя веселенькие шутки!

ГИАЦИНТА

(Дитриху).

„Я волосы твои схвачу как вожжи“ —
На бой со змеем! Змей же: ты, о страсть!
На рыцаре скача, тебя спасаю,
Тебя от Шлейха и других шутов! Но...

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Но...

(Оба уходят).

ДИТРИХ

(постепенно приходя в себя).

Да, ядовитые туманы утра
С лица своей земли сметает солнце
Дыханием. А я? — Очнись!
Расширив ноздри, захотел ты, бог —

Одним дыханьем поглотить виденья?
Затем сказать: их нет?

(Внезапно совсем очнувшись).

Убить! Убить!

На пропускном листе мой почерк? „Дитрих“!
Уже порхает вкруг ушей собратьев
На мерзких духах... тс... шипит, шипит:
„Вам изменил всем Дитрих для „Вчера“!“

(Он бежит, останавливается в оцепенении у ворот).

Там великанша красная — реальность...
Уже подняла руку, чтоб меня,
Как насекомое ночное... а!..

(Кричит задыхаясь).

Тс! тс! Умерить голос, чтобы он
Картины этой, Дитриха, тебя
На каждой не запечатлел пылинке!

(Шатаясь подходит к столу).

Мой путь исчез. Что было светом здесь,
Теперь насмешка! Мой поступок дико
Впил в меня мыльнопузырем глазом!

(Внезапно).

Когда б Ирину вам принес я, ту,
Что силу огненным цветком подсекла?
Вы псам ее швырнете! Я не дрогну!
Пред вами Дитрих! Пусть же справедливость
Как бог индийский поразит кроваво
Неразбериху нежных мелких чувств...
Я принесу вам, принесу Ирину...

(Устремляется во дворец).

23-ья сцена.

СТАРЕЦ

(расстегнутый, похотливый, удерживает его).

ДИТРИХ

(в остоленении).

СТАРЕЦ.

Я ждал!

ДИТРИХ.

(вырывается).

СТАРЕЦ.

Иль на покой в деревню мне?

Заняться Цицероном и капустой?

И на песке выращивать траву?

Гулять по парку? Псами забавляться...

Такой покой меня пугал как смерть.

Мертв, мертв! И вечером и утром мертв, —

Тошнит и обморочный пот в мозгу!

Из библиотеки беру я томик

Рассеяться... Что на странице каждой?

Что наших планов постоянной смерть!

Что Цезарь умер, Александр... и сам Христос —

Черта лишь в пустоту, — кривая

Из ничего в ничто.

(Падает).

Любить не в силах!

Ощупывать вонючий остов свой, —

О, как он пуст! Противно... забну... забну...

Я шар земной сломать хотел бы... крови

Напиться молодой! Мальчишки, вашей...

Я мертв! Хотя раз почувствовать!.. Затем...

(Шатаясь следует за Дитрихом, останавливается на лестнице).

В остывшем пепле чувственности нашей

Раздуть огонь, чтоб растопить тот лед,

Которым скована дорога жизни, —

Всем суждено нам об нее разбиться,

Как дерзко бы ни развевался вымпел.

И ты, — держи же курс по ней!

Земля замерзнет под подошвой вашей

Вслед за луной. Когда-нибудь застынет

Так сердце у последнего глупца!

Когда пришел я, вспененный, сюда,

Я знал, что можешь ты любить, я — нет?

И твой костяк от страсти опустеет!

Бежать во след? Ко мне, навстречу, ты должен!

К весенним играм сходит вниз Монблан,

Цветами огненными увенчавшись?

Кто задрожит, поднявши взор свой, кто?

У ног своих спокойно наблюдает

Он сев и жатву, колыбель и гроб.

Но в страхе все расцветшее, коль ветер

От льдов его несет привет суровый.

Я тот же все, кто ненависть и страсть

Так чувствовал? Да, смерть есть только смерть,

Как вечный снег взнесен в нее мой череп,

Там ни одно не расцветет уж сердце!..

Справляй же ночь любви! То, что зачнешь ты,

Родишь ты мне! Из-за меня поблекнет

Уст ваших пурпур! Вас благословляю!

24-ая сцена.

ДИТРИХ

(шатаясь на лестнице).

Кнутом меня гоните из дворца!

СТАРЕЦ.

Свершилось? Губы сухи? Стало синим
Что было красным? „Есть любовь“. Носилки!

(Слуги приносят бледные носилки).

Используй время. Есть ведь лишь „сейчас“.
Наверх! Мне деток народи! Смотри,
Вот „вещь в себе“, вот то, что вечно...

(Его уносят).

ДИТРИХ.

Смерть?!

Ее дыханье мраморное: склеп?
Любовь иль смерть, что вечно? Ха, ха, ха!
Мне раствориться? Мне Ирину бросить,
Нагую на постель?

(Остается на лестнице).

Освободите

Меня! Волшебницу возьмите сами!
Огонь загадки пышет из груди!
Два яростных вулкана! Их возьмите!
Змея! Змея! Моя нога — свинец?
Из круга чувств я вытолкнул тебя!
От сердца своего я отрываю
Твое — и растопчу его! Ха, ха!
Единство так не мыслил я! Ирина!
Так? Нет! Свое я мировое чувство,
Что сделало меня людей всех братом,

В темницу сердца твоего отдам?
Я столп уже, который свод прекрасный
Грядущего поддерживал казалось,
Тобой раздавлен словно незабудка?..

25-я сцена.

(Сзади его головы голова Трусливого сына. Дитрих оборачивается).

ДИТРИХ.

Идем; твое лицо я понесу
Перед собой... Идем, идем к Ирине.
Она сомкнет глаза пред этим ликом!
Ты связанный и скрученный пойдешь!
Могу ль я взор, сжигающий меня,
Связать ремнями? В них позор и смерть.

(Он оставляет Трусливого, идет к столу).

Иль дьявол то, что родилось во мне, —
Он взор Ирины превращает в страсть!
Я мог бы отшвырнуть ее как девку?
Повергнут силой! С ней в постель — будить
Исконный грех, пока, раскрыта страстью,
Она дух мира, что я в кровь ей вдунул,
Не выдохнет, и как цветок увядший,
Насыщенная мной, не упадет.
Кем пробужден был взор ее? Ведь мной!
Так погасить его я тоже смею!
И должен погасить, коль хочешь, Дитрих,
Ты честь мужчины сохранить, который
Подобно мошке не раздавлен чувством!
Кончаю эту облачную радость.
Прочь крылья! Снова твердо встать. Тобой
Так обладать, чтоб ты, разбита счастьем,

Со мной подобно первой встречной шлюхе
Рассталась; к вам затем, о братья, к вам...

26-я сцена.

ИРИНА

(торжественно).

О, Дитрих, где ты? Дрозд в ветвях акаций
Песнь длинную пропел, и с каждой нотой
Тоскуя я звала тебя!
Пусть будет глаз твой зеркалом, в котором
Мое всегда опять пьянится сердце!
Лучистый!

ДИТРИХ.

Кос твоих прекрасен запах...

ИРИНА.

Приму ли наконец тебя в объятья?
В моря огня мы погружаться будем
И с каждым днем все большие круги,
И горизонт, и синий небосвод
В груди замкнем, и с жизни лепестков
Как сытые любовью мотыльки
Во влажный сад земли мы упадем,
Чтоб отдохнуть, пока нас солнце снова
На пир своей любви не позовет.

(Дитрих гасит внезапно свечи).

Восторг лишь рассыпать как соловей,
Который, сам в блаженстве трепеща,
Влюбленных многих счастьем наделяет.

(Дитрих яростно увлекает за собой Ирину. Трусливый сын следует. Сцена некоторое время остается пустой. Стража, слуги покидают дом. Подобно теням, крысотианственно. В отдалении барабанный бой. Из дворца: лай).

ПРАВИТЕЛЬ

(поднимается вдруг).

Ужасный лай, как-будто из груди
Собаки стран полярных он исходит?

27-я сцена.

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(лая спускается по лестнице).

ПРАВИТЕЛЬ.

Пусть выдержит, кто может!

(Трусливый сын набрасывается на него).

ПРАВИТЕЛЬ.

Я ведь мертв...

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(его лай превращается в слова).

Да, мертв. Ты тоже умер. Мертв. Не жили
Мы никогда. Однажды снилось нам....

ПРАВИТЕЛЬ.

Паучьи пальцы оторви от горла!
Задушишь.

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Да, задужены мы, все мы.

Что это: череп? Голова? Глаза?

И рот? Ты тоже видишь сны? Ты гредишь?

(Из дворца радостный крик Ирины, ликующий, переходящий в зовы испуга).

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Да, глубже наша скорбь, чем мог бы сон,
Хоть пролетев вселенную, достигнуть.
Луна — добра! Взгляни же. Бледный гость,
Узнай, теперь я мертв как ты...

ПРАВИТЕЛЬ.

Я? Я!

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Испуган ты? Заплаканы подушки.
И серебрятся слез ручьи в глазах?
Мне выпить их никто не запретит.

(Делает это. Во дворце слышен звон оружия).

Поможет кто, когда не бьется сердце,
Затем, что каждый вздох терзает грудь.
Желанна смерть, и все-таки живешь!
Ни искры милости. О, ничего!
Лишь дальше жить, хромать, душой калека,
И видеть, как заката пламя нежно
И серый камень даже согревает.
Ни вой, ни плач, ничто нас не спасет,
Одно лишь чувство уврачуе рану,
И мы однажды вновь сползем с постели, —
Душа давно мертва, но тело живо, —
На улицу так ковыляя, купим
Свой хлеб, и будем грызть его, а люди скажут:
„Смотрите, он здоров и потолстел?“

28-я сцена.

ИРИНА

(испуганная к лестнице).

Я совершила зло? Боюсь я все же?
Мне страшен смех его? Темноблестящий

Он вьется вокруг него. Он Гутундблута
Схватил оружие и шлем надел?

(Слышно приближенье Дитриха).

Вооружился? Он идет! О, горе!

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Что человек? Трава и сено, знаю, —
Но мне, когда его глаза я видел,
Был вечностью он...

29-я сцена.

ДИТРИХ

(в части вооружения Гутундблута, с факелом, Трусливому сыну
с тупым выражением).

Я готов! А ты?

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(к городу).

Подумать: вы теперь мертвы как я.
Весной должны вы плакать, мерзнуть в осень
Затем, что к вам никто на край постели
Не сядет, чтоб сказать вам доброй ночи
И, прежде чем задуть свечу, улыбкой
Ваш взор усталый проводить ко сну.

ДИТРИХ

(хватает его и идет).

Идем.

ИРИНА.

Как, прочь? Отвержена любимым?
Что было в нас хорошего — погибло,
Сперва надежды луч, теперь Ничто?

Луг, скошенный с осенними цветами,
Где ветер жалобно поет: прощай?

(Смотрит Трусливому сыну в глаза).

В них образ мой ужасен! Трушу я?
(Она устремляется вслед Дитриху, тащит его обратно).

О, ледяные руки, что остыли,
Мороз любви почувствовав в себе,
Меня вы гоните? Иль в монастырь мне?
Там с призраками заседать, пока
Мы оба тихо, одиноко счастья
Не изживем?

ДИТРИХ.

О нем молчи!

ИРИНА.

Молчать?..

ДИТРИХ.

Последним ты была соблазном змия.

ИРИНА

(подле него).

Соблазн последний змия?

(Смеется)

Эта грудь?

Не заключила ль в ней я танец звезд?
В ее глубинах чудеса весны!
Невинность детскую узрела глазом,
И этим ухом слушала напевы,
Когда у окон ветер пел ночной?
И тело не постигло ль, ах, скажи,
В бушующем хорале чувств своих,
Того, кто пел его, — тебя?

ДИТРИХ

(отбрасывает ее от себя).

ИРИНА.

О, Дитрих!

Я знаю, любишь ты еще меня...
Иль ночью мне в обманных снах тебя
Искать печальным пальцем на обоях,
Когда луна играет тенью в окна?

ДИТРИХ

(глядя ее локоны).

О дивный образ смертного, земного!
Тебя покинуть он велит. Подумай,
В поход крестовый должен я...

(Трусливому сыну).

Идем...

ИРИНА.

Разлука это?

ДИТРИХ.

Да. Пришел мой брат.

Долг требует меня. И я иду!
Храни наш день как светлую игру
И будь пережитым довольна...

(Свистит).

ИРИНА.

Земля колеблется...

ДИТРИХ

(поет).

Расстаться должно...

ИРИНА.
Кто требует?..

ДИТРИХ.
Сказал я, иль скорей не говорил
Из нежности, чтоб не спугнуть голубку
Суровой правдой.

ИРИНА.
Есть ли что суровой?

ДИТРИХ.
То не для женской груди создано,
Не для твоей. Но столько ты узнай:
Та справедливость, что из-за тебя
Забыта мной, восстала, хочет права!
Да, права!

ИРИНА.
Но какого?

ДИТРИХ.
Дорогая!
Не знай, какую миссию оставил
Я для часов любовного свиданья...
Коль не хочу я слышать слов проклятий:
„Ему доверенную землю он
Как детский мяч в траву швырнул, схватив и хуже —
Своей услады два мяча“.

ИРИНА.
Ты дышишь судорожно. Голос твой,
Обычно колокола звон, стал резок.
Твой глаз стал желтым, сам ты стар.

ДИТРИХ.
Как, стар?
Тем легче можешь ты со мной расстаться...
Любовь досуга хочет. Право — дела.

ИРИНА.
Одно лишь знаю, богом ослеплен ты.
(Дитрих идет).

Стой!

(Полная горькой радости).
Если справедливость задушить
Должна любовь, пусть то свершится. Ты ли,
Другие ли — царите вы, мужи!
Хотите права, — так вступи на Площадь...

ДИТРИХ
(рассмеявшись).
Что, женщина?

ИРИНА.
Смеется, да!

ДИТРИХ.
Молчи!

ИРИНА.
Молчу. Но почему молчать?

ДИТРИХ
(повергая ее на землю криком).
Молчи...

ИРИНА.
О, умереть, когда жила...

ДИТРИХ.

Смерть, смерть?..
Такая тварь, как ты, любому рада...

ИРИНА

(рассмеявшись светло).

Ты шутишь, испытать меня ты хочешь, —
Возможно ль жить, тебя утратив, милый!

ДИТРИХ

(внезапно толкает ее к гробу).

Вот дочь твоя, беспутный чародей!
Ты проиграл! Триумф! Ты полагал,
Что не ковчег завета грудь моя?

(Смеется безумно, затем Трусливому сыну).
Идем!

(Ирине)

Змея!

ИРИНА

(содрогаясь).

Что вьется в волосах
Твоих! Я все тебе дала!

ДИТРИХ.

А я?

Я в жертву братьев здесь принес.
Как эти свечи, для тебя задул я
Огонь священный Матери! О нет,
От уст ее украв, его зажег я, —
Свеча стыдливо пламя отвращает,
Поняв, что огнесмерти смысл нарушен, —
Как брачный факел над твоей постелью!

За ночь одну мала ли эта плата...
За миг! Тебе я не дал ничего?

(Сзади него Правитель, павианоподобно, всем телом поднялся из гроба).

Всю чистоту часов, душой прожитых,
Все чувства переполненного сердца!
Объятье непорочнейшее ласк...

(Оборачивается, остоленев).

О, странно! Это странно! Очень странно!..

(Раскрыв в удивлении глаза).

ПРАВИТЕЛЬ.

Потрогай кожу. Жив я! Сферы свищут
Как шелест тополей от вихря бури!
Жужжит на волосатом теле: фффф!
И воздух жидкий, между ртом и жаждой
Хранимый, льется без препятствий к чреву!
И ваша Икс незримо гасит звезды!
И лампы! Бездны сорвана печать!
Корону хочешь ты? Возьми! Паршу
Прочь с золота! Вари в нем сны твои.
В рубашке я! У крыс возьми ты пурпур!
Стыд умер в доме. Слышишь что-нибудь?
Законов стража вся умерщвлена,
Из Библии хохочет Люцифер!

ДИТРИХ

(смеется пронзительно).

30-я сцена.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ

(с обезумевшей от страха, с распущенной компанией из Табарэна. Подобные порывам ветра, переальны как утренние призраки. Глухое жужжание, отдаленные скрипки над неопределенным шумом).

Стража! Стража! Шлейх мошеник!

Стража! Стража! Я в горячке!

ДЕВУШКА

(пьяная).

Мы убежим в Аравию.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Стража! Стража! Гибель всем!

ДЕВУШКА

(смеясь, поет).

Мы убежим в Аравию.

ГРАФ ГУТУНДБЛУТ.

Там на улицах, в жилищах!

В красных толпах псы их ада!

Но идем мы, да, идем мы!

Стража с Гутундблутот марш!

ДЕВУШКА.

В Аравию...

(Увлекает за собой Гутундблута; все мимо, затихая).

ПРАВИТЕЛЬ.

Не прав ли я? В нас ящеры гнездятся?

Где лилия твоя? Свети, свети!

Куда ты дел ее? Расцветший гномом,

Я думаю, то красный был нарыв!
Но лопнул панцырь! Колебаться глупо.

(Он хватает Ирину шупальцами).

Идем б..... Как две амебы
В века услад, растянем мы секунды,
До крика первых петухов мы оба
Друг другу мясо будем охлаждать.
Но после этой шелковой косой
Нас удуш. Пусть задохнется все!
Нагое время рушья, и проклятье
Тебе и всем, кто звал на эту свадьбу.

(Борется с Ириной).

ДИТРИХ.

Мне адским зеркалом вся Площадь стала?

ИРИНА

(толкает Правителя обратно в гроб, шатаясь идет к лестнице.
Дитрих перенимает движения Гутундблута. Издали: в Аравию и т. д.).

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(около Правителя).

Смотрите же, смотрите.

Ресницами товарищ мертвый движет?

Еще он может. А мои — завеса.

Пустая сцена сзади. Летний отдых.

Народ веселый по лугам резвится.

Быть может нет. Как нежно имя „брат“...

ДИТРИХ

(охваченный страхом, бросается к Трусливому сыну).

Пусть боги ведают свои поступки,

Пусть солнца правят свой роскошный бег...

(Ирина смеется).

Вон вытащи меня! Скелет мой тает,
Все призраки опять хохочут нагло...

ИРИНА

(загораживает путь).

В тебе! Хоть скройся ты на край земли, —
В тебе! В тебе лишь призраков победа!..
Но прежде чем ты связь любви порвешь...

ДИТРИХ.

Меня от девки отцепите!

(К городу).

Братья!

ИРИНА

(вырывает у него факел. Дитрих снова хватает факел, вооружается).

Возьми ж корону!

(Швыряет ее к его ногам).

Под луной холодной

Надень ее, чтоб продолжать безумства,
Что ваша спесь хвастливо создала!
Ужель не чувствуешь, что давишь души
Ты как червей. Взгляни в сердца, где горе,
Из-за тебя немотно, без надежды,
Над новыми гробницами скорбит, —
Нас женщин вновь как пестрых мотыльков
В коробках на булавах трупотихо
Заставят кровью истекать мальчишки!
Веди тот мир, где, матери людей,
Мы как животные рожаем, кормим, —

Всегда гонимые от пира духа —
В тупой тоске с надеждой ждем и ждем.

(К городу).

Ворота — настезь! Убегай же! К власти!
Где не любовь, где спесь из чердака
С трусливой силой дикой гнилью сыпет:
Войной, чумой! Ты можешь! Так веди!
Когда ж дрожа, явившись к людям, дашь ты
Слова желанью из пустой груди,
Ты облечешься лишь в лохмотья дела,
Тогда страшись перед явлением каждой
Случайности; — ты быть хотел творцом,
Не став твореньем.

(Дитрих дико перед ней).

Взор в меня вперил ты!
Упорством пеняешь? Выдержу твой взгляд.
Склонить колени мне, сказать: иди!
И мир спаси! Борца благословляю!
Все братья ждут... Что ж не уходишь ты?
Любя я в жертву приношу любовь
И жизнь без радостей вдали оплачу!..
Кто хочет башней быть, что знает, бедный,
Он о цветущем, полном солнца дне!
Тебя покинуть! Этого ты хочешь?
Всегда мужчины жадно вы желали,
Нас, женщин, в сон обратно погрузить,
Чтоб дальше бодро вы идти могли,
Я первая над сердцем торжествую!
Когда б всех женщин крик раздался, тех,
Что отреклись во имя спеси духа:
„Постой! Ты хочешь невозможного!“

То я скажу: иди! Борись за радость!
Иль это сердце, что хулы не знало,
Мадоннобледно мне спасти для рая?
В распятьи каждом обнимать тебя?

(Бросается пламенно к кресту).

Напрасно были распростерты руки!
Один лишь ты виновен будешь в том,
Коль глубже, глубже будут падать люди,
Ища услад и пищи — мы пример —
На четвереньках, так что заревет,
Победу торжествуя, обезьяна!
Иль снова на тысячелетья скрывшись
Во тьме ночей, ты нас покинуть хочешь —
Пока наш час вновь круга не свершит?..
Но прежде чем вонзится первый гвоздь
Опять в проснувшуюся радость, чтобы
Прекрасная, дарящая рука,
Простерла к звездам ласковые пальцы...

(Она срывает тело с креста).

ДИТРИХ.

Безумная!

ИРИНА.

В тебе! В тебе проснулось!

ДИТРИХ

(бросается на нее).

Безумная!

ИРИНА.

Меня душить? За то,
Что, наконец, сердца восстали, чтобы
Ваш дух низвергнуть с трона?

ДИТРИХ.

Громы!

ИРИНА

(освободившись).

Громы!

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(над телом спасителя).

Как, не в крови луна? Все тихо, тихо,
Так умер крик давно истлевших братьев!

ИРИНА

(подле Дитриха).

Скрыт от меня? Твоей? Твоей ведь все же?

(Рыдает).

За этот образ — все страданье мира?
Иль я чума?!

(Со спасителем).

Эй, женщины, смотрите:

Вот так всегда на Площадах любовь
Растоптанная насмех выставлялась!

Они нас повергали на колени

Пред онемевшей рожей нашей скорби!

(Она отшвыривает крест, с горечью).

Не лучше ли — не бойся я греха —

Всех, у кого имеются две груди,

Чтоб проклятой выкармливать народ,

Как кошек утопить? Не будь грехом —

Я сорвала б соблазн — о мерзость! — с мяса,

Чтоб из людей он зверя не манил,

Чтоб боги не спасались на кресты!

Забытый храм, оставленный, ах, совам
И порожденью ночи.

(У гроба).

Только труп
Безрадостный в вселенском танце! Ужас!

(Повергается ниц перед Дитрихом).

О, вскинь чело, чтоб вновь в твоих глазах
Нашла творенье я, любовь, которой
Навстречу я летела как орел...

ДИТРИХ

(беззвучно).

Не знаю больше, что добро, что зло.

ИРИНА.

Иль все огни погашены в груди?..
Пока одна лишь искра, только отблеск
Из облика любимого сияет, —
Дотоле буду говорить, молить...
Твой демон, Дитрих, не иной, а твой
Стоит у врат с мечем высокомерья!
Темноупорно сам себе закрыл ты
Последний доступ в огнекрай блаженства!

ДИТРИХ

(бросает факел).

Молчи! Ни слова об огне! Молчи!

ИРИНА.

Ты сам, ты сам огонь! Ты! Ты!

ДИТРИХ.

Я?

ИРИНА.

Ты!

ДИТРИХ.

Так я безумен!

ИРИНА.

В боге! Как факир
Поток огня остановить ты хочешь?
„Погасни“ крикнуть солнцу! Нет! Сказал ты:
„Смерть ждет того, кто полюбить не в силах!“

ДИТРИХ.

Когда сказал я те слова, когда?

ИРИНА.

Когда так кроток ты в смиреньи был,
Свободный и отдавшийся творенью!

ДИТРИХ.

Ирина!

ИРИНА

(хочет броситься к нему на шею, но преодолевает порыв).

Рано разжигать пожар!

ДИТРИХ

(яростно).

Ха! Коль хотим мы тоже воедино —
Спасем мы братьев выполнив себя!

ИРИНА.

Как иначе спасти людей ты хочешь?!
В жилища плача танец принести!
И опьяненье лить из глаз в глаза,

Когда два смертных, вырвавшись из мира,
В свои сердца внесутся в тихой дрожи...

ДИТРИХ.

О ужас! Перестань!

ИРИНА.

В сиянии том,
Что вокруг богов смеется...

ДИТРИХ.

Ты безумна!

ИРИНА.

Зачем же мы таких небес боимся.
И разрываем в ужасе объятья!
Зачем вражда, отчаянье во взорах?

ДИТРИХ.

Ведь меж землей и меж твоей мечтой
Нет радуг милости...

ИРИНА.

Они сияют...

ДИТРИХ.

И нет звезды, что путь нам указала б
Из пробужденья ужасов домой!

ИРИНА.

В твоих глазах ее я вижу, вижу!

ДИТРИХ.

Их вырву!

ИРИНА.

Ярче будет блеск ее!

ДИТРИХ.

О, ады! Церкви! Смерть! Лишь зла желанье!
За этим шепчут: сказки! Саги! Сны!

ИРИНА.

Кто трус, кричит: обман. Кто зол: ничто!

(Тряся его).

Меж обезьянами и этим горем,
К каналам мрачным, ты, бредя, шатаешься,
Возьмешься за чумные стрелы вновь, —
Ты, кто катил уже в жилища солнце, —
И сердце, что в любви воскресло нашей,
Швырнешь ты смерти саморастерзанья?

ДИТРИХ

(к городу).

Кем буду вырван я отсюда?!

ИРИНА.

Мной!

Не отвращай лица! Смотри мне в сердце!
Будь то Горгоны взор! Иль Евы змей...

ДИТРИХ.

Спасенья нет! Не медлите, о братья!

ИРИНА.

Перед живой природой ты согбен?
Ты, кто летел навстречу правде смело.

ДИТРИХ.

Ха, правда!

ИРИНА.

Правда! Правда есть — любовь!
Ее неумолимости бежишь...

ДИТРИХ.

Какой?

ИРИНА.

Какой?..

ДИТРИХ.

О, знающий твой смех!

(Снова сопротивляясь).

Хочу быть Дитрихом и одиноким!
От самого себя отторгнут? Я
С действительностью разлучен тобой?
Меня неволит куколка? Меня?

ИРИНА

(шатаясь идет к лестнице).

Я кончилась! Умри!

ДИТРИХ

(пристально смотрит ей вслед, вдруг дико, неистово срывает он
все вооружение).

Хотел катить

Лавины? На меня они катятся?

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Мой брат...

ДИТРИХ.

Ты жив еще?

ТРУСЛИВЫЙ СЫН.

Я жду!

ДИТРИХ.

Ты жив?

(Падает).

Утратить бы чумное бремя „я“!
Оно впилося в меня согнившим взором!

(Ирина оборачивается, Дитрих невидим).

Горе все вырвалось, вырвалось здесь!
Все эти стрелы палящие, ах!
Молниям вашим открыт я весь,
Душу преследует пламя и страх!
Взять, удержать и обвеять готово?
Буду ль поглочен взбешенной рекой,
Свергнут ли руки горящие снова,
Снова меня в этот дай огневой?

(Раскрыв грудь).

Пена светосолнц сверкая,
Горе — ослепит меня...
В глуби сердца проникая,
Не поймаю я огня!

(Прячет голову).

ИРИНА

(Над ним).

Разве так горько быть вдруг растворенным?

ДИТРИХ

(выпрямляясь, видит Ирину).

Знай же, кого ты рукой обвила!

ИРИНА.

Чую, покончил с упорством исконным.

ДИТРИХ.

Прочь! Чтоб ты глуби постичь не могла!

ИРИНА.

Вся я, да, вся-я в твоей глубине.

ДИТРИХ.

Сестры пред смертью стонут во мне.

Да, твой дух был мной изранен!

Скорби, скорбы! Дорогу дай!

Я оночен! Отуманен!

В духодеме всех мужей!

Хоровод твой сломлен мною был Трусливого рукою!

Чтоб не быть побежденным, но взнесенным в круг
последний, — я

Сверг тебя!

В кельи той

Наг душою,

Подхожу,

Жгуч душой,

К двери сердца твоего я

И дрожу!

Там, где мадонны кроткий взор

С лазури неба устремляли,

В картине той был наш позор,

Мы трусость в ней изображали.

ИРИНА.

Все вы как боги! Силой полны вы!

ДИТРИХ.

Нет, мы хулители! Нет, мы трусливы!

ИРИНА.

Вы мне скажите, путь верен ли мой?

ДИТРИХ.

Род опозорен твой вместе с тобой!

(Дитрих ползет к столу).

Там на столе ненавистном исконно

Страсти схватил я, схватил я грехи.

Я задушил тот пламень зажженный,

Я задушил свое сердце...

В полночный, крайний час пришла ты...

ИРИНА

(пророчески).

Промчалась ночь! Как мир затих!

ДИТРИХ.

Бежит тревогой ад объятый

От уст божественных твоих...

И в этих женских слезах

Благо их,

Что из твоих струится глаз

В восторге бледных щек твоих

Все вижу, что почило в нас...

(Преклоняет колени).

ИРИНА

(преклоняя колени).

Склоняюсь я.

ДИТРИХ.

Жить ли мне, иль смерть принять?

ИРИНА.

О, тебя, тебя поднять!

ДИТРИХ.

Меня? Меня?

ИРИНА

(поднимая его).

Жить опять!

ДИТРИХ.

Но я виновен!

ИРИНА.

Смерть есть дело мертвецов!

Добрым, злым дать во мгновение

Избавленье,

Чтоб к солнцу все они как огоньки

В невыразимом мчались единеньи, —

Вот любви веселый труд!

До любви ты был невинен,

В ней лишь жизни очищенье,

Лишь любовь творит любовь!

Для любовных ласк живи ты,

О, любимый!

ДИТРИХ

(подняв взор).

Начало это или же конец?

ИРИНА.

Начало, да! То первый день людей!

ДИТРИХ.

Итак, сорву последнюю печать.

Ложь в мире укажи тогда!

То, от чего ей не укрыться, —

Я буду. Муж, герой всегда!

Пусть гибель в том таится.

Весов глубокий смысл расцвел.

Лев бегством был для всех мужчин,

А „Я“ и „Ты“ извечны в Близнецах!

Меж ними Рак — то смерть и страсть.

(Сияя).

В звездах Девы обрели

Мы властителя земли:

Поняли любви единство.

Мать, скажи теперь: аминь.

ИРИНА.

Сегодня судный день!

Вчера же смерть была!

ДИТРИХ

(протягивает руки).

Дух рек: приди!

ИРИНА

Мой зов: приди!

ДИТРИХ

(твердо).

Да, дух рек: приди!

ИРИНА

(победно).

Да, мой зов: приди!

(Они подают друг другу руки).

ДИТРИХ.

Вот ночь прошла!

ИРИНА.

Любовь святая, умереть не дай мне!
Так жутко-близко милость неземная.
Колени укрепи мне, чтобы чашу,
Блаженства чашу выпить я могла!

ГОЛОС ШЛЕЙХА

(из города).

Сюда! Туда! На Площадь! Здесь! На Площадь!

ДИТРИХ.

Я огнем наполненная чаша,
Я различаю сердце лишь твое,
Что с берега меня в простор толкает!

ИРИНА

(падает).

ДИТРИХ

(поддерживает ее).

Ты одиночества постигла ль холод,
В которое тебя хотел толкнуть я?
Когда б мой вздох тебя не пробудил,
Что он разбудит?
Когда б в тебя свое бы влил я сердце...

ИРИНА

(открыв глаза).

Дитрих!..

ДИТРИХ.

Луч этот вечности в моей груди
Пусть как алмаз твердеет! Дышишь! Дышишь!
Так тонущий среди видений страшных,
Когда сиянье солнца видит вновь,
Он радуется, ах, как я, как я,
Приветствуя твоей любви блаженство!

(Целует ее).

Вечно со мной!

ИРИНА.

Вечно с тобой!

ДИТРИХ.

Плоть сплетем!

ИРИНА.

Дух сольем!

ДИТРИХ.

В счастья рождаюсь!

ИРИНА.

Вздох замедлен...

ДИТРИХ.

В страсти теряюсь!

ИРИНА.

Круг завершен!

(Объятия).

ТРУСЛИВЫЙ СЫН

(глухой шум приближается к Ирине).

На этот голос шел я ночь за ночью,
Устало падая от вожделенья

Под грузом неслабеющих фантазий.
Сияет солнце, спрятаться я должен,
Луч каждый для меня как нож заострен!
Вы, силы, для чего так долго нас
Во мраке водите? Пока ослепнув,
Как воры уstraшенные стоим мы
И блеск и свет любви постичь не можем!..
Могу ль постичь! Ах, до последней складки
Жизнь корчится! О, ночь любовью вашей
Кровавая! Как холодно! Дрожу!

ДИТРИХ.

Свободу чую — океан эфира!
Потерян в горизонте беспредельном,
Я вижу край, где все найдет жилище.
Где звезды, солнца блеск, цветы дрожат.
О том сияньи ни солнце наше,
Ни небо жаркое не знают вовсе,
Когда б узнали, кончили б сиять,
И тусклости своей бы устыдились
Как я, коснувшись сердца твоего!

ШЛЕЙХ

(из города).

Рычите же: свобода! Власть сломите!

ПРИБЛИЖАЮЩИЕСЯ ГОЛОСА.

Свобода!

ШЛЕЙХ.

Ну, рычите же!

ГОЛОСА.

Свобода!

31-ая сцена.

ШЛЕЙХ

(с друзьями, которые несут на Площадь Гиацинту, завернутую
во флаг).

Кидайте тут! Дверь в щепки? Миллионы?
Поносят бога!

(Ликуя).

Все поносят бога?
Вадор, прочь!

(Срывает с себя платье и сиянье).

Новоделители вселенной!
Что тайной было, ну, рычите: сгнило!
Мы женщин в собственность возьмем! Кричите!
(Друзья уходят, он разворачивает Гиацинту).
Закутана? Модель? Кусочек сладкий!
Как персик налитой! Good bye! Good bye!

(Салютует сиянием).

Корде Шарлотта? Как рычаг! Good bye!
Меня убить? Мне угрожают? Богу?

ГИАЦИНТА

(выпрямляется, он бросает ее).

ШЛЕЙХ.

Молчи! Заткни дыру! Пандоры ларь!
(Тискает ее).

Как утка вихлозада? Пушкогруда?
Теперь из моды вышли игры Гретхен!
Свищу — приди, толкну — ступай! Мне смерть?
Рученка? Вышколим! Пойдем и дальше!
Не свадебная ночь! Нет, ночь!

(Кидается на нее).

Ах, прасвинья! Божественно однако!

(Возрастающий шум).

Тебя припрячу я в буфет покуда!

(Прячет ее).

Раздвинуть щель на роже! Волосы,

Усы приклеить? И фельдмаршал...

Колени гнешь? Богиня? Покорилась?

(На лестнице).

Уже и паралич? Эге! Терпенья!

По той же лестнице, перед законом

Я гнул, полон злобы на тебя!

Календаря начало? Разложение?

Как саламандра мягконогий рыщу

Через болото я за бабьим мясом...

Я выхлебну сердца. Я бог! Я важен!

Глава! Весь мир! Я! Тресни небо: Шлейх!

(Он устремляется в шумный дворец с Биянкой).

32-ая сцена.

БИЯНКА.

О, юности моей свеча...

ШЛЕЙХ.

Сто свечек...

(Кидает ее мужчинам).

БИЯНКА.

Я все в лучах! Меня хотят? Меня?

ШЛЕЙХ.

Прочь, мать святая! Мать! Брысь! Мать!

(Пока Биянку волокут по лестнице, он замечает Дитриха и Ирину.
Всем).

Божественно! Молитесь!

ВОЙСКО.

С этой девкой?

Изменник, ты заплатишься!

ШЛЕЙХ.

Повесить!

На этом он столе вас предал! Всех!

ВОЙСКО.

Связать, связать!.. Ему костром он будет.

(Дитриха и Ирину отрывают друг от друга).

ДИТРИХ.

Ирина!

ИРИНА.

Дитрих!

(Они освобождаются и кидаются снова друг другу в объятия).

ДИТРИХ.

Пусть разлука сокрушает!

ИРИНА.

Жить хочу я, жить!

ДИТРИХ.

Смерть любви нас не прельщает!

ИРИНА.

Жить, с любовью жить!

ДИТРИХ.

Облик Матери суровый

Зрю в твоих хмельных очах,

Зрю ее улыбку снова

И смиренное аминь!..

ИРИНА.

Материнской персти пламя
Унаследовать хочу я,
Поступать ее словами,
Милость позабыть былую!
Прежде чем к твоей прижаться груди
Не проникнут в сердце ей все люди!

ДИТРИХ.

Вновь цветет лилея наша,
Чую первый лепесток,
В нас он, в нас он вырастает,
Вырастает в посох всей вселенной.
Чтобы день, великий день зажегся,
Мы в тот день союз наш завершим!
И малым очагам цветы он даст,
И радостью ничтожнейшее станет...

ШЛЕЙХ.

Теперь владеет женщинами город.
(Дитриха и Ирину разлучают с силою).
Придумайте разгул пощекотливей.
(Ирину увлекают, Дитриха привязывают к столу).

ЮНОША

(внезапно с несколькими юношами из войска кидается на Шлейха).
Чорт!

ШЛЕЙХ

(защищаясь).

Идиоты! Скепсис? Страсть? За дело!
Вилла в цветах? Довольно квакать! Братья!

ДРУГИЕ СОЛДАТЫ

(освобождают Шлейха от юношей).

Ломайте руки им! В тюрьму их! Псы!

ЮНОША

(его одолевают, ликуя).

Скорей своими вы руками солнцу
Дорогу преградите, чем огню,
В сияньи коего я светоч малый.

(Его уводят с несколькими юношами).

ШЛЕЙХ

(смотрит на Трусливого Сына).

Поклон? Грядущего спаситель? Крик
Богатых горем нищих! Брат нам братьям!..
(Трусливый Сын хочет говорить).

Поднять его! На трон! На трон высоко.

(Он украшает Трусливого Сына короной и горностаем. Трусливый Сын, защищаясь, хочет говорить, протягивает к Дитриху руки).

Гей! Барабаны!

(Бьют в барабаны. Трусливый Сын опускает руки. Внезапно тусклые огни вокруг Площади).

Длань старца белая?

ВОЙСКО.

Нас окружили!

(Они бегут прочь от Дитриха и дают оружие Шлейху).

ШЛЕЙХ

(поднимает доспехи Гутундблута).

Я, меч? Шлейх, меч? А, меч! Пусть так!
(Вооружается).

ВОЙСКО.

(приветствуя Шлейха).

Шлейх, Шлейх.

(Все готовы ринуться в битву с Площади. Трусливый Сын поднят на трон над толпою).

33-ья сцена.

ДОЧЬ

(у ворот).

Никто разбит как я из смертных не был!
Взор на решетке пенится застывший,
И обнаженность похоти моей
Вокруг венка гниющих сел звучит!
Что одиночество лишь смутно мне открыло,
Людей безумье вырвало из сердца.
Проклятье, что хотела я разбить,
Меня рукой схватило жесткой! — О!
Я великанша, что с природой билась,
Пока ее я в сердце не постигла!
Собою искалечена стою я,
Молю о теле, чтоб вину загладить!

ГОЛОС ИРИНЫ

(под Площадью).

Дитрих!

ДИТРИХ.

Ирина!

ДОЧЬ

(прислушиваясь).

Это зов судьбы?

(Она устремляется, видит Дитриха и склоняется перед ним).

Не смею я в твой круг вступить, который
Загадочные милости струит!

Иль я в глазах твоих прочту, что кровь
В упрямстве страшном слушать не хотела.
Когда в том пестром вождельнии „Я“
Как алый дня цветок склонилось в ночь,
Тогда духовность бытия исчезла
Как лунный свет, и горы стали — вздохом!
И там, где смерти темная коса
Во взмахах призрачных напоминает,
Что падают народы как трава, —
Мы слышим музыку во взмахах стали,
Что нас со всем связует, уничтожив.

(Умолкающий шум).

О битва духов тлеющих фантазий!

(Дитриху).

Блеснет ли мне твой взор? Я в сердце мира
Смотрю, где силой создаешь своей
Любовью новой, новых ты людей!

Конец.

Перевели с немецкого:

С. Залицкий, Б. Мориц и Б. И.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие <i>Б. И. Ярко</i>	5
Род, трагедия	6
Площадь, драма	73

92